

Лариса Володимерова, Владимир Мальсагов

Мафия - ФСБ

Оглавление

Предисловие.....	4
Глава 1. Дневник из тюрьмы мирового масштаба – России	
Глава 2. Восхождение Таса	
Глава 3. Детство Хана. Партеец. Отцы и университеты	
Глава 4. Грязные игры. Хан: грабитель и сутенер	
Глава 5. Антисоветчик: по стопам отца. Современный ГУЛАГ	
Бунт в Хасав-Юртовской тюрьме	
Глава 6. «Ломка» в Шамхале	
Глава 7. Отделение ТБЦ: общаковая палата; движение в зоне	
Глава 8. Помощь умирающим	
«Парижские тайны» Алдов	
Глава 9. «Мовлид» в зонах	
Бунт – как провокация Хана и ФСБ	
Глава 10. Восхождение, а по сути - падение Хана	
Нухаев и становление Чеченской ОПГ	
Глава 11. Свобода	
Глава 12. Неприкрытый Нухаев	
Глава 13. Разборки. «Сильвестр». Отари Квантаришвили	
Глава 14. Чеченский «воздух» - авизо. Банковские аферы	
Глава 15. Яндарбиевская амнистия для Хана	
Глава 16. Генерал Дудаев	
Глава 17. Дудаев и Яндарбиев. Подключение Хана к политической кухне в Грозном	
Глава 18. Руслан Лабазанов – чеченский «Робин Гуд» или кгбшный «мокрушник»	
Убийство Уциевых в Лондоне армянской разведкой	
Глава 19. Хан - почетный гражданин Нью-Джерси, любимец женщин - Элизабет Тэйлор и Маргарет Тэтчер	
Глава 20. Бригада Нухаева в действии	
Глава 21. Аферы в банках Москвы под контролем ФСБ	
Убийства бригадой под руководством Таса	
Глава 22. Симбиоз криминалитета и ФСБ	
ФСБ и теракты 11 сентября	
Глава 23. Как все начиналось	
Глава 24. Детство в убитом городе	
Глава 25. Воры в законе	

Глава 26. Психология террора	
Хаттаб	
Приложение. Статьи В.Мальсагова и Л.Володимеровой	
Копнем чуть глубже	
1. Из неопубликованного А.Литвиненко и А.Политковской	
2. Птенцы гнезда Судоплатова. Татаев и взрывы домов	
3. Как и для чего убивали Джохара Дудаева	
4. О похищении Атлангериева	
5. Из беседы В.Мальсагова и Л.Володимеровой	
6. Приложение: компромат.вай	

**Копирайт: Лариса Володимерова, Владимир Мальсагов.
Перепечатка русской версии книги в сокращенном виде
преследуется по закону. Все права защищены.**

Если можно считать «везением» 10 лет усиленного режима, отбытых в современном российском ГУЛАГе, выживание после пыток в концлагерях и после ран на войне, - то Мальсагову повезло: он действительно видел и пережил все то, что не знают другие.

Эрудит и потомственный интеллигент, криминальный авторитет и выдающийся бизнесмен, тонкий прозаик и мужественный красавец, крайне сдержанный в чувстве своей правоты и собственного достоинства, – продолжение бесконечно настолько, что нормальная женщина бросает все и идет за таким человеком на край Земли, не оглядываясь, покоренная его силой духа, умом и сердечностью. Я это сделала; в результате потеряла себя и книгу, над которой работала год http://www.kontinent.org/article_rus_4a4416055ba3c.html , а мой соавтор в публикациях и интервью (представляющих куски из моих же статей, стилистически легко отличимых) снял мое имя. В момент нашего знакомства он не только не умел составить фразу по-русски, но и не пользовался компьютером; так пусть эта книга останется памятником любви к человеку, которому я так мечтала сделать имя в литературе, хоть как-то облегчив выпавшие на его долю страдания.

В. Мальсагов – по матери русский, а по отцу, известному как «чеченский Сахаров» (благодаря стилю жизни, моральным приоритетам и раскрытию трагедии деревни Хайбах, где живьем сожжено 750 человек), - чеченец, что само за себя говорит в разгар бойни, которую творят российские палачи-оккупанты в героически сопротивляющейся республике при попустительстве Запада.

Человек растит в себе личность сам, - и не только генетически Владимир так свобододлюбив, что первое «дело» завели на него еще в армии, когда он,

отучившийся год-другой в институте «салага», бросился на ударившего его по руке линейкой дежурного по части офицера. Срока Мальсагова – от пяти лет до расстрела 191 прим. 2, от восьми до двенадцати - 108 часть 2, от четырех до семи, полученных уже в 2000-м, - и на его коленях красуются наколотые в юности краской от жженой подметки две воровские звезды, девиз которых – «Я не встану на колени перед властью».

О том, что не встал, свидетельствует эта, редчайшая информационно и художественно, книга, начатая в тетради в тюрьме (35 страниц заготовок), на сд переправленная с оказией в Англию, редактируемая нами в транспорте из страны в страну, в каморках лагерей беженцев, больше смахивающих на камеры, и в кафе, где нас не найдут.

Руки Мальсагова испещрены шрамами от ранений и суицидов: 17 раз ему приходилось вскрывать в лагере вены, чтобы пресечь ментовской беспредел. Но цель автора книги – не наказать виновных, а остановить войну, закрыть концлагеря и предотвратить готовящиеся теракты, планируемые ФСБ.

В. Мальсагов по двум ВУЗам - юрист и историк. Он сделал главное: не потерял совесть и честь, не сдался. Он, конечно, один из тех, на ком «Земля держится», - мощнейшей духовности личность. У кого нужно учиться и чьим принципам следовать: он уже победил.

Л. Володимерова, лауреат «Журналист года - 2007» (Великобритания), Нидерланды.

Предисловие.

Эта книга была начата мной в СИЗО-1 города Тулы в 2000 году и сохранена без изменений (современные **Дополнения** выделены особо, а статьи приведены в **Приложении**). Освободясь из заключения, часть зашифрованных материалов я передал на CD - с соблюдением условий конспирации, так как существовала опасность, что рукопись попадет в руки ФСБ – журналисту «Таймс» и Би-Би-Си Томасу де Ваалу. Встреча происходила в Москве, внизу на станции метро «Динамо». В то время я находился на нелегальном положении в России без документов, уничтоженных самими же оперативниками ФСБ, и не имел возможности свободно передвигаться. Публикация книги осуществляется только сейчас, благодаря моему выезду за границу и после нескольких лет вынужденного молчания до получения политического убежища.

Т. де Ваал приезжал в 1994 году в Чечню и был введен в наш дом деятелями искусств и учеными, т.к. хотел ознакомиться с архивными документами моего отца, диссидента Дзияудина Мальсагова. Во время Первой войны, уже после смерти отца, Томас постоянно бывал у нас дома и написал книгу «Чечня: катастрофа на Кавказе». Кое-что из не закодированных мной на CD данных о роли российских спецслужб в спровоцировании чеченского конфликта и в развертывании так называемой «антитеррористической кампании» с целью привода Путина к власти журналист использовал в своих английских публикациях. Из биографических материалов он узнал также о роли главных тайных лиц российской политики, и сегодня готовящих очередные теракты. Но ряд имен – таких, как «Хан» (Нухаев Хож-Ахмет, «Гитлер»), «Тас» (Татаев, «Дядя», Худайнатов Семен), «Макс» (Лазовский), «Маратка» (Васильев), Руслан» (Атлангериев, Итальянец, Ленин), «Усман» (Адаханов, «Берлинский»), «Михалыч», «Адлан» (Натаев) и других – оставался под шифром и разглашен быть не мог. Сохраняя рукопись в первоначальном виде (когда я не мог проверить в тюрьме написание ряда названий), в том числе шифр имен по оперативной «легенде», в **Предисловии** я указываю подлинные фамилии преступников от ФСБ.

В 2001 году я трижды встречался на Чистых Прудах в редакции «Новой газеты» с Анной Политковской, передал ей зашифрованные страницы, а после прочтения назвал некоторые имена. Журналистка заинтересовалась Нухаевым и спецгруппой ФСБ, им созданной, и ездила в Лондон с целью собрать материал, для чего посещала

представительства компаний Нухаева, открытых в Англии. Также она пыталась узнать в Чечне подробности о его деятельности, чем обратила на себя внимание ФСБ, и впоследствии была убита за переданную ей тогда и публикуемую полностью в книге «Русская мафия – ФСБ» информацию.

Жестко выделю: только пытающийся извлечь свой подлый интерес искаженно истолкует описанные в этой книге подтверждения пресловутого «чеченского следа», на самом деле несуществующего и выдуманного в аналитических структурах ФСБ. Во время написания книги спецслужбы еще не приступали к полномасштабному развертыванию программы дезинформации, призванной перевести стрелки ответственности за все громкие мировые теракты (и прежде всего теракты 11 сентября в США) на ЦРУ и Моссад, как очевидно сейчас. У сотрудников российских спецслужб в принципе не может быть национальной принадлежности, а есть корпоративный интерес и личная подлость. Так нет национальности у бандитов и террористов, о чем не раз заявлял и глава этих структур В.В. Путин. Поэтому оценивать действия Нухаева, Татаева, Лазовского, Васильева и прочих в свете национальной принадлежности означает уводить ответственность от Кремля, который является главным и единственным организатором громких терактов.

К настоящему моменту, уже прочитав книги безусловно смелого и честного А. Литвиненко, я задался вопросом, почему, выйдя в своих расследованиях на спецгруппу убийц от ФСБ, взрывавшую дома и транспорт в России, он не назвал имена руководителей, которых не мог не знать. Я понял, что Александр остерегался навредить тем, кого считал своими друзьями, и кто-то его останавливал: в своей деятельности многие олигархи связаны с представителями ФСБ и друг с другом.

Имея старинные приятельские отношения с Нухаевым и его окружением, я считал необходимой публикацию книги, так как, зная изнутри эту кухню, вижу единственную возможность прекратить войну в Чечне, остановить геноцид и мировой терроризм - открыв истину о роли ФСБ с ее спецподразделениями и ее руководством. Тем не менее, точка зрения по ряду вопросов у нас с Нухаевым совпадает, политических антисоветских взглядов он набирался от меня, - но в его интересах превалируют власть, интриги и деньги.

Идет война, и самым главным для всех чеченцев остаются свобода и независимость Чечении от российской колонизации. Я стоял и стою на позициях истинной демократии. Пример последнего вторжения России в

Грузию показал всему миру прямую угрозу экспансии, реально нависшей практически над любым государством.

У каждого в Чечне погибли родные, и все честные граждане фактически становятся кровниками возносимому сейчас некоторыми политиками на пьедестал, как «народному освободителю» (!), Р. Кадырову, М. Байсарову, Какиеву, Димельханову, Гантемирову, Автарханову, Хаджиеву, Х.-А. Дениеву, Лабазанову и другим предателям народа, его палачам. Так, Нухаев и Татаев обрели врагов среди Натаевых, Адахановых, Уциевых и других: ведь без санкции Нухаева и организации убийств Татаевым никто бы из близких вышеназванных людей не пострадал.

Исполнители, совершавшие убийства, и сейчас находятся в российских тюрьмах и могут дать показания по всему спектру изложенного - и кто за этим стоит. Любой депутат, сделав запрос в прокуратуру России, например, об Архипове и о том, имела ли место его насильственная смерть, может распутать цепочку, прийти к последнему месту работы, где Архипов «трудился» под началом Татаева (Худайнатов), и проверить все финансовые операции, проводимые за подписью жертвы; понять, после перечисления каких сумм и почему именно Архипов был устранен, и кто конкретно отдал приказ.

История сама накажет виновных. Настоящая книга не стремится к сенсации или мести, но призвана предотвратить теракты, готовящиеся сегодня. Она полезна полиции, бизнесменам, гражданам большого ГУЛАГа и Запада.

Созданные еще в советское время учеными (о чем упоминал генерал Олег Калугин), на случай военных действий с Америкой в период холодной войны и подрыва экономики США, станки по изготовлению фальшивых долларов были перевезены с Лубянки в Чечню и установлены во дворце, отстроенном Нухаевым. Когда поступила информация в 6-й отдел о том, что фальшивую валюту изготавливают в доме Нухаева, оперативная группа отдела по борьбе с оргпреступностью МВД Чеченской республики Ичкерии, возглавляемая подполковником Хусейном Саидовым, выехала с обыском на Бароновку, на улицу Спокойную в Грозном. Оттуда шли все фальшивые доллары в Турцию и Иран, и по Европе, и на них закупалось оружие и подкармливался международный криминалитет - для создания в мире негативного имиджа сражающейся с имперским оккупантом Чечни. Об этом мне

рассказал живший раньше в моем «барском доме» сам же Саидов, перед началом первой русско-чеченской войны.

Я подробно рассказываю о терактах в России и Лондоне, о планировании взрывов в Нью-Йорке 11 сентября. Западные спецслужбы имеют возможность проследить контакты и время пребывания направленного Кремлем и Нухаевым в Европу, перед лондонскими взрывами, Татаева, - встречи, тогда необходимые для подготовки диверсий, которые склонили Великобританию дать добро на вступление России в Большую Восьмерку, - и не могут не убедиться в том, что российская ФСБ стоит за терактами, а Татаев – их организатор.

Я рассказываю об убийстве и похищениях иностранных журналистов и бизнесменов (таких, как Пол Хлебников и Пол Тэлбот). О наркотрафике из Афганистана в Европу – под контролем и по путям, проложенным ФСБ. О многочисленных убийствах российских политиков и бизнесменов, неугодных Кремлю. О действиях этой спецгруппы тайных убийц и диверсантов ФСБ на Украине, развернувшихся особенно активно, в целях противостояния, с приходом Ющенко к власти. И о многом другом, до сих пор остававшимся тайным.

Западные лидеры, садясь за стол переговоров с российскими палачами, обязаны, не отмахиваясь от правды, нести ответственность за свою позицию в поддержке распространения мирового терроризма. Пока война в героической, оккупированной после общенародного принятия демократической Конституции Чечне не будет прекращена, пока не запретят пытки и не закроют российские концлагеря, а ФСБ, как гитлеровские Гестапо с СС, не будут осуждены международным Трибуналом, - на Земле продолжатся теракты и взрывы.

Владимир Мальсагов

Книга эта по праву посвящается Ларисе Володимеровой – удивительной, чудесной, нежной и хрупкой женщине, но отчаянно мужественному и смелому человеку, готовому сгореть без остатка в борьбе за свободу и счастье людей, зачастую не знакомых, выступая как широко известный защитник прав человека. Без ее огромного писательского таланта, титанической энергии и подлинной самоотдачи эта книга никогда бы не увидела свет. С истинной любовью и благодарностью,

В. М.

Глава 1. Дневник из России – тюрьмы мирового масштаба.

До глубины души больно и обидно за народ Чеченской республики, который подвергли дьявольским экспериментам, разрушив дома, моря голодом и уничтожая в геноцидной войне в угоду амбициозным интересам Кремля и его спецслужб, - больно за свой народ и свою землю. Неужели Кремль всегда будет рассматривать Чечню, как территорию для извлечения личной прибыли, плацдарм для подготовки всякого рода спецопераций в близлежащих регионах, а ее молодых людей - как волонтеров, бойцов-легионеров в акциях, проводимых за пределами России?

Если б я по воле судьбы не узнал изнутри истинную кухню происходящего, то так бы и находился в заблуждении, будто преступная группировка ФСБ – это всего лишь бригада «крутых парней», о которых теперь ставят фильмы и поют песни, - парней, стоящих на гребне волны в эпоху дикого капитализма России.

Пока деятельность российских спецслужб не станет достаточно прозрачна и подотчетна Парламенту, и по этому поводу не будет принят работающий закон, соответствующий мировым стандартам, - господа иностранные бизнесмены, поостерегитесь связывать свой бизнес с Россией! Если дороги вам ваши деньги и жизни, поймите: в России игра не по правилам - а по понятиям, для вас странным и чуждым.

Если мне удастся вынести из большой тюрьмы – России – и предоставить вашему вниманию этот материал, то вам станет ясно, оправданы ли и дальновидны деловые контакты с российской стороной, и что за ними стоит. Конечно, выгодно покупать в России нефть, газ, лес, металлы, получая их на Западе и там же оплачивая сделки по заключенным договорам. Но если вы попытаетесь открыть производство и инвестировать средства в Россию, соблазнившись дешевой рабочей силой и сырьем – вы рискуете остаться без ничего или будете вынуждены кормить и содержать на свои деньги навязавшиеся спецслужбы, выполнять их требования и условия. А иначе ваш бизнес заморозят, заблокировав банковские счета, настав нескончаемые проверки налоговой полиции, пожарной охраны, СЭС, или тысячей других способов. А то и просто застрелят вас, как владельца «Рэдисон-Славянской» Пола Тэлбота

и других предпринимателей. Кого-то ждет гибель, кому-то повезет с наживой, - но нравственно ли поддерживать палачей?

Я решился начать записывать то, чему сам, в силу обстоятельств, оказался свидетелем. Уж слишком больно видеть горе своего народа в Чечне, разруху и смерть - и молчать, зная истинный сценарий всего происходящего, его сценаристов, под кого именно и в чьих интересах все это устроено. Пишу, а в руках вроде и не ручка вовсе, - граната со сдернутой чекой, даже бомба. Слишком опасна и страшна эта правда, а последствия могут быть соизмеримы с ядерным взрывом в умах людей - тех, кому дорога истина. Тех, кто не обделен долей анализа и смелости и захочет наконец понять: какова страна, в которой мы живем, кто правит ею – и кто мы для них, при достижении их цели – власти и денег?

Уверен, многие, кто хоть немного слышал об этом или знает, - ужаснутся, а обо мне скажут: у него точно «крыша съехала», раз на такое отважился замахнуться. Как говорил один из завидовавших и, очевидно, убранных по приказу «Хана» на выезде из офиса на улице Матвеевской в Москве людей, «Тот и два дня не проживет, кто плохое слово скажет о Хане», кто попытается поднять истинный негатив целей разыгрывающих все эти партии, а главное – обозначит их поименно и по ролям.

Так что – молчать будем? – И пусть горит в войне земля наша, рушатся города и гибнут люди? Вы как хотите, а мне - противно. И помните, что сказано: «Не создавай себе кумиров». Не поклоняйтесь идолам, тем более - изображенным на иконостасе по заданию ФСБ, подобно английской книге «Икона», героем которой стал Хан. Он профинансировал заказанное им же издание, создав легенду для самовозвеличивания и поклонения.

Кого не удивит, не шокирует спокойный расстрел среди бела дня на улице, а то и в фешенебельной гостинице Москвы или любого из городов России, зачастую - и в Европе и мире – каждого, кто по их решению должен быть ликвидирован, тем более, что покрыто все будет мраком тайны, а до истинных заказчиков никогда и никто не докопается? Страшно! Конечно, страшно, ведь страх – это их основная цель и оружие. Многие это знают – молчат. Есть немало, кто молча завидует, а если и говорит, то в восхвалительных тонах. Последние, как правило, из тех, кто

причисляет себя к той или иной «бригаде», т.е. ОПГ, Преступной группировке.

Спецгруппа, о которой я расскажу, создана Ханом и позже привлеченными к ее организации Путиным, Патрушевым, Хохольковым, Сусловым с целью реализации их преступных интересов в области политики и экономики, для устранения лиц, стоящих у них на пути. Работая под «легендой» прикрытия Организованной преступной группировки, она осуществляет заказные убийства как на территории России, так и далеко за ее пределами.

Убийства проходят безнаказанно и спокойно, по «высшему уровню», потому, что они планируются аналитическим отделом ФСБ, разрабатываются заранее как спецоперация: за жертвой устанавливается наружное наблюдение, и после этого, когда об объекте получены все требуемые данные – когда по минутам он ест, спит, выходит из дому, с кем встречается и т.д., - подключаются рядовые, но прекрасно натренированные исполнители, для которых совершить убийство – это их работа, обыденность. Чаще всего это «кидалово»: одни преступники мстят из-за денег другим; но таким же или сходным образом устраняют всех неугодных – политиков, журналистов, правозащитников.

Не испытывая страха наказания, киллеры циничны и спокойны, и считают себя вершителями судеб людских. Профессионализм палача отработан до того, что превращается в некое специальное призвание. Как пример – убийство по политическим мотивам Галины Старовойтовой, когда были отслежены мельчайшие детали даже ее интимной жизни, или убийство в гостинице «Мэрриот» на Тверской в центре Москвы, и о прочем подобном я еще расскажу в деталях.

Непосредственный командир спецгруппы киллеров, Тас (по кличке «Дядя»), получает от аналитического отдела ФСБ данные о намеченной жертве. Причем аналитики не знают, как и «наружка», о цели сбора информации - и о предстоящей акции. Тас дает инструктаж подчиненным – фотографии, данные, выбранное место проведения операции; затем каждый занимает отведенную позицию и выполняет обозначенную начальником функцию.

Отстрел происходит по «маяку» - условленному сигналу. Если подает его Тас – он от этого даже кайфует, получает наслаждение подобно оргазменному, ведь такой прилив адреналина вызывает эрекцию (у профессиональных убийц, для которых убийства даже не то что норма, а интерес и некое вожделение сродни сексуальному, - эрекция, если она не отягощена патологией, присутствует, а в момент совершения или подготовки отстрела - усиливается: если человек умеет бороться с какой-либо формой страха (как страх перед прыжком с парашютом, страх боксёра перед боем), то буквально первые мгновения преодоления себя с целью реализации задуманного вызовут чувство или, скорей, ощущение сродни сексуальному, и чем опаснее или запретнее, с точки зрения человеческой морали, преодолеваемое и достигаемое - тем сильней возбуждение и эрекция; зависит это от присутствия и степени таланта, употребленного во зло, как у Путина, Чикатило, Таса и иже с ними).

Например, получив сигнал о присутствии жертвы, исполнитель Максим Лазовский, чуть прихрамывая, заходит в пятизвездочную гостиницу, где в бизнес-холле намеченный объект ведет переговоры со своим компаньоном. Обычно в холле звучит легкая, тихая музыка в исполнении арфистки, и обсуждаются сделки, сулящие большую прибыль, - скажем, по реализации нефти. Как правило, у каждого бизнесмена есть охрана, а на входе стоят «режимники» этой гостиницы с переговорным устройством. Не спеша проходя между столами, Макс приближается к жертве, и буквально на расстоянии полутора метров спокойно достает из-за пояса пистолет: он обычно без кобуры, за ремнем с левой стороны, под небрежно выпущенной рубашкой, и прикрыт пиджаком.

Откинуть полу, вынуть пистолет с «догнанным» в патронник патроном и выстрелить в голову - занимает доли секунды. Чаще используют пистолеты с глушителем, но не обязательно, так как сам хлопок оказывает шокирующий, парализующий ту же охрану эффект. Охрана обычно накачана только физически, а в реальной ситуации эти люди теряются.

Как правило, присутствующие в зале не успевают осознать происшедшее. Ведь картина ужасов – разлетающийся брызгами мозг с частичками черепа и море кетчупа в виде крови – это атрибуты хичкоковских лент, но не реальности. А в быту, если жертва сидела - то тихонько сникает,

обвиснув на спинке стула, – и все. Или, если нет подлокотников, то тело медленно сползает на пол. Даже рядом сидящий не всегда понимает, что именно произошло.

Макс разворачивается, никогда не выбрасывая оружие на месте в зале, и, спокойно держа взведенный пистолет в опущенной вдоль бедра руке, не спеша выходит наружу, где садится в подъехавшую в тот же миг, предварительно угнанную машину. Безо всякого «свиста колес» и театрализованных пробуксовок машина увозит киллеров и даже останавливается по красному сигналу светофора, если нужно, - не нарушая правил движения.

Другие группировки часто выбрасывают оружие – в мусорник на улице или тут же, на месте, после отстрела. Потому что оружие – фактически единственная улика их преступления. Но группировка Таса часто, со знанием дела, повторно использует то же оружие: чтобы увести след в сторону - скажем, на боевиков или на другую преступную группировку, которую, по разумению ФСБ, нужно подставить ментам.

Отстреляв, приезжают на базу, предположим, находящуюся в районе города Одинцова, по трассе, ведущей на дачу к Борису Николаевичу в Барвиху. По ходу могут притормозить у мотеля возле Немчиновки, поесть шашлыка, а кто хочет – выпить сто грамм, хотя в этой профессиональной среде нет настоящего алкоголизма (- но «швыркают» кокаин регулярно). Так, один раз по дороге на ту же базу, с наступлением теплых дней 1996 года, в придорожном ресторанчике произошел случайный конфликт, когда без очереди, всего-навсего, полез один из местных, прибалтанных одинцовских парней, и был тут же, «дополнительно», застрелен.

Вернувшись на базу, где все очень буднично, домашне, уютно – гамак, сауна, бассейн, беседки - расслабляются, потихоньку выпивают, едят, веселятся, - не просто обыденно, а со смехом обсуждая проведенную операцию, выискивая в гримасах, эмоциях, положениях случайных свидетелей, оказавшихся в холле, потешное. Так, напыщенный бизнесмен в прикиде от «Хуго Босс» или «Версаче» запросто мог обделаться в холле или залезть под стол, - и то в тот момент, когда Макс уже был в дверях. Находили смешное и в том, как именно падала жертва, - что-то видя

особое в предсмертной мимике, хотя лица, как правило, не успевают исказиться в последнюю долю секунды.

Несмотря на этот, неведомый простому человеку, махровый цинизм, киллеры в то же время могут обсуждать тонкости человеческой натуры, честь и достоинство, доблесть, и говорить о любимых в возвышенном тоне.

...Обрисовав некоторых персонажей задуманной мной книги, отважусь предсказать наиболее вероятный на сегодня сценарий по Чечне. Скорее всего, в Чечне установят авторитарную власть, а во главе поставят Зелимхана Яндарбиева. Удивительно? – Но это вероятно, ведь править-то будет не он, а тот, кто его поставит, да и Яндарбиев, скорее всего, - переходный период.

Теперь попробую поплотней подойти к теме, дабы картина вырисовалась ясней и доходчивей. Многие слышали, а кто и читал, как и я, упомянутые в «Новой газете» главы из книги подполковника ФСБ Литвиненко «Взрывая Россию» (“Blowing up Russia”). Может быть, кому и всю книгу довелось прочесть, но главное, что правда это все, - может, и с маленькими неточностями - но ужасная правда. Знает он или нет, а, может быть, просто не стал выдавать по каким-то причинам, находясь даже в Лондоне, кто именно и как создавал, тренировал, а главное, вселил в сознание полную вседозволенность, уверенность в безнаказанности за совершенное, и кто убедил, что служат эти люди во благо единственно правильной общей цели и имеют превосходство над всеми остальными в сем мире, - тот же Макс «Хромой» - Максим Лазовский, «Маратка» - Марат Васильев, Адлан Натаев и другие?

Конечно, он не мог знать, как тренировались, еще до войны в Чечне, во владении разного вида стрелкового оружия, и как один из тренирующихся – Марат Васильев - чуть было, по случайности, не угодил из гранатомета вместо скалы, куда стрелял, в старика, что спустился к речке в ущелье. В то время на этих учениях с ними находился, проводя инструктаж, Имран Вагапов, а вывозил всех на учения Хан. Они все останавливались в гостинице так называемого Французского дома, где тогда размещался головной штаб Хана.

В Москве, городах России, на Украине и в дальнем зарубежье указания и приказы на ликвидацию очередной жертвы передавал этому секретному «эскадрону убийц», акцентирую, непосредственно майор ФСБ Тас, зять Хана, который и сейчас зачастую навевается в ночные заведения Москвы под охраной и в окружении офицеров ГРУ (так как любят они это дело, то есть попить немерянно, а главное, что называется, оттянуться по полной программе).

Что до Таса – вот где слова из всем известного «Интернационала», «кто был ничем, тот станет всем», оказались пророческими.

Глава 2. Восхождение Таса.

Тас - сынок завсклада на Аргунском мясокомбинате. Таких, как его отец, в советское время называли «хищниками» или «фашистами», так как их деятельность подпадала под ответственность статьи 93 УК РСФСР «Хищение соцсобственности в особо крупных размерах», предусматривающей от 8 лет лишения свободы до расстрела. Но ему удалось миновать все предусмотренные наказания, скопить немалые, по застойным временам, деньги и даже держать в то время сразу нескольких жен. Менялись директора на мясокомбинате, многих сажали в тюрьму, а он оставался непоколебим на своем месте, подкармливая сотрудников ОБХСС и КГБ мясом и деньгами. А главная его заслуга перед КГБ была, как говорили старики в ЧИАССР, в том, что он вовремя подкидывал необходимую информацию, потому-то и позволял себе в то известное время всё, что для другого, иначе как тюрьмой, не обернулось бы.

Тас же рос сынком богатенького, как говорят, «упакованного», папеньки, не отличаясь ни смелостью, ни дерзостью в школьных драках и хулиганстве, что присущи всем нормальным парням. Было одно - и постоянное пристрастие – девочки, которых он любил ублажать за папины денежки шампанским и конфетами, при этом ему очень хотелось, чтобы называли его не иначе как «Лапушка» - кличкой, которую выдумал себе сам: видимо, очень хотелось таковым быть в их глазах. Девушки, конечно, любят сладости и шампанское, но почему-то, говоря при встрече об угощениях со стороны «Лапушки», наряду с восторженностью

от вкусного этак с ехидцей цинично заканчивали: «Раскрутили, как богатенького Буратино».

Как и все мальчишки в детстве, Тас так же, наверное, хотел стать смелым и сильным – может быть, моряком, космонавтом, даже и лихим гангстером. Каковым и почувствовал себя, наконец женившись на сестре Хана, и даже присвоил себе подходящую для этой роли кличку – «Дядя», позаимствовав ее у одного из героев популярного американского фильма «Однажды в Америке». До тех пор он в руках держал лишь бензиновый пистолет на автозаправке возле Трампарка, где и работал после того, как его за пьянку выгнали из «Заготскота» - денежного места, куда пристроил отец.

Как говорят окружающие Таса и те, кто в силу вмененных им полномочий вынуждены выполнять приказы, исходящие от Таса, «Вот жизнь пошла. Раньше умом, смелостью авторитет завоевывать приходилось, а теперь – при женитьбе, как в приданое, вводят!». И именно этот «авторитет», майор ФСБ, отдавал приказы на ликвидацию Адлана Натаева, Усмана Адаханова, и на многие другие акции. Под арестом находится «Маратка», а ведь он был водителем, телохранителем и особым порученцем, выполняя кровавые приказы, после Максима Лазовского «Хромого». Но аресты и преследования по расследованиям не могут коснуться Таса. Высота его – высота спецслужб – недостижима, и не по зубам никаким следователям, да и кто рискнет, - уберут, если надо, а дело заберут себе, как касающееся «государственной безопасности» и уничтожат, как это было с начальником МУРа Владимиром Цхаем.

Дабы легче и лучше можно было представить всю схему этой организации, позволю себе вернуться мысленно хотя бы к концу 80-х - началу 90-х годов, к распаду советского режима, к началу свободного предпринимательства и резкому обогащению некоторой части на фоне обнищания, а то и упадка, другой части населения. Но то время для нас в данный момент интересней всего прежде тем, что много тайного из деятельности спецслужб в СССР вдруг стало явным даже для широких масс бывшей страны и всего мира. В то время, как многие помнят, появилось немало публикаций в прессе, от запрещенной ранее диссидентской литературы - до повествований агентов и сотрудников спецслужб о роде и характере их подлинной деятельности на «невидимом

фронте»; от «Огонька» и других журналов – до книг в твердой обложке, типа «Белой стрелы», написанных самими сотрудниками, прежде всего - КГБ.

Кому в СССР или уже в России пришлось соприкоснуться с пенитенциарной системой – ГУЛАГом, а таковых в этой стране огромное количество, - те хорошо знают, что такое термины «управленческий», «всесоюзный», а ныне «всероссийский». Это - агенты центрального аппарата КГБ-ФСБ, внедренные в уголовную среду, которых само лагерное, и даже начальство ГУИН области или края, не знают в лицо и пофамильно, но страшно боятся. Эти люди имеют звания и определенные должности оперуполномоченных, с начала своей службы внедряются в уголовный мир. Они коммуникабельны, хорошо подготовлены по законам и «понятиям» преступного мира, а главное – имеют отличные «легенды», и по ним - проработанные запланированные преступления.

В уголовной среде эти агенты имеют широкий авторитет, а иначе они и не нужны для работы в том мире. С начала возникновения СССР засылались они для контроля и влияния на спецконтингент, т.е. заключенных, - а тогда более половины населения прошло через ГУЛАГ, и там была масса интересных, талантливых, можно сказать - лучших людей. К тому же необходимо было следить за деятельностью лагерной администрации, которая во все времена, оставаясь полновластной машиной над бесправной массой заключенных, отличалась самодурством, произволом, беспределом, облагая поборами «зэков». Сотрудники этого отдела КГБ, сейчас это кажется УРПО, отдел ФСБ по так называемой «Разработке оргпреступности», проводят большую часть жизни в преступном мире, продолжая в лагерях и на свободе расти в званиях и должностях. Но даже близкие не подозревают об истинном характере их деятельности. И что самое страшное, они, как бы по аналогии с легендарным Джеймсом Бондом Флеминга, наделены правом, лицензией на ликвидацию, то есть на убийство людей, на их взгляд подлежащих устранению.

Во время краха тоталитарного советского режима многие из этих агентов оказались не у дел и попросту ненужными. Зарплата за год офицера КГБ была намного меньше, чем мог себе позволить спустить за ужином в хорошем ресторане новоиспеченный кооператор, и это приводило кого в

уныние, кого в ярость. Тут и начался их переход, то в привычную криминальную среду с крышеванием, разборками и стрельбой, то в частные охранные структуры, которые так же по существу оставались криминальными, так как занимались выколачиванием долгов, угрозами, шантажом и ликвидацией конкурентов. Но, как говорят в России, «КГБшник-ФСБшник уходит на покой только с опусканием его гроба в могилу»: они остаются до конца жизни связанными с Лубянкой, пользуются ее оперативной информацией, выполняют поручения, наделены ее властью и прикрытием, кто – оставаясь за штатом, а кто - и возвращаясь вновь.

Задумайтесь: с 1917 года имея практически неограниченную власть, объемную информацию, широчайшую агентурную сеть, владея опытом, методами и средствами воздействия на человеческую личность, общественное мнение, на процессы, происходящие в обществе от угроз, запугивания, фабрикация уголовных дел, шантажа - до массовых «персональных» расстрелов, устранения с помощью сверхсекретных современнейших ядов и новейшей спецтехники, созданных в тайных НИИ и лабораториях КГБ, - могла ли верхушка ЧК-ФСБ, генералитет, остаться в стороне? Отказаться от «лакомого куска» дележки богатств России, от доли в цветных, радиоактивных, благородных, черных металлах, лесе, газе и нефти, от так называемой приватизации и переделе собственности, глядя на это и довольствуясь, что называется, голым окладом? Да конечно же, нет!

Вот тут-то и заработала «машина» ВЧК-ФСБ по-новому, остервенело, а с введением во власть своего человека – офицера КГБ Путина – и откровенно внаглую, сметая все и вся на пути к деньгам и власти. Тут-то получили новую востребованность все бывшие и нынешние, заштатные и штатные заплочных дел мастера, агенты спецслужб, а особенно - с открывающимися перспективами в залежах нефти, так называемого «Каспийского шельфа» и в до сих пор еще не разодранных природных богатствах и нефти Чечни, с учетом важности стратегического положения республики и близости к нефти, того самого шельфа, - отсюда и война, и все, что творится на Кавказе.

Глава 3. Детство Хана. Партеец. Отцы и университеты.

Одним из основных авторов разворачивающегося сценария на Кавказе и даже по миру; одним из тех игроков, что наряду с Сосковцом, Коржаковым, Патрушевым, Хохольковым, Суловым, с начальником ГРУ и, пожалуй, самим Путиным с этими близкими и преданными ему генералами ФСБ, сидящими за одним ломберным столом в раскладе кровавого пасьянса, - является Хан. Личность далеко не заурядная, наделенная тонким, гибким и очень коварным умом, смелостью и нужной отвагой, расчетливой жестокостью; не плохо образованная... В общем, неординарный человек с головой, полной расчета и тонких интриг, а главное - одаренный умением внушения того, что необходимо, подмятия под себя чужой личности и воли. - Всеми качествами лидера.

Все люди, упомянутые Литвиненко в главах его книге, буквально раболепствовали перед Ханом, были всецело ему преданы, беззаветно верили и всегда в точности выполняли только то, на что получали от него одобрение. Хотя и шла передача команд - через его зятя Таса, так как последний был поставлен присматривающим за делами в столице, и зачастую подло пользовался этим, отправляя Хану искаженную информацию о ситуации в Москве и отдавая приказы на устранение своих личных «оппонентов», - будто приказы исходят от самого Хана.

Макс, Погос, Марат и другие, упомянутые и не упомянутые А. Литвиненко, собирали и собирают наличную валюту из подконтрольных Хану точек по Москве, Новороссийску и других мест, доставляя затем их в нужный пункт за границу, обычно прихватывая для этой цели красивых «тусовочных» девиц из дорогих клубов, размещая валюту на их телах; сами же осуществляют страхование и контроль. Это - что касается наличности, а основные же суммы идут по отработанному сценарию, через подконтрольные ФСБ подставные фирмы на офшоры, а далее - адресату.

Не обо всем, чему был очевидцем, пишу я подробно, так как многие, завязанные в этой системе, по существу - неординарные и порядочные люди, совсем не представляющие истинной картины во всей этой схеме; под кем и на кого реально работают, чьи интересы лоббируют.

Тут поневоле придется коснуться и себя лично, дабы стало понятно, откуда я могу все это знать. С Ханом мы дружим со школы, иногда вместе гуляли ученическими командами, иногда вместе дрались с остальными, хулиганили, разбойничали – все было, а один раз, весной 71-го года (по-моему, по просьбе Маскурова), в парке имени Кирова («Трек») бегали подставными с Ханом и Бузуртановым на нормативы ГТО вместо заведующих и директоров кафе и ресторанов по «Тресту столовых и ресторанов» ЧИАССР. А все наши одноклассники и друзья (Бекхан Хамзаев, Беслан Яндиев, Борис Боков, Мурад Яндиев, «Булба» и другие) болели за нас. Должно быть, многие помнят то время, когда советский тоталитарный режим каждый день готовился к войне против Запада, и на производствах были введены обязательные учения, сдача нормативов ГТО («Готов к труду и обороне!»), производственная гимнастика, о чем, впрочем, и сейчас В. Путин стал нам напоминать, директивно вводя те же элементы в массы. Вот где чувствуется старая чекистская закваска и кондовая стереотипность мышления, только тогда это делалось по «призыву партии», а сейчас – Президента.

Так вот, представьте: далеко ли могли пробежать брюхатые директора столовых и ресторанов, к тому же после обычного ежедневного возлияния, хоть их само Политбюро ЦК КПСС, во главе с Л.И. Брежневым, «призвало»? А мы же всей командой получили в только что построенном кафе «Спорт», где продавались самые лучшие в те времена чебуреки, широкий для нас пир, человек на двадцать, – и тем более, оказали уважение старшим.

...Мы росли, и в 1972 году я из МТИППа, что на Волоколамке в Москве, заехал в МГУ, где часто бывал и имел много приятелей, и где в общежитиях вел среди знакомых «антисоветскую агитацию и пропаганду», так как страшно ненавидел существующий режим, знал его кровожадную, человеконенавистническую сущность (а о предпосылках этого отношения расскажу в главе о своем детстве - сына диссидента, «чеченского Сахарова»). Через треск помех заслушивался радио «Свобода», «Голос Америки», «ВВС», «Немецкая волна», - всеми «вражескими голосами». Зачитывался, проглатывая, от «Теркина на том свете» Твардовского, «Одного дня Ивана Денисовича» до В. Шаламова и других в Самиздате, благо возможность выпала, так как хорошей

приятельницы моей дедушка был писатель Смирнов, что в основном во Франции публиковали, и библиотека была у него шикарная.

Так вот, иду по «Клубной части» МГУ, и вдруг Хан спускается ко мне навстречу. Обнялись, приветствуя друг друга, и спрашиваю: «Ты как здесь?». – «На юридическом учусь», отвечает. Удивлен я был чрезмерно, ведь конкурс на юрфак, да еще в МГУ, пожалуй, самый большой был по СССР. Но он - парень толковый, напористый, и поступил.

Итак, в начале 70-х я пропадал в общежитиях МГУ им. Ломоносова, где училось много земляков-грозненцев. Было несколько одношкольников и вообще добрых знакомых, среди которых у нас как бы сам по себе образовался кружок антисоветчиков - по интересам. Почти ежевечерне проходили диспуты с обменом информацией. Читали вслух запрещенные «Доктор Живаго» Пастернака, «Собачье сердце» Булгакова и т.д. Такие мероприятия не могли пройти мимо внимания КГБ, тем более что в гостях у нас бывали и иностранные студенты. Это все отразилось на моей судьбе и дальнейшей жизни, на протяжении которой КГБ мало того, что установил негласный надзор и слежку за мной (прежде всего из-за нашего отца, Дзияудина Мальсагова), - меня вызывали для беседы о взаимоотношениях с иностранцами, а главное – какого характера встречи я проводил в общежитии МГУ. Спрашивали об этом в КГБ ЧИАССР, а потом все же посадили, сфабриковав дело - и по статье вовсе не политической.

Один приятель из нашей команды был человеком «партийным», но не по духу и убеждениям политическим, а по настоянию и заветам даже не Ильича, - а папиным. Отец нашего товарища был одним из секретарей обкома КПСС, а в прошлом - следователем КГБ, кстати, в свое время допрашивавшим нашего отца. Эту историю я-то знал. А его сын, по моему убеждению, догадывался-то уж точно. Но я всегда корректно обходил этот момент в воспоминаниях о своем отце, рассказать о котором меня просили постоянно (в то время как сын обкомовца в разговорах о собственном - избегал всяческих упоминаний).

Наш отец был известным диссидентом-правозащитником <http://www.chechenpress.info/events/2008/01/14/01.shtml> , всю жизнь боролся за возвращение чеченцев на родину из высылки и за

восстановление Чеченской республики. Он первым поднял тему сталинского геноцида, обнародовав, в качестве очевидца, данные о массовом сожжении около 750 человек в чеченском селении Хайбах в феврале 1944 года <http://www.chechenpress.info/events/2008/01/19/02.shtml>. За борьбу за свободу и права человека отец был осужден. Он провел в заключении с 1958 по 1964 год, включая год заточения в ленинградской спецпсихбольнице КГБ.

В пору летних каникул и студенческих стройотрядов тот «партеец», о котором я говорил, по зову Политбюро ЦК КПСС возглавлял боевой авангард советской молодежи, взвалив на себя звание полной ответственности и ношу борьбы с акулами капитализма, став комиссаром студенческого строительного отряда - ВСО МГУ. Так как именно комиссар был всегда на острие классовой борьбы, отвечал за высоту морального духа и коммунистического самосознания рядовых бойцов, то и партийная касса находилась в его ведении. Вот и вел он активную работу по ее пополнению, разъясняя, а порой агитируя и доказывая малосознательным необходимость неусыпной идеологической борьбы с заклятыми врагами социализма.

Всякая борьба требует и материальных затрат; чем она опасней – тем и затраты выше. Вся касса находилась в старом, но очень добротном кожаном портфеле партийца, видимо, в прошлом выданном его папе из спецраспределителя при ЦК КПСС, обслуживавшем партбонз. А нашей общей задачей было помочь приятелю аккуратно и умно списать нужные суммы, а потом прокутить их всей честной компанией, угощая, а то и убожая красивых дам, до коих наш партизанин имел великую слабость.

Ежемесячно на приобретение телевизоров, магнитофонов, радиоаппаратуры, а затем на ремонт их и закупку канцпринадлежностей и билетов на мероприятия пропагандистского характера, на которые вряд ли кто решится пойти добровольно, комиссаром столбились суммы порядка нескольких тысяч рублей, в то время как зарплата врача или инженера была 120 рублей.

Самой трудной нашей задачей было собрать чеки об оплате и накладные всевозможных магазинов и складов, после чего приятель составлял акты на списание нужных сумм, и – гуляй, братва! Наши регулярные

посещения лучших ресторанов Москвы составляли своеобразный рейтинг кабаков столицы. Как-то раз, закатив в незадолго до этого открытый гостиничный комплекс «Орленок», что на Воробьевых, тогда Ленинских, горах, напротив усадьбы-резиденции проживавшего там Косыгина, - мы заказали по отработанной программе, что подобает. Я по привычке выхватывал фотографически какой-то объект и, о чем-то беседуя с приятелями, анализировал то, что оставляло след в моем восприятии. По богатому, с последним пискom моды, прикиду валютных проституток можно было вычислить, что «Орленок» хоть и принадлежит ЦК ВЛКСМ, но пользуется вниманием состоятельных иностранцев. Там, где путаны покруче, - там снуют и режимники, а в то время – оперативно-уполномоченные КГБ, из тех кто понаглей, зажавшиеся отстежками от проституток.

Вдруг взгляд выхватил знакомого мне Игоря «Чеха» (кличку эту он дал себе сам в Москве для крутизны устрашения, так как был родом из Грозного, а чеченцев русские в Грозном называли «чехами»). Он сидел за столиком с тремя иностранцами, судя по виду – фирмачами-итальянцами. Столик стоял в тени, перекрытие защищало от суеты танцующих. «Чеха» в Грозном знали еще как Игорь «Беда»: фамилия у него была - Беденко, и учился он с Ханом в одной и той же 22-й школе Ленинского района, около Беликовского моста через Сунжу, РОВД, 1-й музыкальной школы и музучилища (бывшей синагоги). А в Москве они постоянно были в контакте.

Он незаметно поприветствовал, слегка кивнув, и я ответил, выпрямив палец руки, который он видел, - и каждый продолжал свое занятие. Партеец, разгоряченный взятым на грудь и присутствием женщин, да еще с тем самым партсекретарским портфелем с коммунистической казной всего стройотряда, что придавало значительный вес и уверенность в его собственных глазах, и преобразившись из комиссара коммунизма в «теневого магната», вызывал нескрываемое любопытство у проституток. Пригласив штук несколько на танцы, угостив шампанским с шоколадом и комплиментами, он запал на одну с красивыми, широко смотрящими на мир через цвет долларов глазами. Я попытался охладить его пыл, объясняя, что девушка эта любит только за свободно конвертируемую валюту – и с разрешения сутенеров от КГБ. И поэтому дальнейшее

общение с ней может привести к нежелательным последствиям вплоть до Лубянки.

Потанцевав и мило пощебетав на ушко друг другу, амурная парочка под села за столик к каким-то иностранцам. При посредничестве пташки, комиссар купил 300 долларов США, которые от всей широты душевной обещал преподнести ей за ночь «любви». Поверив, девушка увлекла спутника в номера. Поднявшись на лифте, попросила подождать ее в холле, пока она заберет ключи у этажной дежурной. Ждать пришлось недолго: вместо милой и нежной к нему стремительно приближались молодые, крепкие и наглые – с красными корочками КГБ. Взяв комиссара под белы ручки, повели его в свою контору, располагавшуюся на том же этаже. Обшмонав партейца, опера извлекли 300 баксов. А вот когда в портфеле обнаружили около 5000 родных деревянных, а в карманах – билет студента МГУ и самое важное – билет члена КПСС, радость на их лицах стала неподдельной. В ту пору обнаружение не только трехсот, – но и 25 долларов тянули на статью УК РСФСР – за незаконные валютные операции. Это предусматривало немалый срок заключения, т.е. крах дальнейшей светской карьеры с перечеркиванием всей жизни.

Мы продолжали кутить, уверенные в том, что приятель наш проводит время в любовных утехах. Но тут Игорь Беда, закончивший свои валютные дела, подошел уже спокойно поздороваться и поговорить. Он спросил:

- А тот комсюк в селедке и с дуркой, полной бабла, не с вами?

- А ты его видел?

- Да, он в конторе сидит, и кажись наглухо.

Игорь зашел в контору поделить сумму с гбшниками; в тот момент туда как раз доставили и нашего комиссара.

- А чё он мне не сказал, что грозненский? Я бы его сразу выдернул оттуда. Где он в Грозном жил? Что-то морда его мне незнакома... А, понятно, «парниковый»! - заключил Игорь.

В лифте, поднимаясь в контору, поведал Беда про все тонкости гбшной кухни. Что тут всё «прикрутили» Хан с Русланом Атлангериевым, – а также и в других самых валютных гостиницах с ресторанами. Вся

валюта, поступающая от путан и фарцовщиков, шла через них и делилась с гбшниками.

Подойдя к двери конторы, Беда толкнул ее, будто шел он к себе домой. В передней комнате, накуренной фирменными сигаретами, сидели трое, а еще один с нашим комиссаром – за отдельным столом. Партеец имел вид непрезентабельный и, покрывшись красными пятнами, что-то писал на листе, а опер, сверля глазами, сыпал угрозами о предстоящем сроке тяжелой лагерной жизни, конце карьеры и жизни, деланно укоряя: - А еще коммунист, называется!

Беда хозяйским тоном выпалил – хорош малевать. Все гбшники вперились взглядом в Беду: «Кончай выделываться, Чех». «Этот пацан – одноклассник Хана!» - немного приврал Беда. В наступившей тишине прозвучал голос одного из оперов, обращенный к нашему комиссару: «А что ты сразу не сказал про это?!». На что последний нашелся ответить: «Так вы же меня не спросили».

Разговор моментально перешел в русло шуток и анекдотов. Опера со смехом поведали, как их штатная путана подставила героя, как лоха для развода. Комиссар выложил перед ними на стол 700 рублей, пытаясь также шутить впережку со словами благодарности... И опера попросили его передать привет Хану.

Глава 4. Грязные игры. Хан: грабитель и сутенер.

Спускаясь, Игорь рассказывал, что основная работа Хана с Русланом – «выставление на уши» сынков арабских шейхов, или «бомбежка», то есть грабеж на квартирах, которые сынки снимают нелегально, в обход советских законов. Кражи или грабежи проходили по наводке и под прикрытием КГБ.

Иностранцы, защищенные дипломатической неприкосновенностью и проживавшие в дипкорпусах или на съемных квартирах, всегда были под неусыпным надзором КГБ и вызывали их большой интерес. Но спецслужбы не могли произвести санкционированный обыск или досмотр: ни один прокурор на это не дал бы санкцию. А сколько

любопытного должно было быть в их жилье! Именно для несанкционированного досмотра личного имущества иностранных граждан и обыска поначалу и существовала бригада Хана и Атлангериева - с широкими уголовными полномочиями.

Напомню, это было начало 70-х годов, и тогда я впервые узнал о сотрудничестве Хана и Руслана с КГБ СССР. О такого рода деятельности этой бригады затем слышал я очень много, причем от разных людей. А с середины 70-х эта группа завоевывает большой авторитет и широкую известность в криминальных кругах Москвы. И как не завоевать? Криминальные бригады того времени, как и отдельные элементы, сторонились работать «по фирме», - кроме фарцовщиков-валютчиков, но и те, как правило, работали под крышей КГБ - и на него. А вот чтобы идти на разбой, да еще вооруженный, - это мог либо человек, у которого напрочь съехала крыша, либо в такой связке с КГБ, что - «близнецы-братья».

Все знают, что уголовный розыск – МУР или другой – работает от преступления, распутывая его и выходя на личность. А КГБ же, как и нынешняя ФСБ, работал «от личности». То есть был бы человек нужный, а преступление, если надо, они устроят и сами – так навесят, что ни один Басманный суд не оправдает. О делах этого плана, и как правило связанных с изъятием валюты и других ценностей у иностранцев, Хан немало поведал мне в личных разговорах. И особенно в тюремном заключении, когда времени для бесед у нас было в избытке.

Так, он доказательно утверждал, что именно они с Русланом первыми применили «куклы» и «ломку» денег при закупке валюты у иностранных лхов прямо в здании МГУ имени Ломоносова. Делали они это чаще всего в лифте, поднимаясь на какой-нибудь из верхних этажей, или спускаясь вниз.

Происходило все так. Хан, к примеру, отсчитывает на предложенную иностранцем тысячу долларов три тысячи рублей и передает их, но при пересчете иностранец вдруг замечает, что не хватает сотни. Как так?! Не может быть, - удивляется Хан, забирая рубли обратно для сверки. А пересчитав и удостоверившись, что, действительно, не хватает столтника,

он достает из кармана недостающую сумму, приобщая ее к остальным купюрам.

Причем часто для этой операции использовался обиходный тогда пластиковый чехольчик для шариковых ручек, который идеально подходил по размеру и форме для банковской упаковки: через прозрачную клеенку хорошо видна была лицевая сторона денег, а в то же время было трудно достать обратно купюры для повторной проверки, тем более в экстремальной ситуации.

Вот тут-то и происходит «развод». Руслан говорит: «Уходим: менты!». И Хан с иностранцем, быстро обмениваясь суммами в нервной обстановке, удаляются в разные стороны.

Но лишь спустя некоторое время, а то и придя к себе, лох обнаруживает, что вместо денег у него «кукла», то есть пресс-бумага, нарезанная под формат денег, а сверху и снизу лежит по настоящей купюре. Или лох с недоумением замечает, что денег у него вдвое или втрое меньше той суммы, что он лично пересчитывал первоначально, держа в руках. И ему невдомек, что Хан при возвращении денег после пересчета «слома» их, то есть подломил через пальцы, отогнув вниз часть «пресса» и так держа, что «терпила» из-за тыльной стороны ладони ничего не заметил, а выхватил лишь те деньги, которые видел зажатými между большим и указательным пальцами.

В общем, диапазон деятельности Хана с Русланом был весьма широк и мог распространяться на все, что сулило хорошую прибыль – от сутенерства, контроля с осуществлением безопасности валютных путан, «ломки» и всякого рода мошенничества – до вооруженного разбоя и убийств.

...О сутенерстве может свидетельствовать один интересный случай. В Московском Мясомолочном институте учились в советское время в основном дети «хищников», то есть директоров мясокомбинатов, заготскотконтор и так далее. Это сулило большие деньги и было престижным. Взятки за поступление были весьма высоки, где-то 25 000 рублей, и дети простого инженера, врача или ученого туда вряд ли могли пролезть, да и едва ли мечтали об этом сомнительном ВУЗе.

Холл института представлял собой своего рода подиум высокой моды того времени, где дитяти Остапов Бендеров дефилировали «прибарабаненными по фирме» - по последнему пisku моды. Чем дороже была одежда, тем авторитетней носитель. Избалованные детки в большинстве своем употребляли наркотики, играли в карты и развлекались с девицами. В середине семидесятых там учились компанейский грозненский парень Леха Татаров, отец которого имел одно из самых больших частных домовладений в городе и занимался дорогим меховым бизнесом, и друг Лехи – Фима из Могилева, отец которого был популярнейшим закройщиком и одним из самых богатых модельеров на Украине.

Фима любил играть в карты, часто проигрывал, и папа приезжал выплачивать за него по 20-30 тысяч, как будто бы это было 200-300 рублей. Азарт, наркотики, девушки, хорошие рестораны требуют больших денег, и как бы папы богаты не были, но семейный бюджет даже подпольных миллионеров типа Корейко затрещал бы, как шуба, по швам. Поэтому детям приходилось крутиться самостоятельно в поисках добавочной прибыли.

Как-то раз Леха с Фимой в «крутом» ресторане познакомились с двумя девицами приятной наружности, одетыми «как следует». Они вели себя высокомерно, так как деньги придавали уверенность. Ключнув на то, что видные молодые люди также были одеты соответственно понятиям их круга, они пошли на сближение и вели откровенный разговор. Не стеснясь, рассказали о роде своей деятельности, и какие деньги она приносит. Мол, у них на квартире – чуть ли не «Березка», спецмагазин валютторга тех времен, где могли отовариваться только предъявившие при входе сертификаты или чеки серии «Д», которые приравнивались к свободно конвертируемым деньгам.

Леха с Фимой, воспользовавшись наивностью, болтливостью, но главным образом аморальностью путан, решили их обокрасть. Для этого пригласили их опять в ресторан, всячески ублажали выпивкой и остальным, а затем поехали в специально снятую для своих планов квартиру, где в промежутках между занятиями сексом вытащили из сумочки ключи и сделали отпечатки, по которым позже заказали вторые ключи от жилища путан.

В очередной раз, якобы закрутив едва ли не любовь со своими подругами, позвали их в элитный «Метрополь», и пока там развлекались, то их напарники «Пеха», «Корова», Артур подъехали на такси к проституткам и «выставили» квартиру.

Увезя большой куш из новых дубленок, сапог, модных в то время часов «Ориент», «Сейка», «Секура», нескольких бриллиантовых с изумрудом наборов «Маркиза», джинсовых костюмов и шмоток, большое количество долларов и фирменную аудио-аппаратуру, они переправили это в Грозный, где лучшие магнитофоны под угрозой уголовной расправы себе присвоил начальник отдела по борьбе с наркоманией Ленинского РОВД, всем известный в то время Мамед Муталибов, - а часть реализовали в Москве.

Девицы обратились к своей защите и сутенерам, которые, прекрасно зная систему краж и проанализировав обстановку, тут же вычислили Фиму и Леху. Сутенерами оказались... Хан и Руслан.

Они подъехали к институту, забросили Леху с Фимой в машину, отвезли на квартиру, где в присутствии девиц расспросили с пристрастием. Фима, как робкий, раскололся сразу, обещал все отдать, и ребятам были поставлены жесткие условия срока возврата, а сумма увеличилась вдвое, к тому же по спекулятивным ценам. Если краденого было на 10-12 тысяч долларов, то с них затребовали 25. Что и выплатил Фимин папа, русскими деньгами 75 000. А подельники решили правильно: раз Фима раскололся – то он один виноват, ему и платить, - тем более, что, оправдываясь перед сообщниками, выдал такую сентенцию про Хожу (Хана) с Русланом: «Они же чечены, они убить могут».

...Итак, криминальный интерес Хана с Русланом был очень широк, от сутенерства и мошенничества (за что и осудили Хана в 1977 году, приговорив к «химии», то есть принудительным работам на стройках народного хозяйства, и где на суде потерпевшими выступили 11 «негативов», как называл Хан чернокожих иностранцев), - до краж в дипломатических корпусах и вооруженного грабежа иностранных подданных.

О краже в дипкорпусе и свидетельствовал второй срок в 6,5 лет, полученный в 1984 году Ханом, с которым он пришел в зону 36/1 поселка Алды ЧИАССР, и куда буквально ежемесячно наведывались сотрудники главного аппарата КГБ СССР, прямо с Лубянки. Но по его словам – они приезжали упрасивать вернуть кейс, - дипломат, похищенный при краже, и обещали, что в этом случае Хан сразу выйдет на свободу.

Что, неправдоподобно? Да кто и в зоне не сидел - вряд ли поверит, что люди с самой Лубянки станут летать ежемесячно за 2000 километров, при этом подготавливая и оформляя кучу документов, писать до и после приезда рапорты, и всё это - лишь для того, чтобы, слетав в командировку и поймав Хана, спросить: «Ну что, может, отдашь, а? Или еще не надумал?» - и так на протяжении более года! В то время как они одним «требованием» могли запросить его для этапирования в Лефортово - тюрьму КГБ СССР, или прямо на Лубянку. А там – хоть сутками беседовать, гоняя чай.

Нет, они летали к нему на свидания, как стало позже ясно, по работе, проводимой ими в зоне совместно. Хочу напомнить, что в СССР наступило время андроповщины, с приходом КГБ к власти, ужесточением тоталитаризма и преследованием инакомыслия. А во власти шло противостояние и открытая вражда между КГБ и МВД, вылившиеся во многие уголовные дела в отношении сотрудников МВД в основном за взяточничество и мздоимство, и увенчавшиеся самоубийством министра внутренних дел СССР Щелокова с его супругой.

В рамках борьбы со взяточничеством в рядах МВД, и решено было, как видно, на Лубянке провести «показательные выступления» в зоне Алды ЧИАССР, так как последняя славилась на всю страну хищениями, взятками, коррупцией среди администрации, а заключенные свободно приобретали за деньги все, начиная от спиртных напитков, наркотиков - от марихуаны до героина, нелегальных свиданий с девушками древнейшей профессии, до оружия, если кому оно вдруг понадобится, и получения через «активирование по здоровью» или условно-досрочное освобождение - свободы.

Глава 5. Антисоветчик: по стопам отца. Современный ГУЛАГ.

Чтобы не прерывать хронологию, вернусь к нашей встрече в МГУ с Ханом и к тому, как потом мы еще часто виделись в Москве и Грозном... А в начале 80-х - меня арестовывают и осуждают за преступление, совершенное в 77-м году, и к которому, впрочем, я не имел отношения, - на 10 лет лишения свободы.

На суде не было никаких свидетелей, а тот, которого подставили, сам заявил, что ему мол следователь указал на меня, говоря, что он «должен был меня запомнить и опознать». Как выяснилось потом, когда я уже почти отсидел весь срок по статье 108 ч. 2 УК РСФСР («Умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения»), свидетель вообще на момент преступления находился за несколько сотен километров от места события, пася скот в Ставропольском крае.

В конце концов, когда десятилетний срок практически подходил к концу, началась уже перестройка, меня оправдали, освободили и предложили явиться за компенсацией в 13-й кабинет Прокуратуры ДагАССР г. Махачкалы.

...Что нахожусь под негласным надзором КГБ и попал в зону их интересов, я предполагал и ощущал давно, к тому же наш отец, напомним, был репрессирован как диссидент, осужден по статье УК РСФСР за «Антисоветскую агитацию и пропаганду», и хотя его впоследствии реабилитировали, КГБ, что называется, глаз с нашей семьи не спускал. Вот почему мои дружеские посиделки в общезжитии с иностранцами вызывали у КГБ особый интерес.

Потому-то и судья Коробова на моем процессе, находясь в полной растерянности из-за отсутствия какого-либо обвинительного материала и улик, сначала прервала судебное заседание на два часа. - Но в суд меня доставили вновь, только уже через три дня, когда Коробова, буквально с порога, и объявила полученный ею от КГБ приказ: мой приговор - 10 лет лишения свободы.

Мое здоровье было подорвано под следствием, в тюрьмах, где мне довелось пройти не один бунт, а затем - в лагерях Дагестана, где шла

«андроповская ломка». Как о наиболее точно характеризующем обстановку во всем большом лагере СССР, я расскажу о бунте заключенных в маленькой тюрьме Хасав-Юрта.

Бунт в Хасав-Юртовской тюрьме.

Лето на Северном Кавказе бывает жарким из года в год. А в Дагестане и вообще – зной, духота, и не спасает близость ни Кавказских гор, ни Каспийского моря. Особенно – в районе Хасав-Юрта, Кизил-Юрта, Шамхала, где как бы специально расположены островки зон дагестанского ГУЛАГА. А зимой здесь – наоборот, пронизывающий насквозь и ледящий ветер с моря, такой, что и укрыться от него негде, и холод мучает находящихся в карцерах и штрафных изоляторах.

...В 1983 году казалось, что весь прикаспийский зной с невероятной духотой накинудись именно на тюрьму города Хасав-Юрта, которая представляла из себя два спаренных корпуса, как говорят, когда-то служивших конюшней – наверное, еще в Порт-Петровские времена. Здание старинной постройки, сложенное из тесаного камня песчаной породы, которой одаривает Каспий, временами отступая, землю, разбито внутри уже в современный период на маленькие камеры. К тому же начальник Амирханов, не справляясь с наплывом массы арестованных в андроповское время, приказал наварить третий ярус железных шконок, которые теперь заканчивались сантиметров за сорок до потолка. И не каждый молодой, ловкий заключенный мог проворно туда забраться. А расположиться там, поместившись – было дополнительной проблемой, так как это могли сделать только худощавые, да и то почти постоянно бились головой о потолок.

Камеры были очень узкими, заставлены с двух сторон трехъярусными шконками, которые тянулись до конца камеры, где находилось небольшое зарешеченное окно, а с левой же стороны камеры шконки упирались в дальняк, или парашу, - туалет, отгороженный от кровати кирпичной перегородкой высотой по грудь человека.

Шконки, стоявшие по-над стенами, как и «дубок» (стол с лавочками, стоящими впритык к шконкам так, что к дальняку можно было

протиснуться только боком, - и принимавшие еду сидели на нижних шконках, ибо на лавочках это делать, да и просто сидеть, было невозможно), - все было глубоко забетонировано в полу. Воду для питья и умывания подавали рано – с шести до семи часов утра, и где-то с семи до восьми вечера.

Вот и пыталась вся «хата» осуществить личную гигиену за эти короткие периоды, а впрок же вода набиралась в цинковые бачки, где, постояв часок, давала осадок: на дне можно было отчетливо видеть слой песчаной мути сантиметра три-четыре, да и вообще такого молочно-буроватого цвета воду мало кто бы отважился выпить на воле. Мы же пили ее галлонами, так как из-за жары просто немыслимо было не употреблять эту теплую, солоноватую, скрипящую на зубах воду, которая тут же выступала на теле с потом в еще большем, наверное, количестве, чем ее выпивали.

Что настораживало – это тяжесть в пояснице, в районе почек даже у тех, кто болезнями их не страдал. А у болеющих вообще начинались страшные болевые приступы. Так что мы старались пить воду либо в виде чифирия, либо просто крепкого чая, что в советское время в тюрьме было запрещено, и за это могли лишиться свидания, передачи или посадить на десять суток в карцер, по усмотрению администрации.

Чай же продавали сами «дубаки» - постовые менты, по пяти рублей за 50-граммовую пачку. А плитка прессованного чая стоила 25 рублей. Они же проносили и продавали водку, анашу (то есть марихуану), «черняшку» (опиум), но делали это только через тех зэков, кому доверяли, или кого знали еще с воли. Поэтому в той системе очень ценится и славится умение «приболтать ноги», то есть войти в доверие, убедить в своей надежности мента для связи с волей и заноса нужного «грева» - чая, водки, наркотиков, которые всегда в ходу на тюрьме, и с их помощью «увязывают» многие проблемы от бытовых (прачка, баня, столовая) до «духовных», когда, «уделяя внимание на общак», «грея крест» (больничку), «подвал» (ШИЗО, ПКТ), получают широкую известность и подзавоевывают авторитет в зоне «правильным движением».

Проблемы, всегда существующие в тюрьмах, увеличились с жарой лета 1983 года - в 40 с лишним градусов в тени и немыслимой духотой в

камерах из-за перенасыщенности заключенными вдвое, а то и втрое больше положенного. Из-за отсутствия вентиляции, когда зажженная спичка гасла, не дав успеть прикурить, потому что в большой духоте и влажности почти не было кислорода, многие, кто постарше годами или слабее здоровьем, часто теряли сознание. Их приходилось откачивать самим нам, заключенным, так как до санчасти, хотя она и находилась на противоположной стороне коридора, было не дозваться. Врач, капитан медслужбы, передавал какое-либо лекарство через постового, и хорошо, если это был валидол или подходящее для ситуации средство.

Все это накаляло обстановку до предела, и большим праздником было, когда старший лейтенант медслужбы, замначальника санчасти, очень отзывчивая и душевная женщина, что само собой чрезвычайно редко для тюремной системы, лично делала обход, подходя с дежурным дубаком к камерам. Удостоверившись визуальное, она могла выдать необходимое лекарство на несколько дней. Вообще-то в тюрьмах это строго запрещено, и эзк-пациент обязан проглотить пилюлю прямо на глазах медперсонала.

Об этой женщине стоит сказать отдельно. Вопреки системе, и в тюрьмах попадают хорошие люди, сохраняются те же человеческие отношения, что и на воле, а проявления доброты и тепла чувствительны и особенно ценны. Человек – существо удивительное и выживает даже там, где дохнут вши и тараканы, коих в тюрьмах великое множество, как крыс и мышей, ставших атрибутами мест заключения. Многие эзки лепят из хлебного мякиша всевозможные поделки, некоторые – на удивление талантливо, а кое-кто распускает носки, свитера и из ниток мастерит брелки, украшения для ручек, «фенечки»: любым способом отвлекаются от реальности, заменяют ее фантазией.

У меня же как-то сама собой появилась своя тема. Редко кому удается в полной опасности, в неволе, пережить любовную интригу, подарившую дивные минуты счастья и радости в этом аду. За что я благодарен судьбе - и той чудесной женщине, источавшей тепло, доброту, женственность, подобно лучам нежного света. Они выступали полным контрастом – диаметральной противоположностью всему тому, что ассоциируется со словом «тюрьма».

Как правило, в администрации тюрем и лагерей работает не много женщин. А те, что там служат, редко попадают на глаза заключенным, так как работают либо в бухгалтерии, либо в спецчасти, куда эски попасть не могут. Библиотекарь или медсестра, которых иногда удается видеть, вроде специально подбираются начальством так, что, появляясь, напрочь рассеивают представление не то что о женской красоте, но и о женственности.

Этот же случай был из ряда вон выходящим: то на удивление теплое, красивое и чистое, что касается выпавших нам мгновений, - по имени Людмила, а по званию -старший лейтенант внутренней службы. Впервые я увидел ее на плановом медосмотре, на обычной для всех заключенных процедуре, по прибытии в тюрьму. До этого были медсестры в тюрьмах Грозного, Махачкалы, были врачи-женщины, традиционные опросы и процедуры, штампы одинаковых фраз, - обычный тюремный конвейер, лишенный какого-либо сострадания и участия, - души человеческой.

Тут же в груди что-то кольнулось, шелкнуло то непонятное, что иногда происходит с нами на подсознательном уровне. Что-то интуитивное, но пока еще не поддающееся осознанию и анализу, - это было не во взгляде (она смотрела и беседовала с другим заключенным), а в ее красивых карих глазах, внимательных и горячих; в движениях рук, головы для меня что-то стало вдруг необъяснимо притягательным и интересным. Может быть, та еле уловимая поволока с дымкой печали в глазах. Но это «что-то» подталкивало меня на большее, чем сухие однозначные ответы на врачебные вопросы: чем болен, когда болел?

Видимо, это «что-то» проблеснуло и в ее подсознании, потому как вопросы вышли из служебных рамок, и она заинтересовалась моей дотюремной жизнью – образованием, местом жительства и даже родителями. Происходило все очень быстро – две-три минуты, - не вызвав подозрения у ожидавших своей очереди заключенных и у надзирателей, которые находились тут же, в процедурной, на расстоянии трех-четырех метров, и отделяла нас ото всех лишь матерчатая ширма.

Вот этому «чему-то» и суждено было зажить, развиваясь самостоятельно, постепенно занимая собой все мои мысли и время, порождая светлые

красивые мечты и надежды. Что для заключенного, наверное, дороже, чем жизнь.

Сначала я писал записки, «малявки», и незаметно вкладывал в руку в те дни, когда она делала обход сама, приближаясь к камерам, выслушивая жалобы заключенных и иногда лично выдавая лекарство (обычно же их разносил фельдшер, обходя камеры с лотком перед «кормушками»).

Делая вид, что рассказываю о своем здоровье, беру лекарство, я через отверстие в кованной двери камеры, именуемое «кормушкой», протягивал руку, незаметно оставляя записку: иногда мне удавалось задержать свою руку на ее – чуть дольше, ощущая прекрасное тепло и чудесное волнение, излучаемое ее руками. Тогда-то я понял, что руки могут сами говорить, и о многом.

Потом, скрывая радость и волнение от окружающих, я падал на свою шконку, брал книгу и делал вид, что читаю; наслаждался теплом и всем, сказанным ее руками, стараясь сохранить ее присутствие на своей ладони как можно дольше. Все это было нашей большой тайной, и в случае огласки ждали - особенно ее - серьезные неприятности, так как все сотрудники, поступая на службу, дают расписку, и в случае установления связи с арестованным их ждет немедленное увольнение, и даже суд, со статьей в биографии и трудовой книжке.

Можно представить, какому риску она себя подвергала. А я, получалось, подталкивал ее к этому. Но прервать нараставшее было выше моих сил: ведь именно им я жил тогда, и это было все, что дарило невероятно дорогую радость, придавая смысл тюремному быту.

Иногда так, чтобы не привлекать внимания, я записывался к врачу в день ее дежурства. И когда ей удавалось отослать конвойного под каким-либо предлогом, или - зайдя из кабинета дальше в процедурную, я держал ее руки в своих, и говорили мы обо всем. Она рассказала, что ее муж – известный на весь Дагестан теневой бизнесмен-цеховик, очень состоятельный человек по тамошним меркам и, как понял я, самодур.

Возвращаясь из санчасти, я приносил кучу разных лекарств, что заказывали мне в камере. В основном это был теофедрин, который

использовали заключенные вместо запрещенного тогда чая, и всевозможные снотворные средства, которых можно было обглотаться и, балдея, проспаться два-три дня. А значит – в тех условиях на два-три дня быть ближе к свободе.

Все эти лекарства в тюрьме – на строгом контроле. И для моего тамошнего круга были большим «гревом», праздником. К тому же мы могли не только делиться ими с теми, кому положено, но и отложить что-то на тюремный общак, зарядив тем самым кого-либо на дальнюю этапную дорогу в лагерь.

Для всех существовала легенда, что у меня нездоровый желудок, и требуются частые процедуры. Так и шло время, и жил я в ожидании тех коротких встреч – и воспоминаниями о прошедших. А затем на пару недель меня увезли на суд в город Кизляр (в то время этап осуществляли «столыпинскими» вагонами через Гудермес, в десять дней один раз).

Вернулся назад уже с приговором - с десятью годами лагерей. Написав кассационную жалобу в Верховный суд, я все равно готовился к этапу в лагерь, так как понимал, что заинтересованность КГБ и его давление велики, поэтому вряд ли что-то может измениться в лучшую для меня сторону.

Когда меня уже забирали на этап, и в санчасти подготавливали медицинское дело, Людмила вызвала меня и довольно решительно отправила прочь конвойного. Со слезами, с драгоценным интимом в выхваченное нами и скомканное короткое время, простились мы навсегда: впереди меня ждал большой кусок жизни в зоне; и на близость, вероятно, ее подталкивало сострадание. Благодарность к этой женской сердечности я храню и сейчас.

К власти пришел Андропов, что привело к ужесточению коммунистического режима, и в первую очередь лагерного. Ввели новую статью – 181 прим. 2, по которой на зоне могли держать бесконечно.

Ко всему этому, в Хасав-Юртовской тюрьме было отвратительное питание, часто давали в эту жару вонючую кислую капусту, ржавые кильки или зеленовато-синие сельди, после которых от жажды

начиналась настоящая пытка, и знающие остерегались есть подобное. Но что самое страшное – был практически несъедобным хлеб, то есть так называемая зэками «святая пайка», которая многим узникам ГУЛАГа спасла жизнь.

В этой тюрьме из-за серо-черного мокрого, кислого хлеба тюремной спецвыпечки, в буханках которого мы чего только не находили (гайки, каменный уголь, гвозди, веревки, и пару раз даже дохлых мышей), тюрьма «упала» - то есть объявила голодовку, выдвинув свои законные требования и вызывая прокурора по надзору.

Весь красный от бешенства, с глазами, вылезшими из орбит и с пеной у рта, хозяин тюрьмы Амирханов в окружении оперов и режимников бегал по камерам, орал, пугая и увещевая, лишь бы тюрьма сняла голодовку. Шел второй ее день. На третий же, если баланда возвращалась обратно нетронутой, ставилось в известность МВД, вызывался прокурор по надзору и назначалась комиссия из МВД, что могло кончиться снятием начальника с должности, тем более, если требования были законными и убедительными.

Но после этого всегда наказывали и зачинщиков зэковских возмущений: когда уходила комиссия и все затихало, осуждали к «крытой», то есть к тюремному режиму, или меняли режим на более строгий, и всегда «лепили на дело полосу». То есть на конверте с запечатанным «личным делом» осужденного, где была наклеена фотография и написаны дата рождения, имя, фамилия, отчество, статья, срок, начало срока, конец срока, наискось из угла в угол красовалась синяя или красная полоса, что обозначало: склонен к побегу – или к нападению на конвой. А это значит, что каждый новый конвой в автозке, «столыпине», на пересылках будет встречать и провожать вас дубинками и пинками сапог под издевательское: «Что, спортсмен? Ничего, сейчас здоровье отрихтуем – и ползать не сможешь!». К тому же и по прибытию в зону надо будет через каждые три часа ходить на вахту отмечаться, а если вдруг ночью приспичит в туалет, и тут проверка некстати, то утром можно собираться на 15 суток ШИЗО.

Так вот, Амирханов, забежав в камеру, стал кричать: «Что, хлеб несъедобный? Где? Покажите!». Как клоун, запрыгнув на стол - так как в

камере не было места стоять - и со словами «Наши отцы в войну и не такой ели!», попытался сжевать и проглотить хлебный мякиш. Но это ему никак не удавалось, так как хлеб представлял собой сырое кислое тесто и не глотался, к тому же таким куском, что он сунул себе в рот.

В конце концов он выплюнул мякиш в руку и заявил, что идут переговоры о поставках хлеба с другого завода. А из-за духоты он разрешил попеременно открывать «кормушки», так, чтобы две камеры, расположенные друг против друга, не оказались с открытыми кормушками одновременно – во избежание переговоров и контактов среди заключенных. Что в принципе – большая глупость, так как контакты всегда налажены, и на то существует множество путей: от переговоров через дольняки, то есть туалетное очко, соединенное трубой с соседним; через «кабуры» - специально пробитые дырки в стенах; веревочных коней, гоняющих «малявы» из хаты в хату и с этажа на этаж; и сотня других.

Но, через несколько дней после снятия голодовки, взрыв эмоций доведенных до отчаяния заключенных все-таки произошел, вылившись в бунт. Как всегда, «жестокий и бестолковый».

В соседней 18-й камере молодой парень, по национальности лакец, неоднократно пытался вызвать врача, жалуясь на боли в сердце и затрудненность дыхания. Начальник санчасти не соизволил подойти а, как всегда, передал через постового горсть каких-то таблеток с обычными словами «Пусть пьет все, одна из них поможет». Но вечером, незадолго перед отбоем, о котором сирена извещает в 10 часов, и тогда же навешиваются контрольные собачки на двери, - больному стало плохо, и он умер в камере.

Сокамерники, выносившие тело покойного на матрасе и положившие его в санчасти, на обратном пути сообщали другим заключенным, что произошло. Накалялась нервная обстановка. Некто Саламу, запрыгнув на решетку окна, истошным голосом заорал, матерясь и призывая крушить камеры, - мол, «Смотрите, что с нами делают! Скоро тут все сдохнем».

Все произошло стихийно, в считанные, как мне показалось, секунды. В камере было человека двадцать четыре, ненависть буквально замкнула сознание, пробудив колоссальную силу: заключенные выдергивали железные столы из бетона пола, как будто фанерные, отрывали от шконок железные угольники, используя их подобно инструменту и помогая себе отдиравать чугунные отопительные секции от стен, словно бумажные. Ржавая вода, оставшаяся в системе, вытекала, и пол был залит по щиколотку. Батареями начали бить, как тараном, в железные двери, раскачивая люфт в них, и в образовавшиеся щели просовывали угольники. В мгновение были выбиты двери вместе с железными косяками.

Потная, бушующая толпа вываливалась в коридор, где дежурный дубак по имени Осман, с бледно-землистым от страха лицом, стоял под колоколом сирены, которая протяжно выла, казалось, на весь Хасав-Юрт. Существовала реальная опасность того, что кто-то из толпы просто убьет его угольником: фактически все были вооружены.

Во избежание кровопролития и появления невинных жертв, я и два авторитета кроме меня – Юра «Даргинец» и Стас «Кумык» - останавливали восставших и удерживали их от необдуманных действий, так как стали слышны призывы открыть ментовскую камеру, «козлятник» (зэков, ранее сотрудничавших с администрацией), «петушатник» и женскую камеру. В этом случае зэки поубивали бы ненавидимых и презираемых ментов и «козлов», и тогда, как всегда после бунтов, расстреляли бы по 77-й статье УК не виновных, а тех, на ком висели недоказуемые дела, или тех, кого «приговорил» КГБ.

Заключенные открыли свои камеры, и начались разборки с мордобитием между подельниками, раньше закрытыми в разных хатах. Мы категорически пресекали разборки и останавливали толпу, чтобы не переходило «общее в личное»: нужно было поддерживать сплоченность и единство - с выдвиганием законных требований, вскрывающих преступления администрации.

Когда вышли из «хат», то сразу же сломали дверь санчасти, где лежал труп лакца. Забрали покойного и перенесли в большую камеру, уложив на стол, где находившиеся в помещении старики прочитали молитву и

совершили поминальный обряд. Здесь же хотели провести встречу с прокурором по надзору и дать ему убедиться наглядно в причинах бунта.

В санчасти, само собой, всегда есть медикаменты, и там находилось несколько баллонов со спиртом, многие из которых мы уничтожили, - разбили, чтобы восставшие не напились и не устроили беспредел. Но все равно кое-кому удалось надраться и утащить сильнодействующие препараты – снотворное, ампулы с хлор-этилом, используемом при местном обезболивании, и т.д. Сонные, невменяемые заключенные ползали, лазали по коридору, предлагая лекарства друг другу горстями и спрашивая меня, что из них лучше для кайфа.

Женские камеры открыли по настоянию самих женщин, и вышедшая от них первой на полусогнутых, вся покрыта лагерной символикой и с наколками на обеих ногах « - Вы куда?» - « - А вас еб...т?», - с приклатненным движением, Зика бросила клич остальным дамам: «В первую очередь даем тем, у кого большие срока!».

И тут началось такое, что в «порно» вряд ли увидишь. Некоторые женщины тоже успели наестся препаратов, а кто – выпить спирту. Зэки вытащили из санчасти небольшой медицинский сейф с наркотиками для urgentной (срочной) помощи и начали разбивать простой «английский» замок в коридоре. Один проходивший мимо «медвежатник» с наигранно-важным видом наставлял: «Братва, пустая затея, замок не открыть. Я за них сижу - голый вассэр!». Как раз в этот момент отскочила крышка сейфа, и все бросились головами внутрь, так, что снаружи смешно торчали только зады. Уцепили где-то около пятидесяти ампул морфина и омнопона, и счастливчики укололись, среди них - Зика.

Малолетки, вытащив из санчасти ампулы с глюкозой и хлор-этилом, устроили пир в своих камерах. Хлор-этилом через тряпку дышали, ловя волну. В их камерах вместо шконок, как и в женских «хатах», находились деревянные стеллажи в два яруса. Малолетками назывались те, кому на момент преступления не исполнилось восемнадцати лет, но некоторым в камере было уже и по двадцать, - тем, кто долго сидел под следствием, - то есть это были сформировавшиеся мужики. Одна из дам, наглотавшись медикаментов и раскачиваясь, вихляющей походкой зарулила к малолеткам в поисках страсти. Ее мычащий ухмылявшийся вид был

ужасен, но ее «устраивали» по очереди. Тем, кто младше и послабей, она не досталось, и они жаловались с детской обидой, что их обошли и не поделились по-арестантски; остальные - отрывались по полной программе.

Были сломаны двери оперчасти и спецчасти, где фотографируют и дактилоскопируют: хотели рассекретить стукачей. Но агентурных дел не нашли, хотя обнаружили сигареты, конфеты и чай, которыми, видимо, «кумовья» подкармливали своих агентов. Все шло в общий пир. А найденные фотоаппараты и пленки варварски поуничтожали в бачках с водой.

Кто не хотел, тот не принимал участия в оргии. Две-три женщины отказались по медицинским причинам; одна или две встретились со своими «заочниками» - любимыми по переписке, наконец свободно общаясь с избранниками. Из уколовшихся – одному стало плохо с сердцем, его пытались откачивать. Он уже посинел и начал хрипеть, его держали на искусственном дыхании, и группа переговорщиков, передававшая требования заключенных через дежурного помощника (ДПНСИ), находившегося за разделительной решеткой безопасности, потребовала вызвать скорую помощь.

Бригада приехала быстро, врач попросил передать умирающего наружу, но некоторые ээки стали орать, мол, врач делает это специально, а потом сдаст больного ментам. Интеллигентный пожилой доктор снял шляпу и поклялся своими детьми, что он - врач, а не полицей, и для него любой пострадавший – больной, и нет разницы, арестант или мент. Врач сам зашел с напуганной медсестрой для оказания помощи; требовалось помещение, где было бы больше воздуха, и больного вынесли в один из прогулочных дворики.

Там гуляла, обнявшись, тюремная парочка влюбленных заочников, и Расул оберегал подругу, идиллически накинув ей на плечи фуфайку и шепча что-то на ухо. Тут же рядом заканчивались разборки подельников и откачивали умирающего.

Наконец пришли прокурор по надзору и начальник тюрьмы Амирханов. Пробравшись через толпу под провокационные возгласы – и особенно

визги Зики «Чего вы на них смотрите, валите козлов!», они зашли в камеру, где лежал труп, и выслушивали нестройные требования зэков. Тогда один из нас остановил шум, передал петицию и взял переговоры на себя.

В этот момент, в провокационных целях или по стечению обстоятельств, что-то случилось и мигнул свет, в наступившей темноте мы втроем постарались так встать, чтобы защитить прокурора и хозяина от беспредела и ненужного кровопролития, но никто их не тронул, хотя были слышны призывы. Когда свет зажегся, начальник смешно присел на согнутых ногах, приподняв руки и готовясь к защите, а прокурор вообще скорчился, обхватив двумя руками голову в страхе.

Хотя в этой камере находились преимущественно пожилые люди, все глаза присутствующих в ожидании неизвестности, которая несла неминуемую развязку, светились страхом, а лица были бледны, потны и блестели под тусклым светом зарешеченной лампочки.

...Прокурор призвал нас разойтись по камерам, и нам были обещаны законные уступки. Кто-то из малолеток уже попытался выпрыгнуть из окна кабинета оперчасти с целью побега. Но по периметру тюрьма была оцеплена сотрудниками городской милиции с автоматами, и они открыли стрельбу в воздух над головами бегущих.

Перед рассветом я услышал далекий шум, похожий на марш толпы. Я выглянул через зарешеченное окно приемной санчасти, выходившее во двор тюрьмы на стоявшую там баню, наблюдательную вышку и зеленые железные ворота, освещенные прожекторами.

Ворота открылись, впереди шла пожарная машина с лафетной установкой водомета высокого давления, струя воды которого сбивает большие деревья. За машиной двигались каски, поблескивая под лучами прожекторов.

Стали слышны команды через мегафон, и солдатский спецназ МВД марш-броском перебрался во двор тюрьмы и устремился ко входу между двумя корпусами. Часть зэков пыталась забаррикадировать дверь, и тут прозвучали автоматные очереди над головами, через дверную решетку. Толпа залегла на пол, из гранатомета были выпущены гранаты со

слезоточивым газом. Крутятся и дымя, они вызывали слезы и не давали дышать.

Чтобы спастись, мы прижимали к глазам и ко рту смоченные тряпки. Все беспорядочно двигались, как слепые котятка. В этот момент взорвали дверь, и спецназ в противогазах и касках с забралами, со щитами и большими коричневыми дубинками для подавления бунтов ввалился в коридор, вытесняя эзков во дворики, рассчитанные на одновременный вывод не более четырех камер. Туда загнали почти всех, не считая «петухов», «козлов» и ментов. Тех выдернули из обкуренного слезоточивым газом здания, зацепив решетки их камер за пожарную машину и БТР. Людей высадили, как десант, и загнали всех в одноэтажный банный барак.

Бывшие во двориках - стали терять сознание от тесноты, но упасть никто не мог из-за недостатка пространства. Так, стоя, и «отрубались». А сверху над головой раздавались для устрашения автоматные очереди, и начальник тюрьмы, находясь там же на решетке над прогулочными двориками, рядом с командиром войскового спецназа и с прокурором, кричал: «Ну что, кто из нас «козел»?!». И, указывая на особо запомнившихся, давал команду солдатам, образовавшим живой коридор с поднятыми щитами и опущенными забралами, пропускать зачинщиков через строй, избивая дубинками.

По нормативам, дубинки запрещено применять выше поясницы. Но эзков били по головам и спинам, многим поломали основание черепа, были сотрясения мозга, и безжизненные тела потерявших сознание выкидывали во двор. Выбравшихся через строй и не упавших сажали на корточки, заставляя поднять руки, сцепленные за головой, и натравливали приспущенных на длинных поводках служебных собак, которые рвали наши одежду и тело, а солдаты постреливали в воздух короткими очередями.

Ту влюбленную парочку хозяин велел придержать. Дама с обширными формами вальяжной походкой двигалась по коридору сквозь строй, не торопясь, и солдат ради смеха поддал ей дубинкой по заду. Тогда «Ромео» Расул, будучи джентльменом, ударил солдата в забрало. А стоявший напротив солдат со всей силы огрел дубинкой Расула по

затылку. Кровь брызнула из ушей и носа таким фонтаном, которого я еще прежде не видел. Теряя сознание, но стараясь удержаться на ногах, скобля руками о противоположную дверь, Расул получил в тот же момент еще два сильнейших удара, и после этого затих, отключившись.

Двое солдат взяли его за ноги и потащили оставлявшее кровавый след тело по полу – из коридора во двор, где бросили среди нас, сидевших на корточках, и среди других - бездыханных. Уже был солнцепек, и один ээк, обглотавшийся, видно, таблеток и ничего не соображавший от дурмана и жажды, поплелся к крану с водой, расположенному возле бани. Солдаты, стоявшие на его пути, били его дубинками, но он под наркозом не чувствовал. Падая и подымаясь, он снова полз на карачках, так что его упорство вызвало смех среди солдат, и они позволили ему утолить жажду. Там, под краном, он и упал окончательно.

В этот момент во двор начали загонять автозэки. В них стали набивать заключенных. Впритирку в машину входит человек восемнадцать, это если уже через край. Когда другим не остается места, они висят на ступеньках и начинают кричать, что автозэк переполнен. Тогда солдаты спускают собак, в бешенстве грызущих не поместившихся, и автозэк становится сразу «резиновым». Туда впихивают человек тридцать.

Забегая вперед, скажу, что бунт привел к тем последствиям, что на восемнадцать «крайних» заключенных, которые вообще не имели к нему отношения, были следственной группой Прокуратуры СССР заведены уголовные дела по статье 77 прим. 1, предусматривающей ответственность за особо тяжкие преступления – от восьми лет лишения свободы до высшей меры. Главным свидетелем по этим делам была зачинщица бунта и провокатор – та самая Зика, которую сразу же после событий выпустили из тюрьмы под расписку.

...Зэков развезли по разным тюрьмам, часть отправили в Дербентскую тюрьму, часть – в Махачкалу, другую – в Грозный, куда перевезли и меня. Как горох, мы высыпались из машин в настоящее пекло, и многие были напуганы. Бунтовщиков там для видимости встречали с собаками, менты стояли с «черемухой» и дубинками, а мне смешна была эта показуха, так как я знал местный «веселый» режим, проведя здесь ранее почти год по статье 191 прим. 2 – «Покушение на сотрудника милиции

при исполнении им служебных обязанностей», предусматривающей от пяти лет лишения свободы до расстрела. «Сотрудником» был ныне покойный, а в то время заместитель начальника уголовного розыска Ленинского РОВД, Леча Зузиев, пытавшийся совершить против меня, на почве личной вражды, провокацию при помощи своего агента по оперативной кличке «Студент».

Многих избитых положили на санчасть с переломами основания черепа и в тяжелом состоянии. Кого-то парализовало, люди остались на всю жизнь калеками.

Глава 6. «Ломка» в Шамхале.

Осенью, когда уже начались холода, и с моря дул пронизывающий ветер, после суда в Кизляре я был доставлен для отбытия наказания в зону. По прибытии этапа нас сразу разместили в этапный карантин, находившийся в одной из камер ШИЗО. Там условия содержания отличались от условий для нарушителей тем, что, в то время как нарушителей кормили через день («день летный, день пролетный»), нас кормили хоть и по скудному пайку, но ежедневно, и не отбирали сигареты и чай.

Остальных мучили холод и голод, и мы поделились через посланного баландера (зэка, разносившего баланду) чаем, сигаретами и «глюкозой» (сахаром или конфетами – что у кого есть) с отбывавшими наказание арестантами.

С потолка через щели текло в полный рост; на бетонных стенах, покрытых «шубой» (накидываемым наотмашь цементом) от сырости цвела плесень: дожди в этот период времени в Дагестане – обычное дело. В нашем изоляторе находились нары, на которых невозможно было не то что спать, но и просто лежать, так как вода, струившаяся с потолка, заливала их постоянно. Доски нар имели такие щели, что туда пролезали наши кости, а сквозь решетки на окнах дул с моря штормовой ветер. Он пронизывал и из-под нар, и спасения не было.

Сутками у всех нас ломило суставы, и мы варили без передышки «змейский» чифирь в литровых кружках, в котором растворяется

«мойка» (лезвие бритвы «Нева», тогда еще из ржавеющего металла) или соленая килька и куски курдючного сала. Заваривалась двойная-тройная доза: сначала заваривали одну пачку, затем выкидывали «нифель» и на этом растворе заваривали еще целую пачку.

Обычно чифирь пьют по кругу в два или три глотка. Но с этого чифиря после двух глотков сердце буквально подскакивало к горлу, молотило и разгоняло кровь, - и это единственное, что нас согревало. К тому же мы выпивали с этим чифирем по полтаблетки теофедрина, который получали некоторые астматические больные, и это позволяло нам выжить.

В течение бессонных суток накапливается утомляемость, как-то пытаешься улечься на эти нары, но то ноги откроешь - то голову... И все же были доли секунды обморочного состояния, за которые ты «отлетал». Но и тогда удавалось видеть лишь обрывки кошмарных снов, где мучил холод (будто ты на Северном Полюсе среди льдов); а видения с продуктами питания еще снились только в самое первое время... Сознывая, что ты замерзаешь, вскакивал, тело было окоченевшим, тогда ты начинал приседать и делать какие-то движения, хлебнув свою дозу чифиря.

В зоне в то время практически не велось никакого производства, она была голодная, питание – минимальным, а диету получали только туберкулезники, язвенники. Диета отличалась лишь тем, что им давали 30 граммов маргарина или жиров вместо сливочного масла, а молоко полагалось им по 450 граммов ежедневно, но они его и не видели, также как и причитающиеся 150 ежедневных граммов сырого (выход по разбивке – около 35 граммов вареного) мяса. Вместо молока выдавали на месяц две банки сгущенки, что и так уже было праздником.

Поэтому некоторые заключенные («черти») пытались встать на диету, глотая ради этого даже гвозди, дыша сахарной пылью, чтобы затемнить легкие. Но легче всего было получить диету за деньги, дав взятку врачу, и это стоило 50 рублей на месяц диеты.

Обычно в таких местах, где нет производства и царит голод, менты закручивают режим, ужесточают произвол. Штрафные изоляторы были постоянно забиты водворенными туда зэками. Но в зоне был поставлен

так называемый «черный ход», то есть придерживались воровских понятий, и соблюдалась арестантская поддержка. Поэтому собирался общак, пополняясь продуктами питания: в основном это чай, сигареты и сахар-конфеты, - а также деньгами, которые шли на «крытые» тюрьмы, где отбывали тюремный режим, и где как правило содержались вораы в законе («свойки»).

Так что в зоне были смотрящие за отрядами, за зоной, так называемые «кристальные парни», роль и забота которых заключалась в том, чтобы следить за справедливостью в зоне, участвовать в разборках конфликтующих сторон. А главное – идя на риск, что самого закроют в изолятор, любыми путями поддерживать «дорогу в ШИЗО», то есть передавать туда «грев» - тот же чай, курево и т.д., а на «общаковую хату», помимо всего, и наркотики.

При Андропове на пост министра внутренних дел СССР заступил Федорчук, заявивший, что «лучше сто трупов, чем один побег», и усилил по зонам режим с тем, чтобы зэки как можно больше вступали в «актив», то есть шли на сотрудничество с администрацией. А для несотрудничавших, как я говорил, была выдумана статья 181 прим. 2 – «Злостное неповиновение законным требованиям администрации», предусматривавшая при уже имеющейся легкой статье добавление к сроку до трех лет, а при тяжелой – до пяти лет лишения свободы. То есть срок практически становился неограниченным. (Эта статья была отменена только с приходом Горбачева, и осужденные по ней были затем амнистированы).

Когда статья была введена, и я прибыл в Шамхал, то буквально в месяц два раза по ней раскручивали по 5-7 человек. Нас кормил в то время баландой наглый стукач и конченный подлец, каким его и считали все зэки, - сидевший за «волосатый сейф», то есть по статье 117 УК РСФСР – изнасилование, – а в это время, когда я пишу эти строки, министр нефтяной промышленности Дагестана, глава Фонда имени имама Шамиля, депутат Верховного Совета Дагестана и член всевозможных партий России - Махач Махачев.

Его брат, приговоренный ранее к расстрелу, был известный разбойник по кличке Мухотка, который в основном грабил горских евреев на Северном

Кавказе – в Дербенте, Кизляре, Хасав-Юрте, Пятигорске, Нальчике, Кисловодске и совершил лично массу убийств.

В то время началась по зонам СССР так называемая «ломка», докатившаяся и в Дагестан, где сначала на «Единичке» (первой зоне в Махачкале) в результате массовых избиений эков спецназом МВД погибло двое заключенных, и многие были покалечены, - а затем перекинулась к нам в Шамхал. Началось это с того, что утром в зону, перед подъемом, были заведены два БТРа. Один встал около вахты на переходе между рабочей и жилой зонами, направив крупнокалиберный пулемет на плац жилой зоны, а другой БТР зашел с правой стороны между столовой и санчастью.

Солдатами внутренних войск были сварены из арматуры огромные клетки, так называемые «тигрятники», которые установили около вахты, где был БТР. И когда с подъемом на плацу выстроили заключенных, а на смотровых вышках и на КПП-1 разместились снайперы, то в зону, во всем камуфляже, маршем забежала колонна - с бронежилетами, щитами, касками-забралами, с большими дубинами, а некоторые – со специальными рогатинами, прижимающими заключенных, как медведей, к стенке, и с сетками для накидывания на группы людей, для нейтрализации эков, облитых «черемухой».

Солдаты окружили по периметру стоящих на плацу заключенных, а зоновские опера, бегая сквозь эковские ряды, по своим спискам выдергивали так называемое отрицалово. В списках значились те, кто не устраивал администрацию или у кого на воле были враги, и через администрацию с ними пытались разделаться.

Отобранных, обкуривая газом и избивая дубинками, солдаты запихивали в тигрятники, где, продолжая пускать «черемуху», зверски избивали. Клетки были в слюнях и крови, валялись выбитые зубы. Выпуская после экзекуции из клеток, заключенным протягивали заранее заготовленный подписной формуляр, где уже были обозначены сведения, что, мол, эк вступает в ряды СПП (секцию профилактики правонарушений) и другие секции, обязуясь сотрудничать с администрацией. Оставалось поставить подпись - и стать стукачом.

Отказавшихся была основная масса, сломались лишь единицы. Неподписантов, продолжая избивать, волокли, так как идти самостоятельно они уже не могли, и закидывали в штрафные изоляторы.

Время от времени продолжали экзекуцию уже там, запуская внутрь газ и избивая людей. И всё это было началом.

На другой день стихийно, теми, кто знал, что не пойдет на сотрудничество и подлость, но оставался в зоне, было решено не уходить и держаться на плацу, ни в коем случае не доводя до надругательств и избиений.

Мы решили вскрыть вены и животы, и кто согласен был порезаться, сами вышли на плац, а там (в зоне было где-то 2400 человек) нас на плацу порезалось более семисот заключенных. Мы вскрыли вены на запястьях заготовленными лезвиями, пронесенными во рту, а кто-то вскрыл брюшину, от чего жировая полость развалилась и представляла собой весьма впечатляющую картину с вывороченными складками и оголенными венами и текущей из животов кровью.

В считанные секунды кровь, хлынувшая от такого количества «отрицалова», залила плац и превратилась в студень сантиметра в два толщиной. Выглянувшее солнышко, слегка припекавшее на вообще-то здесь редком безветрии, испаряло кровь, вызывая тошнотворный запах, так, что генерал Саидов («черный генерал») из ГУИТУ МВД СССР, которому стало дурно, прикрыл рот носовым платком и старался дышать через тряпку. Московское ГУЛАГовское начальство, не выдержав этой кровавой демонстрации свободолюбия, приказало остановить дальнейшую экзекуцию.

Многие «мужики», которые не принимали участия в акции неповиновения, выразили удивительную солидарность и оказывали поддержку, делясь собственными сигаретами, чаем, конфетами с теми, кто сидел порезанный на плацу. Многие из «мужиков», не пострадавшие сами, теряли сознание от вида этой картины.

Двое суток санчасть зашивала и обрабатывала раны. По решению братвы, в присутствии московского начальства из ГУИТУ СССР я передал

начальнику режимно-оперативной части - наглому и жестокому подполковнику - составленную нами петицию, где описаны были все нарушения и преступления, совершаемые администрацией, и оглашения которой менты очень боялись. А так как здесь присутствовала эта комиссия, то многие могли потерять портфели и слететь с должностей.

Пытаясь нас ублажить и пообещав пойти на уступки, администрация вывела войска за зону, выпустила сидевших до этой поры избитых из ШИЗО, а потом, под видом приема по личным вопросам, нас всех стали вызывать по очереди и выслушивать законные требования. На самом же деле таким путем формировали списки на этапирование заключенных, разбитых по партиям, в дальние лагеря. А особенно неугодных администрации направляли спецэтапом на ломку в соликамскую «Белую Лебедь».

Меня же, так как уже пришло требование по вышедшему тогда указу обязательного отбытия срока по месту жительства, если там есть колонии назначенного ээку режима, этапировали в ИТК 36/2 поселка Чернокозово станицы Наурская ЧИАССР, где в настоящий момент располагается знаменитый пытками фильтрационный концлагерь Федеральных сил России в Чечне.

Глава 7. Отделение ТБЦ: общаковая палата; движение в зоне.

По этапированию в ИТК 36/2, меня переправили в поселок Алды, в ИТК 36/1 города Грозного, где тогда на территории колонии общего режима находилась республиканская больница для заключенных ОИТУ МВД ЧИАССР. Там-то нас, как я сказал, на наше общее немалое удивление судьба вновь свела с Ханом, куда его этапировали отбывать срок за кражу из квартиры дипломата в домах дипкорпуса Москвы, по статье 144 ч. 3 УК РСФСР.

Сейчас появляются ангажированные публикации, будто осужден он был трижды по политическим мотивам. В первых двух судимостях политикой и не пахло, они были, по его словам, «за негативов», причем первый раз – потерпевших было 11 человек. Что касается последнего ареста – за вымогательство, т.е. рэкет, - то там еще можно усмотреть политику, так

как Хан был связан с Р. Хасбулатовым, а последний стремительно поднимался по политической лестнице.

В Алды к Хану и навевывались сотрудники КГБ с Лубянки, уединяясь с ним для бесед, что само собой вызывало молчаливое подозрение у солагерников и приличный страх у администрации. Мне же, напомним, он поведал, что КГБ охотится за тем самым кейсом, так как, по их мнению, в нем была красная ртуть.

Находясь на отделении ТБЦ, я имел свободный ход через вахту как в жилзону, так и в промзону, точно так же и Хан каждый день приходил к нам на больничку, так как все менты там были «прикручены».

Прогулочный дворик туберкулезного отделения вплотную прилегал к домику «общих» свиданий, за которым сразу находилось КПП прохода в зону. Сетка-«рабица», окружавшая дворик, была предусмотрительно прорвана в нужном месте, и через эту дыру при необходимости шло движение заключенных из больницы, а далее, через внутреннюю лагерную стену, в жилую зону, и также оттуда проникали ребята - проведать больных.

Приносили «общак», то есть собранные продукты питания, чай, сигареты, алкоголь и наркотики, которых в зоне было, наверное, поболее, чем на воле. Торговали ими и офицеры лагерной администрации, контролеры, несколько «барыг» из осужденных, а в основном «барыги», подъезжавшие с воли, перекидывая наркотики через все заграждения, с привязанным для этой цели камнем или каким-либо болтом - в обмен на выброшенные из зоны деньги.

«Общак», как и положено, в первую очередь распределялся на «крест», то есть больничку, и на «подвал», то есть штрафные изоляторы, ПКТ (помещения камерного типа). Основное движение через дырку в сетке начиналось с наступлением вечера, когда в лагере оставались только дежурные офицеры (ДПНК; оперативник, ответственный по зоне) и контролеры. Тут-то и осуществлялся их основной заработок с заносом в зону мешков с продуктами питания за стабильную, определенную за эту услугу в зоне, плату - 25 рублей. Официально можно было передавать родственникам осужденных всего, кажется, пять килограммов в месяц, в

зависимости от режима, а за деньги – сколько угодно и ежедневно - тем, кто имел на то финансовые возможности.

Все заносилось и все завозилось с транспортом, что следовал в зону за продукцией мебельного производства. В промышленной зоне делались диваны, кресла, столы, стулья, много эксклюзивной мебели по заказу лагерного начальства. Сырьё – дерева, импортного гобелена, фурнитуры, шпона – было немеряно. Немеряно же и разворовывалось администрацией, списываясь на брак и прочие потери производства материально не ответственных заключенных, среди которых были на самом деле уникальные самородки, эдакие Левши-умельцы. Они делали великолепные коробки для игры в нарды, журнальные столики, разукрашенные наборным шпоном, и многое другое – за что имели определенные льготы от администрации, а через вольнонаемных мастеров, шоферов и контролеров лагерной службы – алкоголь и наркотики. Для человека, впервые попавшего в этот лагерь, впечатления были просто ошеломляющими.

В жилых секциях стоял терпкий запах анаши, той же марихуаны, которую курили почти в каждом проходе, а кто и ел ее, предварительно зажаренную в масле с шоколадом или сахаром, что называлось «кузьмич». После чего валялись на лагерных кроватях-шконках с глазами, так налитыми кровью, что у того кролика, - будто она сейчас струей брызнет из глаз. Валялись в полном изнеможении, прострации такой нирваны, лениво мыча что-то нечленораздельное, похихикивая, а то вдруг закатываясь в истерическом смехе, а у кого-то, наоборот, начинались беспричинные страхи смерти и прочие так называемые «измены» и «шугаловки», и он вдруг с головой прятался под одеялами, между шконками или искал другого укромного места.

Дух анаши, которой тут было, как я уже говорил, «что у дурака махорки», перемешивался с запахом жарки приготовляемой тут же в проходах пищи, с запахом неволи - особым запахом, присущим только этой системе, - потных тел, белья, носков, обуви; адреналина, вброшенного от переживаний в кровь, запахом тревоги, напряжения, беды - и прочим, что можно ощутить только в неволе, и людям, не побывавшим там, всего этого представить просто невозможно. На свободе такие запахи просто не существуют, не водятся. Псы по своей природе отлично чувствуют запах

страха и реагируют на него, потому лагерные собаки точно отличают эсков от вольных, кидаясь с неистовством, и это используют кинологи внутренних войск МВД для тренировок.

В одном-двух проходах заваривали опиум «черняшку», а кто-то делал себе инъекции морфием, омнопонем или даже героином, или мог растворить «децил» кокаина в растворе героина и ввести себе «золотой марафет». Но эту возможность имели единицы избранных, и делалось это где-нибудь в укромном, уединенном месте, так называемой «бендеге». Такая и самая лучшая «бендега» в зоне была у Хана и его близких, где мы часто проводили время в беседах на разные темы, слушая магнитофон и смотря телевизор, что категорически были тогда запрещены.

Как-то раз Хан пришел ко мне на «больничку» сразу после очередного посещения его гостями с Лубянки, - и об этом я расскажу, предварительно дав описание нашей больницы.

Глава 8. Помощь умирающим.

У меня была очаговая форма ТБЦ, я лежал сначала в туботделении, состоявшем из четырех палат. В нашей - находились сеточные кровати, что, в отличие от шконок, придавало ощущение некоего сервиса. В других палатах были и двухъярусные шконки, на которых лежали больные с легкой формой туберкулеза, так называемой очаговой, как у меня, но были и с фиброзно-кавернозной, - они выплевывали уже все легкие с кровью и дышали одной четвертью оставшегося легкого.

Эти больные еле ходили, если вообще могли вставать на уколы, и двигались с помощью других заключенных. Их преследовали одышка и высокая температура, а от постоянного стрептомицина и прочих антибиотиков – выделение пота, пахнувшего медикаментами.

Как правило, все эти больные отличались нервным характером при анемии, а так как медсестры, всю жизнь отработавшие в зонной системе, часто с больными грубы, обращаются с ними, как с животными, и именно эта больница после Отечественной войны была лагерем для немецких военнопленных, - то если на глазах одной из таких медсестер,

по прозвищу Эльза Кох, умирал заключенный из опущенных, то, сделав в уже почти охладевшее тело прямой укол адреналина в сердце и махнув рукой, она говорила: «А, соли обожрался, вот почки отказали – и сдох».

Если же это был авторитет – то говорила, что он умер от передозировки наркотиков.

Покойных списывали без разбирательств и вскрытий. Еще две тубпалаты, с железными дверьми и закрывающиеся на задвижки с замком, были боксами, куда сносили доходяг, умирающих тубиков. - Нет чтобы активировать.

Но иначе было с богатыми. Как и везде в тюрьмах СССР, в больничке все продавалось и покупалось. Врачи долго пытались вымогать деньги у богатых родных, и кое-кому, как, к примеру, Ибрагиму Сусаеву, составили акт, что будто бы человек умрет буквально сразу за зоной, не проживя и нескольких часов, - и отдавали на руки близким. А на воле такой больной мог прожить еще долго.

При активировании составлялся акт, что не только от легких почти ничего не осталось, но и другие жизненно важные органы вышли из строя, как правило три: легкие, печень и почки.

Было бы понятно, если б речь шла о гитлеровских или сталинских лагерях, историю которых мы знаем. - Но точно такие живые скелеты лежали в этих вот боксах в эпоху развитого социализма при правлении Андропова. Лежат они и сейчас.

В эти палаты невозможно было зайти из-за трупного запаха гниющих живьем заключенных, часто не совершивших вообще никаких преступлений, и, даже если бы их активировали, то они бы при всем желании не могли ничего совершить, а умерли бы на руках своих близких. Так стоят у меня перед глазами Бакар (из Шалинского района), Саваж и другие ребята лет по двадцать с небольшим, которые там и погибли.

Мы приносили им еду, доставая даже черную икру, мед с орехами – самое питательное и дефицитное, в том числе и на воле, но ребята есть не

могли. Не брали и сигареты, так как курить уже были не в состоянии, - а только насвай, загубной табак. Около шконок у каждого была плевательница, как правило литровая банка, куда они сплевывали мокроту с кровью, и где плавали ошметки легких.

Вот на этом-то туботделении я приплатил врачу-фтизиатру и взяточнику Фирсову, и он перевел меня в четвертую палату к соматическим больным, устроенную нашими как «общаковую». Там стоял запрещенный маленький телевизор, радиоприемники, мы слушали музыку, и оттуда поступавший с зоны «общак» распределялся по всем палатам.

Вот сюда в тот раз Хан пришел меня навестить.

«Парижские тайны» Алдов.

...Поговорив с лежащими в палате и пожелав всем выздоровления, скорейшей свободы, он позвал меня в зону – спокойно посидеть, пообщаться, слушая музыку, в их «бендеге». Зоновское начальство, конечно, знало о ее существовании, но имело с нее «откупные» и закрывало глаза. Младший же ментовской состав нырять туда остерегался, чтобы не нарваться на неприятности. Обычно прапорщики войскового наряда клянчили четвертной на бутылку, - не более. Для начальства МВД ЧИАССР и для московских комиссий «пещера Али-Бабы» была не известной, и скрывала всю зоновскую подноготную.

Надо заметить, что «бендега» была знатная и могла бы послужить отличной натурой для снятия очередных «Парижских тайн». Зайдя в зоновскую библиотеку, ни за что было не догадаться, что, помимо стоящего тут библиотечарского стола с картотекой, в окружении книжных стеллажей от пола до потолка, может оказаться еще одно помещение, - но именно так и было. На крышке стола библиотечаря, поставленного тут для видимости работы и для надежности, с внутренней стороны стола была еле заметная кнопка электрического замка. Щелчок - и стеллажная стенка за спиной библиотечаря откатывалась на железных роликах в сторону, открывая потайную комнату метра 4 шириной и 8 длиной, заставленную диванами, креслами, покрытыми импортными

гобеленами. Стоял стереофонический магнитофон «Ростов» - новинка советского производства того времени, и какой-то цветной телевизор. А надо заметить, что в то время эти вещи были в зонах строго запрещены в частном пользовании и должны были находиться в специальной культмассовой секции под надзором администрации.

На стенах «бендеги» висели плакаты с видами популярных рок-групп, Брюса Ли и лицами известных спортсменов, а отдельно – несколько фоток разных девиц. На мой вопрос – «А это что, тоже из мира кино?» - Хан ухмыльнулся и ответил: «Да, они такое кино показывают!.. Но только за баксы. Путаны московские это». «Кто?» - переспросил я, не зная тогда «научного» названия проституток. И Хан, весело рассмеявшись, начал объяснять мне род их деятельности, поясняя, что ему приходилось следить за их безопасностью, так как они в московских «крутых» гостиницах («Метрополе», «Национале», «Интуристе», возле которого был «угол» путан, охотившихся за иностранцами) передавали ему заработанную валюту, которой Хан частично делился с гбшниками, и подкидывали «наколки» на воздушных пассажиров, то есть «упакованных» богатых клиентов.

Комната вся искрилась и переливалась лучами свето-музыкальной установки, вмонтированной в мебельный шкафчик. А венчал интерьер – стерилизатор с кипящими шприцами, стоящий открыто, как в процедурной.

В тот период, и довольно долгий, в зону поступал героин уже в растворе, разлитый и упакованный в пузырьки из-под пенициллина, - и им-то подогревал меня Хан в тот день. Всего нас было пятеро, и один, сам вызвавшийся по этому поводу, набирал, проворно отмеряя героин набитой рукой, шприцы и делал инъекции, отлично попадая в вену.

Уколовшись, разлили кофе «Пеле», в то время дефицитный и на свободе, и разложили на столе хорошие шоколадные конфеты с печеньем и пряниками. Двое уселись играть в нарды, а мы повели разговор о том о сем, неизменно вспоминая волю и с нею связанное. Тогда-то Хан, упомянув навещавших его сегодня гбшников, повел разговор в том направлении, что мол гбня – это не менты, и их не интересуют наши

криминальные дела. А что всякий зэк советскую власть хаёт – так об этом знает любой дурак, и никому не интересно.

Весь этот разговор был затеян с целью устранить среди нас и всех зэков подозрительность и навести туман на истинную причину визитов. Ведь этот случай был сам по себе из ряда вон выходящим, и я ни до, ни после не только не видел подобного, но никогда и не слышал, чтобы в зону к кому-то ежемесячно приезжали именно с Лубянки, проводя инструктаж!

Обо всем этом должны помнить Пахрутдин из Чечен-Аула, Майрбек Умаев из Серноводска, Алихан из Урус-Мартана и жившие вместе с ним в «бендеге» при зоновском ПТУ Казбек «Золотой» из поселка Калинина (правая рука Лабазанова, вовремя понявший его суть и уехавший в Иркутск, где был в большом авторитете, и где должна была произойти его коронация в «воры в законе», но Казбек был убит в перестрелке с азербайджанцами) и широко известный в Чечне «Махно» - Мамихан Мальсагов, теперь проживающий в Турции и имеющий там одно из самых крупных домовладений, яхту и прочее... Можно назвать и других оставшихся в живых очевидцев, прошедших с нами зону Алды.

Не будь у Хана в то время так высоко поставленный авторитет и крепкие позиции среди большого круга поддерживавших его – все это могло кончиться для него весьма плачевно. И в другой зоне произошло бы определено: уже не помогли бы объяснения, со всей их кажущейся убедительностью.

Вспомнив «Махно», здесь, на примере хитро сплетенной интриги с ним, самое время точнее обрисовать характер Хана.

(NB: Краткий словарь общения.

Коцаные стиры – меченые карты. Киса – мать «Махно». Двинуть фуфлю – не уплатить вовремя карточный долг. Затравить – спровоцировать. Выскочить на химию – выйти из мест заключения или из зала суда на стройки народного хозяйства. Катать – играть в карты. Стиры запилились – истрепались карты. Мусор – мент. Тасануть – передать (что-то кому-то). С нуля – новая. Рамс – подлая карточная игра; в данном случае –

щекотливая ситуация. Приставки – претензии, условия. Малява для развода – письмо для решения вопроса.)

Вышеупомянутый Игорь Беденко в это время также находился в зоне Алды и жил в «семейке» Хана, так как ранее был его одноклассником. В 1981 году «Беда», придя этапом за аферы из Москвы на Грозненскую тюрьму, сидел в Кизлярском корпусе в одной камере с «Котом» - Данилбеком Ошаевым – и другими ребятами. В камере постоянно шла игра в карты на деньги, которую «затравил» сам «Беда». Как-то Игорь проиграл крупную сумму, и приближался день расплаты. «Беда» через оперативников перевелся в другую «хату», что по тюремным законам абсолютно не оберегает от «фуфла». Не расплатившись, Игорь выскочил на «химию», но долг остался за ним. И когда Игорь опять был возвращен с «химии» за нарушение режима на зону, он скрыл от встречавшего его Хана висевшее на нем «фуфло».

Как обычно, и в Алдах шла игра. «Беда» «катал» с Доккой «Шатоевским», прежде жившим в районе республиканской туббольницы по улице Ленина в Грозном и приходившимся родственником «Хозе» (Николаю) Сулейманову.

В это время в «бендегу», где шла игра, заглянул Мамихан («Махно») и спросил:

- Что, катаете?

- Да, катаем...

На кону уже в течение нескольких часов было не больше сотни рублей, и «Беда» обратился к «Махно»:

- У тебя стирь есть? А то эти все запилились уже.

«Понтовитый» Махно никогда бы не признался, что у него нет колоды, и достал бы ее хоть из-под земли, чтобы лишний раз подчеркнуть свою «крутизну». Многие знали его по Москве и слышали о его успешных делах, которыми так любил Махно прихвастнуть. Кичась богатством, он неоднократно заявлял на зоне, что может построить себе здесь, в лагере, двухэтажный особняк, а все вертухаи будут бегать у него на посылках (многие менты и так уже были им куплены).

- Да мусор один сейчас обещал занести. Если что – я вам тасану, - ответил Махно Бедке и ушел.

Минут через сорок, найдя совершенно новую, запакрованную колоду, он отдал ее играющим. Беда как бы в шутку спросил:

- Ты случайно ее не закоцал?..

- Нет, она с нуля, - ответил Махно, хотя такие вопросы среди катающих вообще против правил. Коцаная, не коцаная, - хочешь, играй, хочешь, не играй, так как каждый игрок, заметивший метки, с легкостью может использовать их в свою сторону. Когда двое играют, то третий вообще не у дел и не имеет права советовать. Само собой, что он не несет ни малейшей ответственности по игре.

Махно ушел, а через час его позвали и объявили, что колода была коцаной, и виноват в этом он, так как играющие могли поссориться до конфликта и даже вызвать кровопролитие. Сказал это Беда, который никогда бы не осмелился это произнести вслух Махно, если б не получил инструкцию от Хана. Получалось, что Докка за это короткое время якобы проиграл Бедо 14 000 рублей, по тем временам – три автомашины, огромные деньги, но платить будет не он, а Махно.

- Как так?! – удивился Махно.

- А вот так. Твои карты, ты и будешь платить.

На моментально собранной сходке, как всегда возглавляемой Ханом, весь «рамс» был им разведен в таких ужасных картинах, что это могло закончиться зоновской резней, и Махно выглядел чуть ли не умышленным провокатором, подсунувшим заведомо коцаные стирь. (Все колоды, особенно имеющие клетчатую рубашку, отличаются одна от другой, а режет их заводской станок. Так что уголки и разводы по углам легко «читаются» каталами. Именно фабричные «заусенцы» и неровности и предъявили, как коцки, выполненные Махно).

Мамихан должен был «занести» семь тысяч в зону, а еще семь отдать Бедо в день его освобождения, при встрече на воле. Так как Хан был главным авторитетом в зоне, никто не подал слово в защиту Махно (лишь Алихан, с которым тот жил, пытался как-то вступитьсь). И Мамихан ответил присутствующим:

- Хорошо. Киса приедет на свидание, и я ей скажу о деньгах.

Вскоре мать привезла эти деньги, которые пошли на «общак» Хоже. А иными словами, это была недельная пьянка-гулежка, и наркотиков досталось всем, кто был более или менее в зоне заметен. Несколько тысяч дали менту – капитану Шахбиеву, ДПНК – на ампулы омнапона, морфина и промедола, которые он и занес в большом количестве в лагерь.

Когда я приехал на больничку, приходило много встречающих, они и поведали эту историю в красках. Я удивился: - Как это так? Беспредел. Двое играют – а третий платит. И вообще, после игры никаких приставок не бывает.

Со мной находились Ибрагим Сусаев из Ачхой-Мартана, Салаудин Исмаилов и другие. Наше мнение быстро распространилось по зоне. В 1981 году, когда Беда не выплатил долг, я тоже был с ним в тюрьме, но только в другом корпусе, и знал о произошедшем. А о подробностях слышал уже в Науре от Данилбека Ошаева и других очевидцев. Я написал маляву на зону в Наур бывшим сокамерникам Беды и отправил ее с уходящим этапом, и через две недели (то есть через этап) получил ответы о фуфле, двинутом Бедой, и о том, как с помощью оперов он соскочил тогда с хаты. А среди эзков, по понятиям, фуфльжник – это то же самое, что неопущенный «петух», то есть нетрахнутый педераст, и считается непростительным позором.

Махно сам пришел ко мне и изложил свое видение ситуации. Я знал, что за всем стоит Хан, и отдал Хоже эти ответные малявы для развода – решения судьбы Махно.

Хан, само собой, переговорил с Бедой, укорив за сокрытый грех, и оттолкнул от себя: Беда должен был жить на стороне. Был назначен день разборки, проходивших в ПТУ, где собралось человек шестьдесят или больше. Мне было жаль Махно из-за явной несправедливости и махрового беспредела: он стоял в дверях, как зять, и ждал решения. Я хотел выступить жестко, но Хан перехватил слово и повел ситуацию так:

- Махно, ты ж в Москве крутился? Если ты лоха кидал, тебе это считалось? Сейчас тебя кинули, как лоха, и единственная вина Беды – что он не предупредил в зоне, что за ним есть фуфло. Беда эти деньги вернет,

как фуфлыжник, но ты их не получишь. Потому что ты лох. Ты овца, тебя как овцу и обстригли. А деньги пойдут на общак.

Таким образом ни в чем не повинному Махно Хан указал место, принизив того перед всеми. И это не просто одна из интриг, свойственных Хану, но и манера его мышления: голова Хожи полна подобными схемами.

...Иногда в какую-нибудь «бендегу» вдруг врвался дежурный офицер с войсковым нарядом, что в первый раз меня довольно обеспокоило, так как сидели мы в тот раз на подстилках из мебельных матрасов, покрытых гобеленом и расстеленных прямо на полу маленькой комнатки. А посередине на клеенке лежали куски вареной баранины, виноград, апельсины, другие фрукты и овощи, черная икра, сыр, конфеты, что-то еще из пищи, баллон в три литра с коньяком, другой - с шампанским (так легче было заносить в зону), пара-тройка этих напитков в бутылках, граммов 50 анаши в целлофановом пакете, уже забытые папиросы рядом и несколько шприцев, заправленных героином, и тройка флаконов из-под пенициллина с этим препаратом. То была встреча нас, пришедших на больничку из другой зоны, и, как понимаете, пользующихся достаточной известностью и авторитетом в «том мире».

Рядом со мной сидел молодой тогда еще «вор в законе», а вернее, «свояк» или «жулик», так как «вор в законе» - это термин уголовного розыска, - девятнадцатилетний Нугзар Торчинава – «Торчик», известный сейчас в Москве среди крадунов-барсеточников. И тут же был Игорь «Бакинский» - молодой, но уже тогда действительно известный и авторитетный «свояк», - было нас человек 8-10. Заскочил, как я уже говорил, наряд, и я инстинктивно стал ошеломленно мыслить, как и куда все это выкинуть или спрятать, ведь пахло прибавкой к сроку в года три, а самое простое – полгода ПКТ.

Но зашедшие «милиционеры» глянули на всю эту картину, спросили: «Что, встречу празднуете?», выпили по преподнесенной чарке коньяка, получили деньги от одного из нас и ушли, пожелав – «Всех благ и скорейшего освобождения!».

Такой была в то время зона «Алды», и многие из пришедших туда впервые отведали, именно там, страшно дефицитные тогда на свободе бразильский кофе, финские конфеты, черную икру, попробовали наркотики и многое из того, о чем на воле и не подозревали или знали понаслышке. Контингент шел разный, и нишу занимал соответствующую.

Здесь место сказать, что советская власть даже в застойный период всегда пыталась показать, особенно Западу, будто в СССР нет политзаключенных. Поэтому диссидентов и тех, кто занимался антисоветской деятельностью, старались подвести под уголовную статью, и легче всего это было сделать по статье 209 – «Тунеядство». Достаточно вспомнить нобелевского лауреата Иосифа Бродского. КГБ не давал преследуемым трудоустроиться, участковый писал рапорты - и заводилось дело, приводившее за решетку. Люди только успевали освобождаться – и сразу же уходили в лагерь опять.

Таким образом, далеко не все инакомыслящие, диссиденты, правозащитники были осуждены по политическим статьям (как 190 – «Заведомо ложные измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй», или пресловутая «Антисоветская агитация и пропаганда») и оказались в политических лагерях в Мордовии (Дубравлаг), Иркутской области (Тайшет) и т.д., или даже в печально известной Владимирской «крытой».

Рядом со мной, допустим, в Науре отбывал срок Михаил Амираджиби – бывший директор Мосфильма; было много сектантов – пятидесятников, баптистов и т.д.; за веру страдали и иудеи, христиане, мусульмане. А конкретно в Алдах в этот период двое - работали на больничке санитарями, и еще в зоне было человек шесть фактически политзаключенных. Многие эки прибегали к их помощи для писания кассационных жалоб, и все знали о подлинном роде деятельности, приведшем их за решетку: в лагерях эту информацию не утаить.

Не только осужденных поразило бы обилие деликатесов, имевшихся на «общаке» и предлагаемых на «встрече» вновь прибывшим в зону этапом, - из особенно авторитетных. – Ведь и многие из охраны слонялись по зоне с целью «на халяву», то есть дармовщину, слопать что-либо

вкусенькое, - то, что менты и так крали из передач заключенным. Выпить спиртного, а кто - был любитель накуриться анаши, и кое-кто даже «сидел на игле» - занося, торгуя и коля себе омнопон, морфин, промедол, другие опиаты. Этим занимались и некоторые из врачей, списывая наркотики при операциях осужденным. Так, больному делали инъекцию релланиума или подобного снотворного препарата, а по документам проводили морфин, используя его для собственного употребления.

Были среди охраны и офицеров администрации настоящие «глиномесы», те, которые, улучив момент или заступив на ночное дежурство, прибегали к сексуальным утехам с «опущенными», то есть пассивными гомосексуалистами, и прямо-таки болели этим. Назову хотя бы бывшего одноклассника Хана, С.М., который по иронии судьбы стал начальником его же отряда. Как-то в 1995 году мы летели со старшим братом С.М. из Нальчика в Москву и разговорились о Хане. Брат, также учившийся в 22-й школе с Хожей, вспомнил то время, когда бывал он в Лазании: «Теперь с Ханом и поговорить невозможно, так как он постоянно занят приемом генералов с Лубянки. Зайдешь в Лазанию, а там то Коржакова встретишь, то Сулова».

...Чего только не было в лагерях! Зона есть зона, закрытая от внешних глаз среда обитания со всей свойственной ей грязью, с гипертрофированными низменными инстинктами человечества. То же самое, в той или иной форме и степени, происходит и в современных «зонах» России. Ведь любой лагерь по существу является прототипом страны, в которой он расположен. Потому, когда бы ни вышла эта книга, если удастся ей увидеть свет, – ничего не изменится: сжатое пространство наиболее контрастно и извращенно отражает весь государственный социум в миниатюре. И каждая наша тюрьма должна рассматриваться, как макет России.

Глава 9. «Мовлид» в зонах.

Наша первая с Ханом встреча в зоне произошла в один из дней, кажется, февраля месяца 1984 года. Я вышел вечером из больничной палаты в темный коридор, где освещением была лишь полоса света, падающего из

душевой или из открывающихся иногда палат. В конце коридора, за освещенной полоской, возились двое, складывая мешки с передачами в углу, и тут я разглядел, что один из них - Хан. Окликнул - и, взаимно удивляясь, мы торопливо поздоровались.

В глазах его еще была растерянность и неуверенность только что прибывшего: это были его первые дни в зоне; родственники, подъехав, передали ночью продукты. Впоследствии он быстро освоился, что называется, - оклемался, так как встретил его и забрал в свою «семейку» Саид-Ахмед – отличный, умный мужественный парень, имеющий к тому времени высокий авторитет в зоне, и на удачу оказавшийся Хану родственником или односельчанином – из Гельдегена.

Позже, во время последнего ареста Хана в 1989 году, и до своей смерти от самопроизвольного выстрела из «ТТ», Саид-Ахмед был одним из самых авторитетных лидеров в так называемой «Чеченской ОПГ». «ТТ», имея большую убийную силу, остается крайне подлым оружием, так как скопирован с американского «кольта» армейского образца начала 20-го века с большим идиотизмом: ортопедическими неудобствами, такими, что при стрельбе зачастую затворная рама, при откате, отшибает изгиб большого пальца, но главное – отсутствие предохранителя. Лишь полувзводное положение «собачки» предохраняет от самопроизвольного выстрела, когда патрон находится в патроннике, и небольшой срыв ее с этой позиции приводит к выстрелу, что и произошло с Саид-Ахмедом, когда он нагнулся, зашнуровывая обувь.

В лагере, прогуливаясь иногда вечерами по небольшой тополиной аллее, что находилась между бараками, мы беседовали с Ханом на различные темы. Именно тогда я поделился с ним своими взглядами на подлость существующей тоталитарной системы, говорили о природных богатствах и прежде всего – нефти в нашей республике. О том, как Москва грабительски относится к ней, отбирая все средства, получаемые от нефтехимического и смежного производств, возвращая лишь копейки, так, что республика была на одном из самых последних мест в бывшем СССР по уровню жизни и количеству заболеваний туберкулезом, разного рода злокачественных образований - по причине ужасной экологической обстановки.

Бывало, уколовшись, мы залезали ночью небольшой группой на крышу рабочих цехов, говорили о лишениях и бедах, выпавших на долю нашего народа. Глядя на огни ночного города, мечтали о том времени, когда обретет он наконец свободу и благополучие. 23 февраля – день трагедии нашего народа, - день сталинской депортации чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Сибирь в 1944 году. Но многие в лагере глупо радовались выходному, устраиваемому администрацией по поводу Дня Советской Армии.

Как-то я в критичной форме обратил внимание Хана на это, и на следующий год он выделил деньги из общака на закупку мяса, чая, конфет для организации поминального «Мовлида», то есть ритуальное благотворительное угощение с чтением молитв осужденными, а это, как правило, были люди преклонного возраста, у которых слезы на глазах выступали от воспоминаний тех трагических лет - и умиление от внимания молодежи. В те годы в СССР не только преследовалось любое открытое вероисповедание и совершение религиозных ритуалов, но и влекло за собой как минимум увольнение с работы. Так, наш отец с председателем Совета министров ЧИАССР Муслимом Гайербековым, оба верующие мусульмане, совершали намаз или у нас, или у него дома, заперев наглухо ставни, чтобы из противоположных окон никто не мог подглядеть.

В то время организация и проведение дня поминовения были очень мужественным, из ряда вон выходящим поступком, как так КГБ подобные действия рассматривал как антисоветские, и лагерная администрация прилично испугалась потерять свою работу. Но большинство ментов были люди коренной национальности, и открыто воспрепятствовать проводимому мероприятию оказалось бы слишком кощунственным и повлекло бы осуждение, а то и позор, не только в лагере, но и на воле, даже со стороны родных и близких.

По приходу в лагерь, Хан был довольно далек от понятий, существующих в среде осужденных, но при объяснении быстро вник и сразу уловил, как и какую выгоду можно извлечь из всего для себя лично. Умело сея интриги, создав вокруг себя крепкое окружение, подобрал, даже подмял некоторые другие авторитеты и стал первой величиной в зоне, - «смотрящим» за ней. Были обложены «данью», строгой и

фиксированной, зоновские барыги, поступали деньги с азартных игр и с комнат свиданий по возможности, от родственников осужденных, хотя бы по червонцу, что позволило уже через пару-тройку месяцев собрать в общак порядка 28 000 рублей. В то время это были деньги немалые, на которые можно купить 4-5 машин «Жигули».

Такая «республика» просуществовала где-то год-полтора. Администрация довольно прилично поправила свое материальное состояние за счет финансовых поступлений от заключенных, и ее интересовало лишь одно – чтобы в «зоне» не было чрезвычайных происшествий (убийств и т.п.), о чем и просили постоянно. Но эта проблема даже не возникала, так как Хан и его окружающие зорко приглядывали за положением в зоне.

(Дополнение 2008: Кое-кому невыгодно принять теперь эту правду, а кто-то может и ерничать с недоверием на эту тему, мол, такого не может быть в лагерях. Потому мне приходится называть здесь очевидцев, к примеру, таких, как Таха - брат героически погибшего вице-президента ЧРИ Вахи Арсанова. Таха Арсанов достойно и мужественно прошел свой срок и освободился с известным авторитетом. Таха, ты ведь помнишь то время и не дашь соврать?.. Ты же понимаешь, почему тебя и Рамзана Ч. я не называю в некоторых местах, дабы негодяи не попытались это интерпретировать по-своему? А знаешь, кем работает сейчас Хожин «семьянин» Имран Вагапов из Шалажи? Заместителем наместника Путина в Южном Федеральном Округе в должности федерального инспектора!).

Бунт – как провокация Хана и ФСБ.

Среди самой администрации усилились противоречия, интриги, прямая вражда в борьбе за более денежные посты, за место у «кормушки», и МВД республики, даже МВД СССР с другими инстанциями буквально завалили анонимными жалобами с обличением друг друга во взятках и поборках. - Та же схема зеркально, до смешного отражалась в Кремле: любой ценой и через доносы – интриги, коррупция. И для этого есть подтверждение: Ваха Сусуркаев – бывший оперативный

уполномоченный ИТК-36/1 пос. Алды. Или, там же, начальник режимной части – Межидов.

Сначала из Северной Осетии, по рекомендации КГБ, был переведен на должность оперативного уполномоченного майор МВД Воробьев. И как-то, в один из дней 1996 года, в зоне вдруг спровоцировали погром 7 отряда, где находились так называемые опущенные (то есть пассивные гомосексуалисты и т.п.). Одним из «provokatorov» был «Кот» - Данилбек Ошаев, но, по его словам (мне, Демильханову Магомеду, Руслану Шахбиеву, Усману Адаханову и другим, кто с ним близко общался в Науре), он учинил все это под скрытым руководством Хана.

Именно с целью подготовки и проведения этой операции и уединялись для бесед с Ханом сотрудники Главного Управления КГБ СССР в зоне 36/1 ОИТУ МВД ЧИАССР.

Всё это и потом мы вспоминали и обсуждали с «Котом» в Москве на Смоленской площади в гостиничном комплексе «Белград», за которым он был «смотрящим».

Погром послужил причиной для ввода войск МВД на БТРах, для массового избиения заключенных, этапирования неугодных в другие колонии, замены некоторых сотрудников администрации, а главное, как это всегда было в СССР и России после бунтов – к ответственности по статье 77 УК РСФСР «За дезорганизацию и массовые беспорядки», предусматривающей наказание вплоть до расстрела. Привлекли совершенно непричастных, - но тех, кого, по разумению спецслужб, не стоило отпускать на волю, а кое за кем подозревали еще нераскрытые и недоказанные преступления.

«Кота» отправили обратно в Наур, откуда он быстро вышел на свободу по УДО (условно-досрочное освобождение), несмотря на множество нарушений, имеющих в его личном деле, и невзирая на то, что за них его этапировали ранее на «ломку» (то есть избиение, унижение достоинства) в Соликамскую «Белую Лебедь» - тюрьму, которую вспоминают недобро и с ужасом, а режим и «ломка» в которой были созданы и разработаны КГБ якобы в целях борьбы с преступностью.

Между тем, лет из восьми, определенных Коту судом, примерно шесть он практически безвылазно отсидел в ПКТ и ШИЗО «за нарушения режима содержания», и по всем существующим нормам и законам никак не мог быть выпущен на УДО. Но после приезда к нему на свидание неких людей из Москвы оказалось, что личное дело Кота в спецчасти, находящейся за зоной, полностью вычищено, и не осталось ни единого постановления, даже выговора за нарушение режима, а в дело, по его собственным словам, были засунуты сплошь поощрения и благодарности.

Вся зона была шокирована, когда выпустили Кота на свободу. Кто-то, как всегда это бывает, написал клязу, и возбудили дело уже по этому факту. Приезжала комиссия, пролиставла дело и увидела корешки от выдернутых постановлений о нарушениях, на место которых внаглую и были наклеены поощрения (так как бесследно вырвать страницы из прошитой суровыми нитками папки «личного дела осужденного», к тому же опечатанного сургучными печатями на этих нитках, невозможно).

По выводам комиссии, Кота сначала арестовали в Москве за незаконное освобождение, и уже должны были этапировать в Грозный. Но тут вмешалась третья сила, Кот вышел, а начальник спецчасти ИТК, майор-кореец, ... был уволен с работы.

...Итак, и к Коту в лагерь стали наведываться из Москвы сотрудники спецслужб, вызывая его на личные свидания, в то время как все знали, что родители с сестрой могли навещать его очень редко, а больше никто не приезжал. Ведь в зоне кричат по селектору: «Осужденный такой-то, срочно явиться на вахту для прохождения в комнату свиданий!», и туда идет сразу партия вызванных заключенных, и все они видят, кто именно с кем разговаривает. Скрыть ничего не возможно.

По освобождении Кот перебрался в Москву, где объявился под именем Резван-«Борода», назвавшись «вором в законе». Тогда и был он поставлен Ханом «смотреть» за вторым корпусом гостиницы «Белград», и при необходимости - так это для придания правильности вида, тактичности - привлекался для участия в «разборках», то есть разрешения спорных вопросов, хотя результат был всегда предрешен заранее, и это знала «оппонирующая» Хану сторона, - но куда ей было деваться.

Бунт начался с драки; ночью в 7 отряд, где забаррикадировались опущенные, полетели бутылки с растворителем – зажигательной смесью, корпус загорелся, и спецназ полка МВД, и так находившегося на «12-м Тресте» города Грозного и проводившего операции такого плана в республиках Дагестана и Северной Осетии, выдвинулся, оцепив кольцом, на бронетехнике, колонию Алды. Снайпера заняли позиции на всех смотровых вышках и высотах вокруг зоны, а БТРы под прикрытием спецназа, одетого в бронежилеты, экипированные щитами, дубинками, шлемами с забралами, вошли в зону, загнав заключенных на плац, и направили крупнокалиберные пулеметы на ээков. Для устрашения толпы была задействована пожарная установка с двигателем реактивного самолета, подававшая под большим давлением мощную струю горячего, пахнувшего керосином воздуха, буквально валившего с ног заключенных.

Зоновские опера по заранее подготовленным спискам отделили в сторону «отрицалово» - не сотрудничавших с администрацией ээков. Был пущен газ «черемуха», и затем началось избивание спецназом ничего не видевших ээков.

После успешно проведенного и подготовленного Ханом бунта, Нухаева, среди прочего «отрицалова», вывезли из Алдов, переправляя в разные зоны России. Но именно с отъездом Хана исчезли деньги, что хранились на общаке, - Хан был «старшим» зоны, а на общаке в тот период значилось около 30 000 рублей.

Здесь нужно сразу же вспомнить, как именно это случилось.

Глава 10. Восхождение, а по сути - падение Хана.

В момент нашего с Ханом пребывания в зоне поселка Алды, зона представляла собой довольно разобщенное общество ээков, делившееся на так называемые районы, - что в принципе копировало систему единения чеченцев и на воле, - по тэйпам и по родовым селам. Даже если

зэк был городским, он должен был обсуждать и решать все вопросы с сообществом, которое принадлежало району, откуда родом его предки.

Шалинский район, откуда происходил Хан, по численности - один из самых больших; Урус- и Ачхой-Мартановский, к которому принадлежу я, были объединены в одно сообщество, и это тоже районы очень большие. А некоторые другие, такие, как Ножай-Юртовский, - маленькие, и их влияние в зоне было меньше. Огромное значение имело, какие люди в этих районах: если это авторитеты, то из уважения к ним соответственно относились и к выходцам из их районов.

Во главе каждого районного сообщества стоял так называемый «старший района», это прототип российских «смотрящих». В руках старших района находился общак, представлявший собой обычно довольно крупную сумму денег, которой старший мог оперировать практически по своему усмотрению. Также у старшего хранились наркотики, которые нужны были для встречи прибывших с этапа, для «подогрева» попавших в ПКТ и ШИЗО, или для вывозимых на «крытую» и в дальние зоны. Вот и курил старший (например, Али, старший Бухъан-Юрта, или поселка Алды; Руслан Суракатов, старший Ачхой- и Урус-Мартановского объединенных районов; Камалдин Бакаев, старший Шатоевского района, и другие) - до одурения.

Когда Хан пришел в зону, старшим его Шалинского района был Якуб – мужественный, рассудительный и уважаемый парень. Пожалуй, едва ли не он один из «старших» не курил наркотики. Хан сначала «сбил блок» из сельских чистых и крепких ребят, которые ему верили. Все-таки Хожа для них был интеллектual, ученый почти с высшим образованием, тем более учащийся в МГУ. Его слушали открыв рты, и по его приказу были готовы в огонь и в воду. Так, Пахрутдин из Чечен-Аула, главная «торпеда» Хана, до того вошел в раж, доказывая свою любовь и преданность Хоже, что схватил по очереди со стола две бутылки с водкой и разбил их о свою голову. Его остановили, так как уже текла кровь.

Плетя интриги, Хан морально подчинил себе практически всех «старших» районов, которые стали давать ему «добро» и предпочтение, отказываясь от своих «портфелей» в его пользу. Они согласились с доводами Хана и его блока, что для единства в зоне должен быть один

«старший», и подразумевался именно он. А несогласных, как Камалдин Бакаев, избили, найдя надуманную зацепку, «по понятиям».

Оставалась одна помеха, и именно из того района, откуда был Хожа, – Якуб. Он высказал Хану негодование и вызвал на разборку, фактически на поножовщину один на один, за здание зоновского ПТУ. Что сделал Хан, зная, что тот не спасует?.. Он просто технично сдал Якуба заму по РОРу (режимно-оперативной работе), «старшему куму». И Якуба посадили в ШИЗО.

Так Хан избежал столкновения и своим красноречием обелил этот поступок в глазах других эзков, что, мол, это сделано ради «положения» в зоне. В любом другом лагере он автоматически бы числился «гадом», то есть стукачом, сдавшим ментам нормального эзка. Не имел бы ни веса, ни авторитета, - никто не подал бы ему руку и не сел есть за один стол.

Это было как раз перед организованным Ханом по заданию КГБ бунтом, точнее даже – рядовым лагерным волнением, о котором речь впереди, и который дал Хану возможность похитить «общак». Такие волнения лагерная администрация обычно легко умирляет ротой внутренних войск, прикрепленной к данной зоне, а информацию о масштабах беспорядков принижает во много раз и старается сохранить в тайне, не сообщая даже в региональные МВД, так как в противном случае руководство лишается своих должностей. Начальника колонии убирают, узнав о бунте, однозначно (как произошло и с Наурбиевым в Алдах).

Если бы Лубянка не провела предварительную работу совместно с Ханом, не внедрила своего резидента подполковника Воробьева, ставшего впоследствии начальником колонии, и не имела прямую информацию обо всем происходящем при бунте в Алдах, то завели бы в зону спецназовский взвод ВВ, разогнали дубинками и «черемухой» принимавших участие в беспорядках немногочисленных эзков, позакрывали в ШИЗО, и тем бы все кончилось. Но цель была другая: снять администрацию, поставить своего человека, написать рапорт об успешно проведенной операции, а сотрудников КГБ и их агентов отметить в «личных делах» поощрениями (как случилось и с Ханом, – дав основание для его досрочного освобождения, но уже по приходу в другой лагерь; об этом не может не помнить Хизир Межидов, пошедший

на повышение и получивший должность заместителя по режимно-оперативной работе ИТК 36/1).

С человеческой жизнью в таком случае не считались. Об этом речь впереди.

Нухаев и становление Чеченской ОПГ.

Уже в скором времени Хан снова оказался в Москве, хотя должен был сидеть по закону до 1990 года. Советские газеты запестрели статьями типа «Кровавые деньги», где рассказывалось о лидерах чеченской мафии, о ее дерзости, и о Хане – как ее непосредственном руководителе и мозговым центре. Ведь недаром же МУР дал ему кличку «Гитлер».

Каждый чеченец с детства восхищается героями своего народа: шейхом Мансуром, Байсангуром Беноевским, абреком Зелимханом Харачоевским, Хасу Магомадовым и другими, боровшимися за свободу Чечни. Каждый из наших героев видел страну независимой. Весь мир знает, что чеченцы – единственный народ, на протяжении трехсот лет воюющий против колонизации. И давно наша страна была бы цветущей и независимой, если б не тайные или явные агенты оккупантов, в угоду своих личных корыстных целей служащие врагу. Предатели великого народа наделены его качествами: беспримерным мужеством, стратегическим мышлением, гипнотической харизмой. Поэтому ни в коем случае нельзя недооценивать роль так называемых чеченских авторитетов, состоящих на службе у ФСБ и Кремля, превосходя умом и отчаянной смелостью своих же поделльников.

Откровенные предатели мелки и видны (как Кадыров и прочие), но скрытые – много опасней. Во все времена такие, как Баудин Арсанов (сын шейха Дени), получивший именной пистолет «ТТ» от Берии за высылку своего народа Сталиным в Казахстан, Сибирь и Киргизию; как Нухаев и им подобные, на самом деле и вершат чеченскую историю по своему усмотрению, думая лишь о деньгах и о власти. Вот почему так важно об этом сказать.

...Хан оказался в столице с куда уже большим влиянием и возглавил так называемую «Чеченскую ОПГ», самое кровавое, дерзкое и беспощадное отделение которой – Лазаниевское - на самом деле представляли он и Руслан Атлангериев, - а остальные привлекались по необходимости.

Чеченская ОПГ отличалась от других преступных группировок прежде всего диапазоном распространения интересов, зависевших от экономической выгоды. В советское время первый, самый крупный рынок по продаже автомобилей в Москве находился в Южном Порту, и там проходило оформление машин в частное владение.

Так как дефицит всегда характеризовал социалистическую экономику СССР, машин было не достать и они стоили дорого, - то на этой основе строились криминальные схемы. К примеру, автомобиль «Жигули» стоил в середине – конце 70-х пять-шесть тысяч рублей, а реальная стоимость доходила до пятнадцати тысяч. Но в то же время в стране существовала статья 156 – «Спекуляция», преследовавшая всякую предпринимательскую деятельность и предусматривавшая срок лишения свободы до семи лет. Официально приобрести по госцене машины мог ограниченный контингент граждан – шахтеры, передовики производства, академики, лауреаты Государственных премий. А чтобы рядовому «совку» дожидаться получения машины по очереди, нужно было прожить две жизни.

Каждый лелеял мечту – дожидаться машины. А те, кто ее имел, никогда б не продали по госцене, и хотели подзаработать, то есть шли на спекуляцию, куда загоняла их алчность. Таким образом социально-экономические условия советского государства толкали на преступление большинство населения, и одни преступники вынужденно наказывали других. Через знакомых продавцы автомашин искали покупателей в Южном Порту - и тут строилась криминальная схема.

Взять в свои руки этот бизнес сначала попытались представители армянского, грузинского, московского криминалитета, но поскольку чеченская организованность всегда была решительней, бесстрашней и выше, то Чеченская ОПГ и захватила не только этот бизнес, но и весь Южный Порт со всеми ее сотрудниками, охранявшими милиционерами и

т.д., начиная от простых автомехаников – до оценщиков в комиссионных магазинах и директоров.

(В то же время, как таковой «Чеченской ОПГ» никогда и не существовало: есть чеченский менталитет, согласно которому каждый чеченец, узнав, что другой попал в беду или нуждается в помощи, приходит на выручку. А более хитрый (как Хоза Сулейманов, Нухаев, Атлангериев) используют эти качества в своих интересах, ввязываясь в конфликт и втягивая в разборки своих земляков).

При покупке-продаже машины «по-черному» обоим участникам сделки было выгодно сбить стоимость товара для оценщика. Для того, чтобы он проставил в документах сумму ниже реальной, покупатель отстегивал ему проценты, то есть задолго до начала оформления начинала работать налаженная схема, и все ее многочисленные участники – охранявшая Южный Порт милиция, кассиры, и т.д. – были в курсе деталей предстоящей аферы и радовались в предвкушении своей доли.

Продавец автомашины обычно приезжал на рынок в сопровождении жены или друга, ожидавших в салоне машины окончания сделки, и в тот момент, когда продавец и покупатель договаривались о цене, обоих устраивавшей, били по рукам, а жена или друг уже получали условленную сумму «для страховки», и оставалось только оформить «счет-справку» в магазине, подтверждающую приобретение машины для ГАИ и переход в личную собственность, - вот в этот момент напарник «покупателя», получивший «маяк» (условный сигнал), выхватывал сумочку с деньгами и исчезал («бежать» было не обязательно, так как милиция была куплена и прикрывала сделку, а пострадавший никогда бы не заявил об участии в спекуляции).

Цель «покупателя» заключалась в подгонке условий для спокойного отъема денег. В этих операциях отличились многие дельцы, впоследствии ставшие известными лидерами Чеченской ОПГ, такие, как Хан с Русланом Атлангериевым, Хоза («Воробей») Сулейманов, Леча («Лысый») Актулаев, Абу-Муслим («Малыш»), Руслан Кантаев, Кюри Гунашев, Мустафа «Шалажинский», - а также представители правительства ЧИАССР, кое-кто из которых впоследствии, при Дудаеве, занял высокие посты. К ним относятся:

- Хусейн Мараев, возглавлявший Комитет Организации Управления Народным Хозяйством (первый Совмин при Дудаеве, - организация, проведшая самые крупные хищения нефти в республике);

- «Ричард» - Рамзан Наврузов, спекулянт автомашинами еще с советских времен, занимавший при Дудаеве пост в Госдепартаменте Безопасности, а затем подлезший и к Путину;

- также друг Хана, - Алаудин Мусаев, сотрудник милиции, занимавший в МВД ЧИАССР пост по борьбе с наркоманией и не слезавший с экранов телевизора, раскручивавшего его имидж, и при Дудаеве занявший пост замминистра МВД, а затем ставший замуправляющего Нацбанка Чеченской республики. Он также «отвернул» за границу приличные суммы денег, открыл на подставных лиц банки в Москве и т.д., а летом 1994 года, перед войной, «соскочил» в Москву и купил квартиру на Кутузовском проспекте почти что за миллион долларов США.

Спокойно просидев всю Первую чеченскую войну в Москве, Мусаев вернулся осенью 1996 года и, при формировании первого правительства Масхадова, попытался выхватить очередной «портфель». На вопросы комиссии, возглавляемой Шамилем Басаевым и другими полевыми командирами, Мусаев отвечал, будто выехал в Москву по заданию Дудаева для разведдеятельности против России и «был бойцом невидимого фронта», что звучало для них полной чушью. Басаев, зная, что Мусаева для охраны встречали в аэропорту родственники с автоматами, так как к нему были вопросы по поводу пропавших из Нацбанка денег и прочих махинаций, сказал Мусаеву, что место его – за решеткой, и, мол, чтобы быстрее убирался, пока на него не возбудили уголовное дело.

Мусаев был также замешан в наркотраффике, поскольку сам занимал пост по борьбе с наркоманией и «пресекал» эту деятельность;

- Мамед Муталибов, бывший начальник Отдела по борьбе с оборотом наркотиков в Ленинском РОВД города Грозного, первый взяточник и весьма интересная личность. На него работала половина грозненских наркоманов и наркодиллеров, продававших также и его наркотики. Когда

в Грозный приезжала известная наркобарыга Илона, в советское время снабжавшая все Черноморское побережье Кавказа наркотиками, скупавшая краденые бриллианты, золото, антикварные ценные вещи, - то ее в аэропорту встречал Мамед и возил к другим крупным барыгам ЧИАССР, таким, как Батыр Дахкильгов, Амирхан Ш., Шабазгирей, а также к барыгам Назрани.

Там Илона выбирала для закупки морфин-сырец и другие наркотики, пряча их в целлофановом пакете в тогда модную высокую прическу, куда женщины для крепости и лучшей сохранности сложного строения часто вставляли поллитровые и даже литровые стеклянные банки, - и под охраной Мамеда возвращалась к себе в Сухуми, Поти, Батуми. А Мамед имел свою долю.

В МВД он был на хорошем счету потому, что, по существовавшей в то время системе процентности раскрытия преступлений, являлся одним из первых, и потому, что его сестра была замужем за заместителем министра внутренних дел Даудовым. Сажая случайных наркоманов, едва ли не впервые решившихся покурить анашу, Муталибов, с помощью подставлявших их агентов, повышал отчетность. Если же кто-то из наркоманов был из состоятельной семьи или сам имел деньги, то за таким Мамед мог следить целыми сутками: захватывал, и получал свою взятку. В этом он также превзошел всех коллег. А отобранные наркотики он пускал в продажу, реализовывая через барыг, работавших на него.

Так осуществлялся «круговорот наркотиков в природе»: изымая у одних барыг и беря взятки, Мамед отдавал наркоту для продажи другим барыгам, около которых ставил свои засады и захватывал приобретших дозу простых потребителей, реквизируя наркотики вновь - и опять беря взятки. Сам он не пил, не курил; единственной его любовью и целью были деньги – и машины. Купив сначала одни-другие «Жигули», он приобрел ГАЗ-24, затем ГАЗ-24-10: как только выходила новая отечественная модель, он ее брал, а в то время это пристально отслеживал ОБХСС. Обычно машины покупались по доверенности на других лиц, но Мамед увязывал это со своими коллегами.

Когда Брежнев еще был у власти, но КГБ с Андроповым во главе занимал все более главенствующие позиции, оттесняя Щелокова с его МВД, и

фактически началась война за власть между КГБ и МВД и перекинулась на регионы, - тогда сотрудниками КГБ ЧИАССР была проведена следующая операция. Один ювелир, Алиев, состоявший в близких дружеских отношениях с начальствующим составом Ленинского РОВД и другими сотрудниками милиции ЧИАССР, построил с ними такую схему. Договариваясь к кем-то (например, стоматологами) о покупке золота, он, как ювелир, подставлял их, «сдавая» ментам, которые конфисковывали золото и брали крупные взятки. Так случилось и со стоматологом из 4-й больницы Заводского района Грозного, хорошим человеком по имени Константин, получившим срок и отправленным в лагерь Алды.

КГБ узнал об этих операциях – и провел свою встречную акцию, захватив человек шесть сотрудников МВД, в том числе подполковника Аристова, «пустив» его как главаря. А когда на них собирали характеристики и другие следственные материалы, то Муталибов выступил, оказав солидарность и не дав показаний против своих сослуживцев. А так как он числился чуть ли не первым взяточником, и КГБ имел об этом всю информацию, то отказ от дачи свидетельств послужил поводом для его увольнения из органов МВД.

Мамед унывал не долго. Он нашел свою стезю в криминальных «кидняках» машин в Южном Порту в Москве, - куда и перебрался. Там он также преуспевал, сколотив со своим школьным другом Абдулом Эрзанукаевым, который стал лидером группировки, бригаду по кидняку автомашин. Абдул, прежде осужденный по малолетству за удар ножом с целью грабежа в парке Кирова города Грозного, затем участвовал вместе со ставшим ментом Мамедом в оперативных рейдах по поимке наркоманов. Они часто ездили на Абдуловской машине, с ними в команде был хоть и не мент, но школьный друг – наркоман, специализировавшийся на рулетке по распространению билетов ДОСААФ с целью мошенничества, - Коля Балбошин по кличке «Ж...а». Он также крутил руки наркоманам, которых Мамед арестовывал. А полученные деньги делили между собой.

К тому же Абдул с выгодой женился на следовательше Ленинского РОВД, значительно старше его. Сложилась домашняя «мафия». Одни давали наколки, другие выслеживали и ловили, а третьи сами вели уголовные дела - и их закрывали за взятки.

А с «открытием» Южного Порта бригада перенесла свою деятельность в Москву, где преуспела, и с началом кооперации стала загонять новоиспеченных бизнесменов под свою «крышу», обкладывая их данью. Как результат, Мамед строит огромный дом, а у Абдула появится едва ли не самый большой дом в городе Грозном по улице Жуковского, в поселке Калинина. В этом доме впоследствии будет располагаться штаб Басаева, с которым они были в близких отношениях, и там остановится после Первой войны приехавший выступить и ведший переговоры о нефти с Шамилем Басаевым Иосиф Кобзон. От Басаева он получит в подарок именную пистолет иностранного производства. Певец пошутит и примет подарок с такими словами: «Вот Куликов (тогда министр внутренних дел России, - *В.М.*) говорит, что Басаев вооружает террористов, я приеду в Москву, зарегистрирую официально пистолет и ему покажу со словами, – я тоже стал теперь террористом?».

Скопив капитал, Мамед заключил фиктивный брак с немкой и выехал за границу. Перебравшись в Испанию, купил огромный особняк, куда и перевез свою настоящую чеченскую семью, и организовал бизнес, открыв выгодную страусиную ферму, продавая (чужими руками) мясо и яйца, а из кожи делая обувь и сумки. Оставшиеся в России перегоняли на его счета заработанную валюту, которую он там прокручивал.

Жена Мамеда – Ася Сулейманова, - которую, по его словам, он безумно и преданно любил, - к несчастью, разбилась и погибла в автокатастрофе. Но Мамед не долго горевал, и забыть утрату ему помогла родная племянница собственной жены – сестра ее старшего брата, что среди чеченцев считается позором и чуть ли не кровосмешением.

Родители новой жены были в панике, обнаружив пропажу дочери, ее отец метал громы и молнии, клянясь отомстить похитителю, но потом замял дело – прежде всего потому, что семья существует за счет Муталибова и зависит от его капитала. А Мамед, в оправдание кощунственного поступка, сказал: «Понимаете, я так любил Асю, и она так обставила наше гнездышко на свой вкус, вложив всю свою душу, что если б другая женщина пришла в дом – это было б предательством по отношению к Асе. И поэтому я выбрал племянницу, которая отнеслась бы ко всему созданному тетей с любовью и бережливо!».

Так как Мамед – дагестанец, он попытался объяснить действия и с той стороны, что у дагестанцев не возбраняется брать в жены довольно близких родственниц, даже двоюродных сестер.

После окончания Первой чеченской войны и выборов Президента, Мамед попытался подлезть к Басаеву, заказав за границей рекламные проспекты с изображением Шамиля Басаева, видео-ролики и т.д. Но выборы в президенты Масхадова не дали осуществиться планам М. Муталибова.

(Дополнение 2008: Ныне Мамед, сделав хороший «подъездной» подарок Рамзану Кадырову, научившись совершать намаз и даже выучив арабский алфавит, что позволило ему «читать» Коран, получил от Рамзана «добро» на пост муфтия Чеченской Республики. – Таковы наши «праведники». Польшевшие и убеленные сединами, они чинно, как подобает умудренным опытом и набожным старцам, достойно прожившим жизнь, наставляют молодежь и в одночасье «превращаются» в символ той моральной чистоты, о которой сами никогда не имели понятия).

...Дела таких «офицеров» и «солдат» Хана и Таса, как «Макс», Юра, Адлан, Виктор, Гасан, позже «Маратка» и других, наводили ужас на все иные ОПГ по Москве, да и стреляли они спокойно, даже в центре Москвы имея в карманах удостоверения сотрудников спецслужб. Так «Макс» Максим Лазовский – майор ФСБ, Марат – старший лейтенант, Адлан – капитан...

Известный тогда вор в законе В., считавшийся смотрящим за Москвой и впоследствии похороненный на Ваганьковском кладбище, проводил с Ханом некоторые работы криминального плана. Он неоднократно предлагал Хану стать ему «братом», то есть вором в законе, и говорил, что знает его с «правильной воровской стороны». На что Хан неизменно отвечал, что всегда готов оказывать поддержку и уважение, но он - чеченец, национальные законы и обычаи для него – превыше всего, а у чеченцев самыми важными являются кровно-родственные отношения, что не сходится с воровскими понятиями.

О Руслане Атлангериеве

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru:80/myweb2/material4.html> я слышал с разных сторон, - в том числе немало положительного и в зоне поселка Чернокозово, где он отбывал наказание до моего этапирования туда. Лично мы с ним не знакомы. Они с Ханом были в очень близких, дружеских отношениях, и каждый заботился и помогал другому в зоне, так как до последнего ареста каждый находился в заключении, когда другой оставался на свободе. Вслед за последним арестом их пути разошлись, а для Хана работа среди преступного мира стала уже не так привлекательна, и он ринулся к власти – в политику с большими «нефтяными» деньгами.

Тогда же, выйдя на свободу в 1986 или 1987 году, Хану с Русланом удалось развернуть такую бурную деятельность в Москве, что практически все более или менее денежные места были обложены данью. Платили все – от коммерческих палаток, магазинов, авторынка в «Южном порту», ресторана «На Разгуляе», все гостиницы, кроме, пожалуй, «России», так как там в основном селились депутаты Верховного Совета СССР. Даже знаменитый парк Горького оказался «под крышей». Всего-то нужно было зайти с «дипломатом» к директору, вынуть оттуда и тут же собрать автомат АКСУ («специально укороченный Калашникова»), - то есть сделать «предложение», от которого директор никак не мог отказаться. С этого момента парк Горького аккуратнo отчислял очень крупные деньги.

Первый валютный ресторан на Пятницкой, «Лазания», был создан с целью отмыва валюты, для встреч с высокими чинами КГБ и правительства, для переговоров с лидерами других ОПГ. Хозяином был посажен Аракелов, ныне также покойный - так как многое происходило на его глазах, во многое был посвящен и знал, по всей видимости, немало опасного. У него находился «общак» с чеченскими деньгами.

Именно в «Лазанию» приезжали иногда генералы КГБ Суслов, Хохольков, Коржаков, Барсуков и другие обсудить направление деятельности, на какую компанию или коммерсанта необходимо оказать давление, а по необходимости предупреждали об опасности со стороны того или иного сотрудника МУРа о готовящемся «заказе» или даже «маленькой войне» со стороны других ОПГ, как, к примеру, со стороны

Отари Квантаришвили после смерти его брата, или о разборке с Шакро, когда он позволил себе необдуманно обронить что-то негативное и задел интересы Хана.

Глава 11. Свобода.

Когда я практически отсидел уже весь срок по назначенной мне судом по статье 108-й «десятилетке», с учетом скинутого горбачевской амнистией совсем крохотного отрезка, - меня неожиданно забрали на этап, и в столыпинском вагоне, уговорив конвой, я узнал о конечном пункте этапирования – в Хасав-Юртовскую тюрьму.

Я знал, что все это время отец бился за мое освобождение, и журналисты «Советской России» провели расследование, которое и помогло опровергнуть обвинительный приговор. Вышла большая статья о моем незаконном осуждении, а на дворе уже стояли горбачевская перестройка и гласность, что способствовало опротестованию Генеральной Прокуратурой моего приговора и возврату дела на новое расследование – с дальнейшей отменой приговора.

Ну а пока меня просто этапировали в Хасав-Юртовскую тюрьму, и ничего этого еще не было. Пошел третий месяц долгих и нудных дней пребывания в неизвестности. Из-за летней жары, обычной для Хасав-Юрта, духота в камере была невыносимой.

Раньше, в 1983 году, на одно спальное место приходилось по двое, а то и больше заключенных, и в духоте невыносимой, из-за нехватки кислорода спичка моментально гасла, - все дышали, как рыбы на суше. Мне тогда часто вспоминались кадры из известного фильма «Броненосец Потемкин», где показывали кочегаров в машинном отделении корабля, грязных от угольной пыли и мокрых от пота. Мы были в подобном положении, с той разницей, что кочегары после смены уходили на отдых в каюты, а наша «смена» была нескончаемой. Тогда-то и умер тот молодой парень, сердце которого не выдержало, - и его смерть послужила критической точкой для стихийного бунта...

Сейчас же в отреставрированной, свежевыкрашенной тюрьме хоть и было народу не меньше, чем при бунте, но мест из-за пристройки прибавилось. И валяться на шконке можно спокойно целыми днями, дыша испарениями свежей побелки и масляной краски.

Меня этапировали из Чернокозово - зоны, которая чем-то хуже других, чем-то во многом лучше. Андропова не стало, к власти пришел Горбачев, и веяния перестройки докатились до ГУЛАГа. Родные говорили, что в газетах вышли статьи о моем незаконном осуждении, о фальсификации дела органами КГБ, и вывоз мой из лагеря осуществлен по этой причине. Но я старался мысли о свободе и все надежды гнать прочь. Заканчивались мои десять лет усиленного режима: я отсидел почти до звонка. Оставался год с копейками, и я хорошо знал, что в зоне хуже нет, чем расслабиться или настроиться, даже подумать о близкой свободе. На моих глазах те, кто тешил себя подобным образом, - мол, «Мы с судьей перетерли: год, от силы полтора «подболтают», - а, возвращаясь из суда с 8 -10 - 12-ю годами, падали духом, опускались, а у кого и «крыша» напрочь съезжала.

Нет, в тюрьме нельзя расслабиться и настраиваться на скорейшую свободу. В зоне, конечно, относительно вольней, чем в тюрьме: там хоть можешь выбирать, с кем общаться, можно сходить в другой отряд, с кем-то поговорить. Да и «валом других движений», - забот, которые ээки сами сочиняют себе в зоне, как правило, связанных с «дорогами» на волю. Это алкоголь, наркотики, продукты питания - «хавчик» и прочее. Всё, чем можно убить пустое, тягучее время. Бесмысленное и тупое, которого в неволе страшно много. В камере же оно еще нуднее.

И я лениво почитывал «Мастера и Маргариту» Булгакова, до моего ареста бывшую запрещенной в СССР, порой с неохотой отвечая «первоходчикам» на их дурацкие вопросы типа «Сколько мне дадут?» или «А киллер - в авторитете?». – Отвечая: «Насчет срока – у прокурора спроси», «Киллер – непуть. Человека за деньги или еще за что-то убивать нельзя. Убивают – защищаясь, или за честь и достоинство».

Мне все надоело, и я написал прокурору, чтобы отправили в лагерь добить остаток: «Больше все равно не дадут: и так, как знаете, сижу по политическим мотивам. Приговорен я к лишению свободы – но не

последнего здоровья». Написал – хоть разозлить. А терять мне и так нечего. Написал, явно куражась, что «не перестраиваются и не идут в ногу с КПСС - вслед за Горбачевым».

Как-то, уже после обеда, вывели к следователю. Я шел по длинному коридору злой, в голове подбирая, что бы такое поязвительней высказать прокурору. Завели в следственную комнату, а там – невысокий, чернявый такой копается в бумагах моего толстущего дела. Я было что-то начал – а он руку протягивает. «Гагарин», – говорит.

Не понял я – и руку не подал. Зэку запахло ведь руку менту подавать. Он же стал объяснять, что Гагарин – это его имя, и назвали, так как родился он 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин в космос полетел. Надо же, и назвали его не Юрий, а сразу Гагарин.

Вот и говорит мне Гагарин: «Я пришел Вас освободить. Извините за проволочку».

Признаюсь – все равно опешил, и потерялся как-то. Во рту пересохло сразу, а сердце не застучало сильно, - а как-то беспорядочно затрепыхало в груди, отдавая ударами в висках и ушах.

Как вышли из тюрьмы, как обнимался с ожидавшим меня на воле корреспондентом «Советской России», как он мне что-то говорил о родных и доме, как подъехали к Прокуратуре, где меня попросили подписать какие-то бумаги, как поехали от Хасав-Юрта на машине в Грозный – всё, как в тумане. Оглушенный – что «пьяный судак» был.

Помню, очень боялся улицы переходить. Машины с шумом пролетали, и вообще вдруг стало очень много шума, разного – и трудно понимаемого, сквозь который я успокоительно различал шелест деревьев и шум ветра. Все мельтешило перед глазами, все было цветным – даже пестрым, после лагерного чернообразия. Там же все в черном или сером, а тут – такое обилие сочных красок! И самые яркие были те, что несли с собой женщины. Все такие красивые, яркие.

Вот тут-то с остротой до боли ощутил, до чего же они прекрасны и притягательны. До чего мне их не хватало все долгие годы заключения.

Кажется, я их всех обнял бы и полюбил. Спрашивают же – что в тюрьме самое тяжелое? Отвечаю: отсутствие родной красивой женщины, которой ты мог бы дарить любовь и заботу, ласку и внимание.

Вот что думал я, глядя в окно машины, которая везла меня домой, навстречу новой жизни, полной планов и надежд. В глубине осознавая, что в большинстве эти прожекты несбыточны, - но куда денешься от розовой мечты?

Обнадеживало, что вроде как свобода слова пятнами проступала: не стало иконостаса с Политбюро КПСС, а главное – в прессе появилась кое-какая критика о деяниях подлого КГБ. И это было на самом деле перестройкой. Так что горизонты полетов дум и надежд с душераздирающей радостью расширились. Говорят же – мечтать не вредно, - поэтому особо волнительным была встреча со свободой, с той надеждой, которую она несла с собой. Главное – жизнь смысл приобретает: ты можешь дарить внимание, заботу, ласку, а если повезет – полюбить. И тебе отвечают тем же. Далее – семья и то, что называют тихим человеческим счастьем. Но по мне ли оно? Хотя иногда ужасно хочется отдохнуть в тишине и спокойствии, когда голова родного тебе человека так же покоится у тебя на плече, - и тихо поговорить, все равно, о чем. Только тут перца нет. И не знаю, как надолго меня хватит.

Люблю перец, борьбу, движение, но когда это несет в себе смысл. Пока же это – лишь мысли в машине, везущей меня из Хасав-Юрта в Грозный, из тюрьмы – на волю. По дороге, ставшей для меня дорогой Свободы.

Глава 12. Неприкрытый Нухаев.

Как-то мы повидались с Ханом в Грозном, куда он вернулся с «Большой встречи» в Вене, на которой присутствовали крестные отцы международной мафии, как, к примеру, дон Гамбино, о котором Хан отзывался несколько пренебрежительно и даже с иронией (хотя в Америке Гамбино считался одним из самых авторитетных крестных отцов пяти главных мафиозных кланов), а весь бывший СССР представлял в Австрии именно Хан.

Одну интересную «примочку» тогда поведал мне Хан со слов Гамбино, - ее и взявший на вооружение, как одну из сексуальных утех в отношениях с женщинами. Дон Гамбино ему посоветовал (а тот – мне) во время прелюдии перед сексом на головку члена, слегка смоченного слюной, посыпать «дорожку» кокаина. Даже интересней, если женщина об этом не знает. Кокаин имеет удивительное свойство впитываться через слизистую оболочку в кровь, поэтому при нюхании дает моментальный эффект. Тот же эффект достигается при половом контакте через член, причем женщиной через слизистую – еще быстрее. Как известно, кокаин у дам вызывает эйфорию сексуального характера, в данном случае - оргазм с галлюцинациями. Половой член от анестезии находится в эрективном состоянии необычно долго.

(Дополнение 2008: Предыдущий, шокирующий земляков пример, нарочито мной не утаенный, диаметрально противоположен тому имиджу, который Нухаеву с помощью СМИ «шьет» ФСБ по «легенде», и которому он сам подыгрывает, войдя в роль некурящего, непьющего, не знающего наркотиков, «глубоко верующего», а для пущего к себе уважения – «умудренного опытом» седого старца, «которых» мы уже вспоминали, - хотя мы с ним ровесники, временами и развлекались до упора, и делили хлеб-соль да тюремные лишения совместно.

Новоиспеченный «праведник» Нухаев рядится в одежды темно-серых тонов в стиле военного (вспомним Сталина) френча, «исповедует» идеи позднего толстовства, переход к кровно-родственным отношениям - как основе становления общества. Правдивой информации о нем мало: она либо составлена отделом пропаганды спецслужб, либо Хан рассказал о себе сам в восхваляющих тонах, либо кто-то высказал свое мнение - как Пол Хлебников, указавший на подозрения о связи Нухаева с ФСБ, и за это, похоже, сам поплатившийся.

Появляются и материалы явно заказного характера <http://forum.msk.ru/material/lenty/471973.html> , как некоего Саидова, пытающиеся обелить Хожу, поставив его на один уровень с Масхадовым, Яндарбиевым и чуть ли не с Дудаевым. На самом деле Нухаев был ранен в Грозном, когда еще российские войска туда не вошли, а велась бомбардировка – так называемая «точечная». Одна из бомб, разорвавшихся около президентского дворца, ранила, задев осколком

Хана, который, после оказания ему первой помощи в госпитале, сразу был вывезен на вертолете в Азербайджан, где ему продолжили лечение.

У Саидова хватило наглости сравнить Нухаева и с А. Литвиненко: «...Это было вызвано негативными информационными последствиями, которым привели убийства Зелимхана Яндарбиева в Катаре и Александра Литвиненко в Великобритании, а также очевидной неспособностью «достать» Хож-Ахмеда Нухаева». Как раз последний был и есть на диаметрально противоположной героически погибшему Литвиненко стороне, - оставаясь вместе с Путиным, Патрушевым, Суловым, Хохолковым и компанией.

Саидов явно пытается посеять подозрения и раздор среди сражающихся чеченцев Соппротивления. А Нухаев держит свои истинные планы в секрете, из них одно можно понять – что он лелеет приход авторитарной власти в Чеченской республике и распоряжение ее богатствами по своему собственному усмотрению.

В своих же политических взглядах Нухаев прикрывается идеями крайнего радикализма исламского толка, с возвращением к эпохе возникновения ислама – «Возрождение умы не может отличаться от ее зарождения». В то же время философское окружение Нухаева толкует «ислам» не как покорность Всевышнему, а как ис – 9, лам – гора (то есть «9 гор» на чеченском языке), как некие девять столпов, которые они углядели в исламе, - одновременно шарахаясь в философию евразийства с его ФСБиными лидерами Дугиным и генералом Суловым, старыми друзьями Нухаева.

Россия, став старой и дряхлой, как загулявшая проститутка, пытающаяся пластическими операциями жизненно важных органов (таких, как Чечня) сохранить привлекательность западных кавалеров и все думая, что она молодая и красивая, до сих пор чувствует себя империей, продолжая колониальные войны на Кавказе. У Нухаева же интерес – это та авторитарная власть в Чечне, которую он хочет получить руками российской военицины. Во главе Чечни он видит только себя, и что немаловажно – его манят огромные деньги, которые несет чеченская нефть, ставшая настоящей болезнью.

В поддержку его «легенды», Хану делается реклама от ФСБ, которая у думающего человека может вызвать лишь смех. Никогда не был Нухаев полевым командиром, а с первых дней войны после осколочного ранения, как я писал, находился в Азербайджане и Турции, Англии, США - и вообще во всем мире, кроме Чечни.

Как создавался имидж? Из официального сообщения пресс-представительства Министерства Обороны России из зоны конфликта - Чеченской Республики – «становилось известным»: во время следования механизированной бронеколонны Министерства Обороны России через селение Гельдыген Шалинского района Чеченской Республики, с минарета сельской мечети был открыт огонь из крупнокалиберного пулемета по бронетехнике. Ответным ударом огневая точка была подавлена. При осмотре места преступления, трупов боевиков и крови обнаружено не было. Но был найден тайник с фото-, видео- и аудио-материалами с дневниками, Коран и другая литература религиозного толка, принадлежащие Хож-Ахмеду Нухаеву!

– Из сообщения следовал вывод: по фотографиям, где Нухаев снят во время собственной свадьбы в окружении Дудаева, Яндарбиева и Гены «Шрама», «видно», что Хан – важная персона в сепаратистском чеченском правительстве, полевой командир. А так как «найден» Коран – то заодно и религиозный экстремист. Невдомек многим, что с минарета может открыть по бронетехнике огонь разве что самоубийца. Будто не было другого укрепленного места на возвышенности, с которого можно было вести прицельную стрельбу! А точку на минарете легко погасить одной очередью крупнокалиберного пулемета.

Гельдыген – родовое село Нухаева, но жил он либо в Грозном, либо в Гудермесском районе, так с какой стати он будет здесь устраивать схрон, да еще на минарете мечети? Приказав потом боевикам, чтоб они обстреляли колонну?..

Или по телевидению показывают молодого бедолагу, захваченного ФСБшниками в Чечне, который «чистосердечно признаётся», что де когда он был в Азербайджане, некто, представившийся ему Нухаевым, дал деньги на проезд до Чечни (копейки – сто-двести долларов) с

условием, что парнишка подложит фугас, и тогда после взрыва получит весь гонорар. Не успел он проехать в Чечню, как ФСБ его «сняла» как опытного диверсанта и, применив отработанные методы допроса, получила признание, что Нухаев спонсирует боевиков, организуя диверсии).

Глава 13. Разборки. «Сильвестр». Отари Квантаришвили.

Я поинтересовался у Хана о «Сильвестре» - Сергее Тимофееве, лидере Орехово-Борисовской ОПГ, быстро набиравшим в ту пору известность и авторитет. На что услышал: «А что Сильвестр? Так, неплохой парень, и делится постоянно. Делает это хитро, чтобы лица не терять. Подъезжает со словами: «Вот, Брат, мы тут кое-кого нагрели, прими по-братски и на ваш общак по возможности».

Дальше Хан рассказал, что как-то раз «Сильвестр» решил скрыть информацию об одной из проведенных денежных операций, но Хану об этом стало известно, и он, встретившись с «Сильвестром», так преподнес и «раскачал» этот факт, что «Сильвестру» пришлось платить в «обязаловку» и по полной программе, а это было где-то 750 000 долларов.

Также Хан рассказал мне о первой встрече и разборке с Отари Квантаришвили, произошедшей недалеко от Кремля. Хан тогда только что освободился в последний раз и приехал в столицу, и кто-то из чеченцев шел на разборку с Отари из-за своего коммерсанта, а Хан еще не был знаком с Квантаришвили и попал туда за компанию. Когда Отари подъехал с эскортом иномарок, в окружении спортсменов-борцов, чеченцы даже пасанули, - но только не Хан. Чтобы не потерять лицо, раз уж попал в чужую разборку, Хан, держа руку в пустом кармане, уверенно приказал отпустить коммерсанта, и хорошо вооруженный Отари уступил дерзкому и уверенному виду безоружного Хана. Отари напомнил Хану, что тот – гость в столице и ему следует вести себя в рамках, уступая дорогу Отари. Хан отреагировал, что он ведет себя дома так же, как и в Москве, и что если Отари хочет, то может приехать в Чечню и попробовать вести себя так, как Хан поступает в столице.

С этого периода начался расцвет легальной деятельности Хана в Москве и самое плотное участие в разделе собственности, тогда еще – СССР. Проводили акции жестко и дерзко, имея обширную информацию от спецслужб, совместное планирование деятельности в нужном направлении и прикрытие со стороны КГБ. Причем под «спецслужбами» стоит понимать не каких-либо оперативных офицеров, а верхушку – начальствующих генералов КГБ и ГРУ, что имели силу и полноту власти, позволявшие им закрепить свои интересы в самых прибыльных отраслях, а это прежде всего добыча и экспорт нефти, газа, редкоземельных, цветных и черных металлов, ну а «радиоактивное сырье» всегда было под КГБ, и без его участия ни одна сделка не может проводиться. К тому же, именно КГБ имел самую широкую информацию обо всех богатствах бывшего СССР и все секретные данные о состоянии экономики в стране, а экономическим отделом заведовал генерал Стерлигов, что позже, по организации Ханом встреч с президентом ЧР Джохаром Дудаевым, неоднократно навещался в Чечню.

По словам людей из близкого окружения Таса, - а последний, имея большую склонность к разглаживанию в подвыпившем виде, дабы преодолеть комплекс своей ущербной никчемности, приписывает себе участие в тех или иных сделках и акциях, - Тас рассказывал об операции с продажей за границу генералами спецслужб атомных мини-бомб, что помещаются в портфелях типа «дипломат». Об этих же бомбах и их перепродаже странам, насаждающим мировой терроризм, говорил и генерал Лебедь, видимо, также получивший информацию о такого рода сделках.

Слышать о подобных операциях Тас мог, но вряд ли присутствовал лично, ибо Хан тогда не допускал его участия в различного рода переговорах, а тем более в «разборках». Тас тогда еще толком не мог соображать и ориентироваться, не то что разговаривать с людьми, особенно если подобные разговоры носили характер криминальных разборок, где требуется знание законов преступного мира и специфики речи – блатного жаргона, а главное – умение хорошо ориентироваться во всех коллизиях переговоров такого характера. Это целое искусство, и тут необходим живой, тонкий ум, знание психологии, позволяющее разобратся, прочувствовать оппонентов, и хорошая интуиция, при необходимости – с отчаянной смелостью. Поэтому место Таса было где-

то в стороне, и он сидел, слушая, иногда в «Лазании», издалека, пытаясь вникнуть в происходящее, когда ему было позволено что-то слышать.

В то время «бригада» Хана выезжала, как правило, на «конкретные разборки», те, что касались больших интересов и могли окончиться перестрелкой. Если у кого-либо из «чеченцев» происходили прения с одной из конкурирующих сторон, то чаще это можно было закончить простыми переговорами с неким своеобразным психологическим давлением, что называется «проехаться на чеченских понтах по всей разборке», иногда – избиением, с полным разгромом противоположной стороны. Но когда поступала информация, что противостоящая «бригада» хорошо подготовлена, вооружена и имеет самые серьезные намерения, то тут вступала в работу «бригада» Хана – Макс, Юра, Гасан и другие, моментально открывающие шквальный, беспощадный огонь из заранее выбранного, подготовленного места, по всем правилам огневой подготовки спецназа. Причем спокойно стреляли в любом месте Москвы, в ее центре, как, к примеру, это делали Адлан Натаев с «Максом» на Новом Арбате или тогда Калининском проспекте, убив среди бела дня где-то 12 человек и практически уничтожив «Бауманскую бригаду» - ОПГ.

Как-то в Москве ударили ножом одного из чеченцев, и, пока шло совещание о необходимости ответной мести и собирались для выезда на эту акцию, Адлан Натаев тихо вышел, ничего никому не говоря, вычислил квартиру виновников и, дождавшись за лифтом, когда в нее входил один из азербайджанцев, ворвался следом, приставив пистолет к затылку, и потом спокойно расстрелял всех шестерых находившихся там, не забыв сделать и по «контрольному» выстрелу в голову.

Другой раз, проходя по Академической с двумя товарищами около казино, что работало в ту пору, и оживленно беседуя, Адлан бесцельно, невзначай взглянул на джип, стоящий рядом, а оттуда вдруг что-то донеслось в неприличной форме. Сидящий в машине коротко остриженный здоровяк, видимо, посчитал себя крутым бандитом, и привык разговаривать с незнакомыми в грубой форме, но дурное воспитание обернулось трагедией для его родных и близких. Адлан, сразу не поняв, в чью сторону адресованы услышанные им слова, прошел

несколько метров, потом вернулся, переспросил и разрядил в голову сидящему всю обойму.

Подобного рода действий было множество и, как говорили об Адлане его близкие, «Его «кумарит» уже, если он кого не завалит долго». То есть убийства стали его страстью, этаким наркотиком, что и решило в конце концов его судьбу, так как он становился неуправляем, возмнил и уверовал в свою безответную вседозволенность, особенно после того, как он исполнил несколько «заказов», по его словам – «по решению Вована Тамбовского» - Владимира Рушайло, и получил уже удостоверение сотрудника спецслужб. Просто он забыл, кем и с какой целью он был взят в «бригаду» - кем был создан таким, каким стал, хоть и не понимал никогда, для какой именно цели он «создавался», как этакий страшный «безбашенный боевик».

А пока, посетители фешенебельнейших московских клубов и ресторанов из самых известных в Москве «бригад», эти супер-«крутые бандиты» инстинктивно втягивали головы в плечи, ошеломленно кубатуря в мозгах: «По чью душу они сюда явились?», с мольбой и надеждой, чтобы беда прошла мимо, когда в этих заведениях появлялись Адлан с «Максом» и неизменно со «стечкиными» подмышкой, либо кто-то другой из «Хановских», и даже тогда, когда Хан уже находился за тысячи километров от Москвы. Особенно боялись Адлана и Макса после широко известного расстрела ими Бауманской преступной группировки, к которой принадлежал и Отари Квантаришвили, в самом центре Москвы, на Калининском проспекте около ресторана «Лабиринт», и после расстрела «таганковских» у ресторана «На Разгуляе», и множества подобных акций.

Даже немало рядовых обывателей, не говоря о тех, кто может или кому положено быть в курсе, знали или слышали в Москве об Адлане и «Максе», и какое ремесло у них с «горою трупов», - что однако тем не мешало, и не препятствовало в свободном передвижении не только по Москве, но и по миру. Не странно ли?

– Нет, конечно, когда знаешь, интересы какой службы они представляли и выполняли. В конце 80-х годов установилась эта система в КГБ, которая, реорганизуясь и модернизируясь, существует поныне в ФСБ и,

на мой взгляд, Путин, будучи директором ФСБ, вряд ли не знал, какой характер носит деятельность верхушки ФСБ из его ближайшего окружения. Это все равно, как если «голова не знает, куда ноги идут». Ныне ФСБ далека от своих прямых обязанностей и той деятельности, для которой была создана. Так, иногда пытаются устроить позорную показуху, как с Г. Пасько, или американскому стажеру наркотики подкинут и вменяют, и все это по заказу - дабы показать, что не зря существуют и проедают бюджетные деньги. Сейчас задачей ФСБ стало навязывание покровительства, то есть установка «крыши» над всем более или менее существенным бизнесом в России, - осуществление контроля над ним с преследованием прежде всего своих личных финансовых интересов.

В этом направлении и действует «бригада» Хана, в зависимости от обстоятельств применяя необходимые на данный момент методы. На жаргоне это называется «мартышка», когда, к примеру, взорвут машину коммерсанта на его глазах, как это было с директором одной московской гостиницы, когда Тас подвел его к окну кабинета, выходящего на парковку стоящих внизу автомобилей, среди которых была и одна из иномарок директора, - нажал на дистанционное управление взрывного устройства, и машина взлетела на воздух.

Или устроят другое покушение, убив или не убив кого-либо из окружения интересующего, после чего он сам в страхе идет под предлагаемое покровительство - вовремя вдруг предложивших таковое - людей с удостоверениями ФСБ. Так что все от «ЮКОСа», «Лукойла» до пивных заводов имеют подобную «крышу», держа «службу безопасности» из бывших сотрудников спецслужб, которую им предложила «крыша», предварительно выведя требуемый пакет акций, другие активы на созданную для этих целей за границей фирму, или разместив в банке, где «отцу-генералу» отбиваются его дивиденды.

Вот это и есть на самом деле то, что в мире называют «русская мафия», то есть этакий сплав руководства спецслужб с призванными, отобранными и завербованными для этой цели, созданными ими же криминальными авторитетами.

С «семьей» Б.Н. Ельцина был молча заключен своеобразный «пакт о ненападении». Спецслужбы не препятствуют, а, наоборот, помогают в незаконном обогащении «семьи», прикрывая и защищая последнюю, а та оказывает влияние на отца «семейства» только в нужном направлении, с тем, чтобы Б.Н. Ельцин попросту «закрывал глаза» на подобные «проказы» спецслужб. И даже выторговали, гарантировав пожизненную неприкосновенность, навязав ему преемника - своего офицера В.В. Путина, так что сейчас они подмяли всю полноту власти, и контроль за собой осуществляют сами и по своему усмотрению, создавая лишь видимость демократии, ибо приходится считаться с мнением не столько своего народа, как всего мира.

В общем, в конце 80-х структура Хана была самая боеспособная и могущественная в Москве. Установив контроль над многими рынками, гостиницами, фирмами, коммерсантами, наркотраффиком и наркобизнесом, как например: ливанское кафе в центре Москвы, где под прикрытием Общепита выходцы из Ливана торговали кокаином и героином, и все четко, регулярно платили положенную дань, «выколачивали» долги обманувших друг друга коммерсантов так, что возвращаемая сумма всегда оказывалась намного больше задолженности, и сам должник, если представлял какой-либо интерес, попадал в кабалу, то есть под «крышу», и спрятаться ему было негде. Ни в МВД, ни в больнице, - а кое-кого достали именно в палате - и под охраной.

Сейчас это стало основной работой сотрудников РУБОПа МВД и ФСБ, не самого высокого ранга, - источником их материального положения. Забирая 50% от суммы возврата и даже делясь 5% с тем, кто подкинет информацию об имеющемся за каким-то коммерсантом долге.

Как-то в Грозном, у автостанции в районе «Минутки», я встретился с Усманом Адахановым (Берлинским), то было где-то в конце 80-х. Поприветствовали друг друга, а в разговоре он сообщил, что по зову Хана едет в Москву, и напоследок спросил: «А ты когда подъедешь?». На это я ответил, что Хана видел не так давно, разговаривал, и он сказал: «В Грозном делать сейчас нечего. Приезжай, - дело есть».

Усман был отчаянно смелый, дерзкий парень, умный, расчетливый и цепкий, говорил мало и только по необходимости, обладал отличной

физической подготовкой, являясь «мастером спорта» по боксу и чемпионом Украины среди студентов по этому виду спорта. В заключении мы были на одной зоне, а услышав о Хане от меня и других, он специально уплатил нужную сумму врачам, чтобы выехать на «больничку» в Алды, куда и прибыл вместе с Саламбеком Тарамовым, где все познакомились лично.

Позже Тарамов был застрелен в родном Шали на почве кровной мести, а Усман Адаханов – убит по «заказу» прямо у гостиницы «Балчуг», но об этом чуть позже.

Тогда же они, а особенно Усман, очень прочно обосновались в Москве. Ресторан «На Разгуляе», единственный тогда комиссионный магазин по торговле иномарками, а после ареста Хана и Руслана Атлангериева – «Парк имени Горького», еще множество мест, приносили им большие деньги. На Усмана покушались неоднократно: первый раз он еле выжил, ему даже хотели ампутировать ноги; второй – пуля чудом ушла от подаренной ему ручки «Паркер», что была в нагрудном кармане, и он успел развернуть свою машину, догнать и застрелить покушавшихся в их же машине.

Погиб же он весной 1996 года, после того уже, как, выезжая в Новороссийск, ему пришлось разбираться с местными авторитетами по поводу нефтяного терминала, где двое из них, представители армянской национальности, были убиты. Усман, по словам его брата Назира, оставил в Новороссийске около 11 миллионов долларов в оплату за фрахтовку, аренду нефтетанкеров, то есть явно проявил свои намерения вклиниться в нефтебизнес, и именно тогда он стал не нужен и попросту опасен, ведь его натуру и дерзкий нрав хорошо знали и побаивались.

Позже я вернусь к некоторым подробностям, а тогда, по его возвращении в Москву, он был арестован просто по оперативной информации, так как все знали, что это его рук дело, но не было ни заявлений, ни свидетелей, и хотя при желании МВД могло найти улики, этапировать в Новороссийск и раскрутить это дело, но Хану, Тасу, руководству ФСБ был очень невыгоден такой поворот, и поэтому все данные были затребованы в ФСБ, а самого Усмана через несколько суток выпустили на свободу.

В 1989 или 1990 году, в мае месяце, Хана и Руслана арестовывают с большой шумихой в прессе со статьями, такими, как «Чеченская мафия», с последующим преследованием и выдавливанием «лиц чеченской национальности» из Москвы, и с этого времени были сданы многие позиции, занимаемые чеченцами как в нелегальном, но так же и легальном бизнесе. Многие - особо не угодные – были отстреляны, а с подбросом банковских операций по «авизо», которые, как известно, печатал «Гознак» Монетного Двора, и только по заказу Госбанка РФ, Чечня, становившаяся своеобразной «черной дырой», приобретала черты идеального места (и прежде всего для Кремля и правящей верхушки) для проведения всякого рода финансовых афер и махинаций, что подтолкнуло и чеченцев принять во всем этом участие. А легкое, внезапное обогащение, сопряженное со взаимными обманом и разбирательствами, что и поныне продолжают среди отдельных лиц, принесло и некоторое разобщение в народе.

Таким образом, банковские аферы с использованием «авизо», невозвратные кредиты, торговля валютой, оружием и прочие возможности масштабного обогащения внедрялись по разработке аналитических отделов спецслужб по заказу Кремля. В результате львиная доля наживы отошла Сосковцу, Коржакову, Барсукову и их преступной «бригаде».

Глава 14. Чеченский «воздух» - авизо. Банковские аферы.

В данном контексте имеет смысл подробней сказать об «авизо», или операциях с так называемым «воздухом». В Грозном около Госбанка образовалась стихийная биржа, где можно было приобрести все от свободно конвертируемой валюты, оружия любых систем и марок, патронов к нему, золотых слитков 99,99 до полного банковского пакета, состоящего из бланка «авизо», отпечатанного на бумаге, защищенной водяными знаками, в Гознаке, так же как и рубли России, и бланков типовых договоров, заверенных печатями. Это был пакет для проведения межбанковской денежной проводки.

Старая система перечисления денег в СССР, существовавшая еще с 1917 года, которую многие могут помнить по почтовым переводам, работала

так: на бланке «авизо» особым шифром, хранящимся у главных бухгалтеров банка, вписывалась денежная сумма, подлежащая к оплате. Банк был обязан выплатить клиенту сумму, указанную в «авизо».

Что делал с 90-х годов криминалитет? Центробанк специально передал в чеченский нацбанк «авизо», которые были оттуда похищены для последующей перепродажи на бирже. Покупатель пакета вводил на простой пишущей машинке шифр суммы на «авизо», оформлял договоры между двумя фирмами об оплате, и через подкупленное в каком-то российском городе лицо, работающее в банке, либо через управляющего банка этот пакет направлялся в РКЦ (Расчетно-кассовый центр города или области) для предъявления к оплате, откуда передавался в уполномоченный банк.

Кто попроще – оформлял кооперативы или другие предприятия на свой паспорт, и милиция легко вычисляла их, а кто поизощренней – тот проводил банковские операции на подставную фирму, открытую на фальшивые документы, и снимал огромные наличные суммы, соответственно делясь ими с банкирами. Милиции легко было вычислить те фирмы, которые имели фактически нулевой баланс - а тут вдруг на их счета поступали миллиардные суммы, - но проходили и такие сделки. Только предварительно нужно было делиться с 6-м отделом (по борьбе с оргпреступностью), а не только с банкиром.

Но еще долго после того, как сделки с «авизо» получили слишком большую известность, и МВД взяло под контроль все переводы крупных денежных сумм, «загоняли воздух» телетайповым перечислением. Как это происходило?

Маленький аппаратик телетайпа стоял у кого-то дома, подключенный к простому домашнему телефону; главное, что оператору, печатавшему на телетайпе, давали готовый шифр, который в то время менялся почти каждый день, и по большому секрету передавался из Центробанка филиалам банков России. Этот шифр знал только главный бухгалтер. На МФО (то есть реквизиты) банка, где предварительно открывалась «левая» фирма, на счет перегонялась телетайповым перечислением крупная сумма денег. РКЦ и управляющий банка по существующей инструкции должен был делать запрос на подтверждение. Обычно этот запрос

отсылался в течение трех дней после поступления суммы. При подтверждении запроса эта сумма как реальные деньги из РКЦ поступала на требуемый счет фирмы.

Но реквизиты банка, якобы отправляющего деньги, давались «от фонаря», и запрос уходил в воздух. А оператор, сидящий на телетайпе, через три дня делал подтверждение перевода. Таким образом, при существующем подтверждении деньги зачислялись на счет открытой левой фирмы, быстро снимались или разгонялись по разным реквизитам под различные договоры, и фирма исчезала.

После этих бешенных махинаций с крупными, миллионными и миллиардными суммами остались задолженности меж компаньонами, что выразилось в «разборках», порой доходивших до кровопролития и в Чечне.

«Воздушные деньги» послужили базовым капиталом для многих нынешних олигархов. Так, известные братья Хачалаевы, имеющие большой вес и авторитет в Дагестане (а один – даже является депутатом Госдумы России); покойный Гамид Гамидов – хороший спортсмен и управляющий одним из банков Дагестана; баландер Махач Махачев; да что и говорить, если «ЛОГОВАЗ» Бориса Абрамовича не обошли так называемые чеченские «авизо», отчего состояние фирмы упрочилось и дела пошли в гору. Счета «ЛОГОВАЗА», насколько известно со слов приближенных М. Муталибова, были заблокированы, 6-м отделом МВД велась проверка. И балкарка Фатима, кинувшая на пару миллионов долларов Мамеда Муталибова со товарищи, которые ее и искали по этой причине в Нальчике, - имевшая невероятную «проходимость» как пронира - и свою долю в «бизнесе» со спецслужбами, - утрясла эту тему. Тогда Баб, будучи тайным диссидентом, лишь начинал стричь купоны, чтоб впоследствии финансировать оппозицию ненавистного всеми Кремля.

Глава 15. Яндарбиевская амнистия для Хана.

В конце 1991 года в Грозном уже шла молва о скором освобождении Хана. Как-то вечером, в один из весенних дней 1992 года, я приехал

домой, и мне сказали, что кто-то заезжал на двух «мерседесах», и седоватый мужчина с усами меня спрашивал. А когда я сидел за ужином, меня вновь кто-то позвал.

Выйдя, я увидел Хана. Приятно удивился внезапному приезду, приветствуя его и приглашая зайти, - но он сказал, что не один, и предложил куда-нибудь поехать и посидеть за разговором. Тогда же Хан, только накануне освободившийся и еще плохо ориентированный в городе, поинтересовался, где можно купить что-то из наркоты, точнее, героин.

Я знал подноготную Грозного и ответил, что никто из барыг в настоящее время героином не торгует. Хан отреагировал – мол, надо было хоть кого-то в Москву отрядить: его возможности были не ограничены. И спросил, что можно придумать. Тогда мы подъехали к знакомому Рамзану, и он взял у кого-то стакан-другой маковой соломки, бутылку растворителя 647 и ангидрид уксусной кислоты, без которой героин никогда не создашь. И затем мы поехали в один из больших частных домов около тоннеля, ведущего на площадь «Минутка», и принадлежавшего зятю Хана – Тасу. И там в компании, в кастрюле на плите проварив соломку и выжав зеленый раствор, выпарили до густоты и, залив стаканом воды, прокипятили до полного выветривания растворителя. Отфильтровав раствор через ватку, получили хороший опийный отвар, содержащий большое количество морфина, проангидрировали – и химка, или героин-сырец высокого качества, был готов.

После употребления, мы проговорили в воспоминаниях ночь. Среди прочего, интересную вещь поведал мне Хан. Говоря о своей деятельности, о причине ареста, об освобождении, он рассказал о своих неоднократных беседах с генералом КГБ Суловым, и как, полемизируя, они пришли к общему мнению, что куда лучше для всех, в том числе и для обывателя, «если преступность будет организованной, подконтрольной, а главное – управляемой, - чем стихийной, бытовой, уличной, совершаемой никому не подчиняющимися, не контролируемые «отморозками», и что преступность как зло - неистребима, - так ее нужно использовать, управляя ею, в нужных целях и требуемом направлении».

Суслов, по словам Хана, ему сказал, что во времена Андропова уже явно наметился крах социалистической системы СССР, и не оставалось сомнений, что крушение неизбежно. А это повлечет за собой борьбу за власть и энергоносители: за основные богатства страны. Партийцы и милиция хоть были хорошо организованы, но не могли перестроиться так быстро, как криминалитет, и подминать от своего имени финансово значимые предприятия с помощью рэкета. А также они не умели еще работать в условиях открытого рынка. КГБ предвидел, что криминалитет, способный лавировать в новой ситуации, быстрее приспособится и приборет к рукам богатства – и значит, и власть.

В то время в СССР лучше всех был организован институт «воров в законе» с их понятиями, и противостоять ему вряд ли бы кто решился. Было очевидно, что возникнет множество преступных сообществ или группировок, конкурирующих и враждующих между собой. И только через управление ими или какой-то наиболее сильной из них возможно удержать руку на пульсе страны. А, зная менталитет чеченцев, их отвагу и воинственную взаимовыручку (фактически структуру «военной демократии», проявляющую себя веками в трудный для народа момент), именно чеченцев можно было противопоставить любому криминальному институту.

Я сказал Хану: «Само собой, всю эту кухню возглавить должен ты?». И он, улынувшись, ответил: «Ну а кто же еще?». Это было уже решено наверху. Видимо, так и произошел тот, словами Горбачева, «консенсус» между криминалитетом и Кремлем с его КГБ, - с выдвижением общей цели и достижением ее, а цель эта – власть в России и требуемые для этого деньги.

Тогда же, в подробностях, я узнал, как Хана этапировали сначала из Москвы куда-то в Хабаровск, а оттуда – по запросу прокурора ЧР Эльзы Шериповой – Хана получил и вывез милицейский наряд, специально посланный по уже подготовленному сценарию будущим вице-президентом Чечни (а тогда – лидером Вайнахской демократической партии и парламентарием) З. Яндарбиевым, который и встретил Хана со всеми подобающими почестями.

Так что слухи в прессе о побеге и прочем – чистый блеф, вымысел ФСБ в поддержку «легенды» Хана. К тому же не только уголовные дела из прокуратуры и суда, но и чисто секретные «оперативные дела» из МУРа были затребованы ФСБ и переданы в Чечню по подготовленным для этого формальным запросам Прокуратуры ЧР. То есть переданы лично Хану в руки и преданы огню с торжественным ликованием.

Конечно, предварительно он внимательно изучил все, а прежде всего то, что поступало от агентурной сети и прочих стукачей, что было крайне ценным для коррекции своей дальнейшей деятельности и вывода из игры особо ненужных.

Сейчас же, кроме устроенной в СМИ, по разработанной в ФСБ «легенде», шумихи с досужими вымыслами – для передачи в Интерпол, материалов нет. Нет, пожалуй, даже сведений о метрических данных, что уж о прочем говорить. А многие даже отслужили по нем панихиду. Так что все чисто, господа!

Но Хан жил, Хан жив, Хан будет жить. Даже в случае ареста за границей, задержавшая сторона должна будет переправить его в Россию и отдать в руки друзей-товарищей. Но ни одна страна не вправе самостоятельно расследовать деятельность Хожи, и тем более предать суду.

Хана отправили в Чечню в самый важный, необходимый момент, по разработанному Кремлем и спецслужбами сценарию. К тому времени это был планомерно создаваемый уникальный регион во всей России, провозгласивший независимость, и в то же время остававшийся одним из звеньев экономической инфраструктуры империи. Он превратился в «черную дыру» с великолепными возможностями для всякого рода финансовых афер, махинаций. И, что более интересно, для реализации Кремлем тайных политических игр с проведением военных акций в Грузии с Абхазией, Азербайджане, Таджикистане, и для внедрения своих агентов в движение Талибан, захватывающего власть в Афганистане.

Чечня стала идеальным местом, отличным плацдармом для распространения Кремлем и спецслужбами своего влияния на интересующие в экономическом плане, богатые энергоресурсами страны, и прежде всего огромными запасами нефти, а это значит – влияния во всем мире. Не иначе, как руками чеченских воинов под командованием

тех же Ш. Басаева и Р. Гелаева отстаивались интересы Кремля в Абхазии против Грузии, в Карабахе с дальнейшим устранением Альчибея и приводом Г. Алиева к власти.

Провозглашая на словах экономические санкции против Чечни, Кремль ни на минуту не закрывал воздушных коридоров для самолетов, взлетающих, садящихся в аэропорту Грозного и летающих в нужных направлениях по всему миру, совершая далеко и не только чартерные рейсы с «челноками» на борту, но и перевозя оружие, валюту, радиоактивные элементы, некоторую секретную документацию, и во всем этом принимали непосредственное участие Кремль и его приближенные. Товарные поезда следовали транзитом за рубеж через Чечню, как правило, с порожними или иногда, для пущей привлекательности, немного загруженными каким-либо ширпотребом вагонами, но тщательно опломбированные, с сопроводительной документацией, по которой значилось, что провозимым грузом является чуть ли не вся «таблица Менделеева» от алюминиевых, медных слитков - до редкоземельных металлов и платиносодержащей группы из «вотчины» Сосковца-Коржакова.

Где-нибудь под Гудермесом на состав происходило запланированное, точнее – спровоцированное нападение маленькой группой, которая, отстреляв тормозные шланги, останавливала состав, срывая пломбы и открывая вагоны. А призом ей были – в лучшем случае какая-то обувь или дешевые магнитофоны. Пломбы сорванные, - значит, груз пропал в Чечне, как в омуте утонул, а Сосковцу с Коржаковым на тайные западные счета миллионы поступали, и в голову никому не могло прийти, что Чечня также лежит в географическом расположении по дороге на Запад, как Париж из Москвы через Магадан.

Тут можно вспомнить альянс Руслана Лабазанова с Алу Алхановым, в то время сотрудником линейного отдела внутренних дел на железной дороге Грозного. Но Руслан, получая из Москвы инструктаж, таким образом работал и с другими ментами, состоявшими у него на службе (о чем в Чечне всем известно).

А более всего привлекала и привлекает в Чечне ее нефть со сливом в нефтепровод, идущий из Азербайджана в Новороссийск, - вот где деньги

немерянные с отсутствием контроля над теми, кто к «трубе» присосался, и никакие ракетно-бомбовые удары и катаклизмы не останавливают этот поток нефти, а значит – денег, ни на минуту. Вот такой интересной, притягательной, - просто лакомым кусочком! - становилась все более и более Чечня с начала 90-х годов.

Глава 16. Генерал Дудаев.

Возвращаясь к этому времени, - как-то в 1990 году, в жаркий весенний или летний день, мне позвонили приятели и позвали поехать куда-нибудь на природу, поближе к лесу с родником. Сказали, чтобы машину не брал, а выходил на проспект Победы, где они в машинах меня уже ждут. Выходя из арки своего дома, направляясь на противоположную сторону улицы к ожидающим, я невольно остановился на окрик, раздавшийся слева от меня.

Из останавливающихся рядом машин показались «Адик» - Адам Дудаев – старший брат будущего мэра Грозного Лечи Дудаева, сына Бекмурза - родного брата Джохара Дудаева, и другой мой родственник – Мухадин Мальсагов. Поприветствовав их, предложил им присоединиться к нашему отдыху на природе с шашлыками и прочими подобающими тому атрибутами. Но те с удивительной для их лиц важностью и серьезностью вежливо отказались и до смешного многозначительно произнесли: «С тобой генерал хочет говорить!». Так как мои мысли были заняты другим, согласно настрою на намечающийся отдых, я, не поняв, о чем вообще речь, переспросил: «Какой еще генерал?». На что с некоторой ноткой обиды в интонации услышал: «Как какой? Наш!». Тогда, поняв, что Джохар, видимо, только что прилетел из Эстонии, прошел к машине, где он находился, предварительно махнув, чтобы подождали меня, тем, кто был на противоположной стороне.

Генерал Д. Дудаев сидел на заднем сидении автомобиля ВАЗ 9-й модели, я же сел на переднее, рядом с управлявшим машиной Магомедом по кличке «Детдомовец». Так шутливо, с теплом его называли ровесники-односельчане Хациевы, Хаджиевы и все другие, потому что учился он в интернате. Он рано потерял родителей, но сирот у чеченцев, как известно, не бывает, и прозвище было добрым. Магомед был простым,

чистым парнем, на то время уже работавшим учителем НВП в школе нашего села Янди-Къутор или «Орехово» по-русски. Магомед Хачукаев мужественно погиб в первую русско-чеченскую войну 1994-1996 гг., проявив чудеса смелости и отваги.

«Так, ну чем занимаешься тут, горский юноша?» - начал с вопроса на чеченском языке «дядюшка Джо», как его уважительно звали среди близких родственников, таких, как Сулейман и Адам Дудаевы, и в то время обычно бывший с ними и по соседству живший на Катаяме Махадин Мальсагов. Нам Дудаевы доводятся зятьями, по-чеченски – младшими родственниками.

Мне приходилось сидеть вполоборота к Джохару, и я пытался поймать его взгляд, но он никогда не смотрел в глаза собеседнику, и его взор, устремленный ввысь, протекал над моей головой. Искренне ли он верит сам хотя бы в пару слов из той тирады, что сразу же выдал, не ожидая ответа на свой вопрос? Как говорится, «Командора понесло».

Он был в цивильном костюме с той самой неизменной шляпой и усиками, что сейчас стали узнаваемы во всем мире, как образ Ф. Кастро, Гитлера или К. Маркса, и, говоря, он смотрел куда-то в потолок салона над моей головой так, что невольно меня сместила напрашивающаяся мысль: «Да прикидываю, как тебе стыдно за ту несурязицу, что говоришь, и как тебе не хочется нарваться на более-менее понимающего слушателя».

Следуя традициям наших предков, оказывая уважение старшему по возрасту и по чину, я молча выслушал то, что примерно звучало так: «Я сюда приехал специально, чтобы освободить народ от гнета заворовавшихся «партократов». (Имелся в виду обком КПСС ЧИАССР во главе с Д. Завгаевым, на то время уже самым коррумпированным кланом, правившим в ЧИАССР). «Моя молодежь порывается взять штурмом гнездо этих негодяев – обком, и расстрелять всех, и я это сделаю!».

Тут надо заметить, что на тот момент он реально мог рассчитывать на поддержку лишь небольшого числа молодежи из близких родственников, в республике его мало кто знал, а те, кто знали по Москве или Эстонии, угодливо вразили с большими заверениями на всякий случай, что генерал

может далеко пойти и будет нужным. Тогда же он пытался обрести поддержку в Чечне и прежде всего среди уважаемых старейшин.

Еще интересная вещь, дабы вещи не называть своими именами, то есть коммунистов – коммунистами, так как и он сам сделал свою карьеру с партийным коммунистическим билетом в кармане, изобрели слово «партократ», означавшее коммунистическую номенклатурную верхушку, на которую и решено было валить все беды, невзгоды, массовые расстрелы и террор, начиная с 1917 года, тем самым как бы обеляя коммунистическую идею. И это был начинающий, с еще неуверенной поступью, как у младенца – Джохар.

Когда же я, прослушав его ораторские упражнения, заметил, что коммунистам и в Москве будут только на руку подобные заявления, а тем паче действия, чтобы выставить все происходящее в ЧИАССР в негативном свете, развяжет руки для ввода армии, - Джохар сделал такой разворот в своей речи, что называется – «технично съюзил в требуемую колею», и как ни в чем ни бывало продолжил: «И я об этом говорю, - не стоит! Молодежь горяча, порывается на крайние меры, но мне удастся ее сдерживать, хоть и с большим усилием. Я молодежи говорю, что «партократов» необходимо судить по закону, и мы это сделаем! Вот, - тут он указал на объемную синюю папку, лежащую на заднем сидении, - тут у меня все на них собрано, все задокументировано, и завтра же я вылетаю в Гаагу, где мы их будем судить в Международном Трибунале! Завтра же!». Убедительно?

Может быть, - но только для крайне неграмотных и забытых деревенских людей. Впрочем, именно на такую аудиторию были рассчитаны все его речи и действия.

Внезапно прервав свой спич, Джохар неожиданно, безо всякого перехода, спросил: «Где отец?». «У нас, в селе», - ответил я. «Каким селе?» - переспросил он. «В нашем. А ты из какого?» - немного удивленно ответил я. Ведь село было у нас одно – Старый Ачхой, где жили многие наши родственники и его старший дядя Султан. Тут стоит заметить, что у чеченцев в обычае называть свое родовое место, даже когда (что довольно часто можно встретить) представляется человек, всю жизнь проживший вдали, в каком-либо городе, и ни разу не бывавший на родном месте предков.

Наш род, как и Дудаевых, из Ялхория, но во время высылки почти все села в горах были уничтожены советскими войсками, как и рядом находившийся Хайбах, и люди переместились в другие села, где уже ранее проживали их близкие. Наш дед Габис еще до высылки имел домовладение в Старом Ачхое; туда же переехали и многие родственники Дудаева. Султан, на это время – старейшина их рода, жил напротив мечети. В первую войну в его доме, с автоматом, при полном вооружении и с инкрустированным топориком, отточенным с двух сторон, как тамагавк Чингачгука (на случай рукопашной), держал оборону Сулейман Дудаев, сын Сагарби.

...Джохар, хоть и старался этого не выказать, заметно сконфузился, но тут ему на помощь ловко пришел Магомед, сидевший за рулем, и тактично пояснил Джохару, что это его упущение, - он запомнил, а знал о проходящем в Старом Ачхое «Мовлиде», где собрались все уважаемые старейшины из разных сел. Мовлид проходил в доме нашего отца, и Джохару неожиданно повезло, так как все, чья поддержка была ему необходима, собрались в одном месте на этом религиозном обряде, и у него открывалась замечательная возможность обратиться и показаться перед всеми сразу. К тому же после обряда, обсудив все услышанное, разъедутся по своим селам, где, поделившись новостями, станут невольными агитаторами, а у Д. Дудаева было в планах встретиться с отцом и уговорить его собрать старейшин, - тут же складывалось все как нельзя лучше и сразу.

«Поехали туда», - сказал он. Я же, признаюсь, поступил не очень учтиво, к тому же было неинтересно слушать его демагогию, понимая всю фальшь; принимать в этом участие с видом молчаливого «болванчика». А тут меня еще и ожидало куда более интересное мероприятие, и, зацепившись за слова Магомеда, найдя в них выход из этой ситуации, я выпалил: «Да! Вот он хорошо знает, где все. Поезжайте! Я же, не обессудьте, останусь, тут дела у меня кое-какие».

Джохар поехал в Старый Ачхой, по дороге купил барана в преподношение, и удачно обозначился перед собравшимися там старейшинами, произнеся речь, из которой последние поняли, что плохое – это плохо, а хорошее – это хорошо. Так как «клику Д. Завгаева» в

республике никто не любил, кроме «надтеречных» - его земляков и его приближенных, то все поняли, что заворовавшаяся «клика обкома КПСС» во главе с Д. Завгаевым – плохие, а вот что конкретно предлагает Дудаев, было не особенно ясно, и про Гаагу далеко не все знали, тем более о возможности и методике подачи туда заявлений на судебное разбирательство.

Просто уж очень убедительно и грозно звучало «Международный Трибунал» в Гааге - для людей, перенесших множество невзгод, горя и лишений, расстрелов и высылки от Советской власти, и так желающих еще верить в какую-либо справедливость на этой земле, мечтающих увидеть наконец счастье своего народа.

Так и получил Джохар Мусаевич поддержку среди самых уважаемых, а вслед - и значительной части народа. В 1991 году Дудаева выбрали Президентом Чеченской Республики. И до, и после выборов много занимательного происходило в Чечне, но остановилось лишь на необходимом для более четкого прояснения картины всего складывающегося там, и опуская самое важное – страницы войны.

Глава 17. Дудаев и Яндарбиев. Подключение Хана к политической кухне в Грозном.

Сначала Россия вывела войска, оставив приличную часть техники и вооружения, большое количество из которого сразу же попало в Южную Осетию и Абхазию и, замечу, свободно переместившись по территории России в суверенную Грузию. Как это могло произойти? Значит, так было нужно Кремлю.

Позже были поспешно и незаметно отправлены почти все сотрудники КГБ, и необходимое из техники и оперативных дел вывезено, а потом команда человек из 26, что начинал формировать Ш. Басаев, захватила практически пустое здание КГБ. Перед штурмом была дана команда Яндарбиевым – захватить здание, те помещения, где находятся папки с делами и оружие – опечатать, охраняя и ничего не трогая. Когда дворец был занят, Яндарбиев лично загрузил и вывез все дела, и многие из присутствовавших там невольно удивились его поспешности и говорили,

что, видимо, беспокоится, как бы его собственный компромат не попал в чужие руки.

Как бы то ни было, он вывез всё, а на требование народа опубликовать все данные и рассекретить агентов КГБ, ответил, что, мол, там столько грязи, которая может вызвать раздор и даже убийства среди народа. А сам, шантажируя, стал удачно манипулировать агентами, но уже в своих интересах.

Подоспевший вместе с ним к зданию Беслан Гантемиров кинулся к хранилищам оружия и вывез несколько «КАМАЗов» с ним, где встречались довольно редкие образцы спецоружия как системы «Стечкина» с глушителями, а также спецтехника для прослушивания и тайного наблюдения. Большое количество оружия он продал, вывезя в Южную Осетию.

В то время Гантемиров был в одной упряжке с Дудаевым и Яндарбиевым, и разлад пошел лишь тогда, когда он стал создавать собственную армию, одев ее в турецкие куртки и прибалтийскую униформу. Вооружив, стал требовать себе все больше «места у кормушки», вечно считая, что обделен, ему мало достается, - пока амбициозно не перешел в прямое противостояние, захватив здание «Дворца пионеров» и Райкома Комсомола. «Абхазский» батальон (чеченцы, принимавшие участие в боевых действиях в Абхазии), посланный Джохаром, подогнал пару танков и, выстрелив болванками по этим зданиям, быстро подавил вооруженный мятеж. Гантемиров был ранен в руку, кое-кто из его родственников погиб, а также погибли некоторые из числа его сторонников.

После этого Гантемиров перебрался в свое село Гехи, где устроил базу так называемой «оппозиции Дудаеву», и, подкрепляемый деньгами, оружием со стороны российских спецслужб, и при поддержке вертолетов без опознавательных знаков, вдруг неизвестно откуда появившихся над Грозным, проводил кровавые террористические акции. Так, «гантемировцы» обстреляли пост ГАИ на въезде в город, убив милиционеров. В другой раз - часть людей Гантемирова зашла в Старую Сунжу, другая двигалась со стороны Шатоя (в Октябрьском районе), и они захватили базу Военторга и территорию 15-го Военного городка, в то

время практически не охраняемую. Они взорвали несколько административных зданий, и были жертвы.

Можно вспомнить первую провокацию ФСК, когда 26 ноября 1994 года российские танкисты из Кантемировской дивизии вошли в город на танках, помеченных белой краской, под видом оппозиции. Они были уверены, что при виде танков дудаевцы сразу сдадутся, и народ примкнет к «оппозиции», так как, со слов Гантемирова, Хаджиева, Автарханова, чеченцы только и ждали «освобождения». Однако колонна, вошедшая в город, была практически полностью уничтожена даже не какими-то боевиками, а пацанами, и оставшиеся в живых оккупанты сдались в плен.

Появление танковой колонны обычно парализующе действует на «необкатанных» еще войной людей и внушает панический страх. Но молодые ребята, преодолев этот страх и фактически учась - на противостоянии танкам - владению гранатометами, стали сжигать их «как спичечные коробки» (выражение Д. Дудаева). Первый танк был подбит на углу проспекта Победы и проспекта Орджоникидзе, наискось от Президентского дворца. Башня от взрыва боекомплекта, находившегося внутри танка, пролетела по воздуху не меньше 30-40 метров. И эта махина упала на красивые бетонные плиты дворца и, проломив их, вошла в землю метра на два. Только ствол торчал наружу; от танкиста ничего не осталось, кроме... полового члена, прилипшего изнутри на броне перевернутой башни.

Пулеметные ленты висели высоко на троллейбусных проводах, а двигатели танка откинуло метров на 20 в сторону Пятого жилстроительства (дома, находившегося напротив памятника Ленину). Бульдозерный нож, установленный на танке, пролетел до третьего квартала – до Дома моды, и воткнулся в аллею на пешеходной дорожке в бетонные плиты так, что вошел в них, высываясь на ладонь.

Неподалеку, ближе к зданиям МВД и КГБ по проспекту Орджоникидзе, где было троллейбусное кольцо, выросал рынок. Там, в крытых рядах, стояла мясная палатка с металлическими перекладинами, натянутыми для развешивания товара. Когда был подбит еще один танк, то при взрыве боекомплекта погиб экипаж. Голова одного из офицеров-контрактников ФСК из Кантемировской дивизии, расколовшись пополам, пролетела

полсотни метров по воздуху и повисла на трахее, как на веревке, на арматуре

мясного прилавка. Половина лица отсутствовала совсем, отсеченная будто лезвием. Но оставшаяся часть являла профиль, сохранивший все совершенство недавно живого еще человека, - без единой царапины.

Это было лицо войны.

Получив решительный отпор, прилично потрепанные «гантемировцы», как тараканы, быстро бежали из города и, перебравшись в Надгеречный район, где спецслужбы России тогда готовили плацдарм для захвата Чеченской республики, присоединились к собравшимся там «под флагами» ФСК оппозиционерам, возглавляемым Автархановым (агентурная кличка «Кино»), Бугаевым, С. Хаджиевым (кличка «Мушкетон») и прочими старыми стукачами КГБ, теперь использованными как презервативы и выкинутыми на свалку. За свое предательство они получили откупные: Хаджиев – крупную нефтяную фирму «ЭКОТЭК», Автарханов – пока его не кинули, был начальником налоговой полиции России, и т.д.

Еще до этих событий, но уже после первых митингов оппозиции под окнами моего дома и около Драмтеатра, Джохар Дудаев совместил должности премьер-министра и президента в своем лице с той целью, чтобы взять контроль над экономикой и прежде всего над нефтью (чтоб не разворовывали). Ко мне приехал из Москвы Адам – дальний родственник – с предложениями и по поручению от Лучанского, тогда известного олигарха – дельца от нефти. Адам так же работал в его структуре с сетью кишиневских бензозаправок. Предложение звучало так: фирмы Лучанского поставляют в Чечню «давальческую» нефть из Тюмени и других нефтедобывающих регионов, и 50% уже переработанной нефти должно оставаться республике, а 50% они забирают. Либо – фирмы готовы были выплачивать эту сумму в свободно конвертируемой валюте, и даже, занимая гибкую позицию, могли отдать 60% Чечне, а забирать 40, если не 30%.

Адам приехал ко мне домой и, зная о наших родственных отношениях с Дудаевым, хотел, чтобы я пролоббировал сделку, завел его в Президентский дворец и там переговорил. Будучи в Москве, Адам и

чеченцы, связанные с Лучанским, широко угощали в ресторанах Дурдиева, в то время министра нефтяной промышленности Чеченской республики. Подвыпив, тот чего только не наобещал. Когда же Адам приехал в Чечню, то Дурдиев начал оправдываться, мол, Джохар взял все в свои руки, и операции с нефтью идут за его личной подписью.

Мы поехали в Президентский дворец, зашли через охрану, знавшую меня в лицо, и, поднявшись к помощнику президента и нашему племяннику Мавлену Саламову и объяснив цель прихода и выгоду, услышали, что к Джохару пробиться нельзя из-за напряженной обстановки, созданной оппозицией, и из-за совещания по этому поводу. Мавлен позвонил Дурдиеву, просил принять, так как тема весьма интересная во всех отношениях, и мы поехали в министерство. Там стало ясно, что все ждут только взятку, причем наперед. А то, что выгода в перспективе для республики и для организатора многомиллионна и регулярна – не желали видеть в упор.

Тогда Мавлен посоветовал подъехать к племяннику Джохара Дудаева Адаму, который тогда имел кое-какой совместный бизнес с Ханом, - и также обратиться непосредственно к Хоже. Адам Дудаев невысоко оценил дальновидность министров, и тогда мы поехали на Бароновку к Хану. Он вышел из особняка, но вяло отреагировал на предложение: оппозиция суёт палки в колеса, все держит Дудаев, царит неразбериха. Что меня поразило – так это высказывание человека, бывшего во власти, имевшего неимоверное состояние не только в Чечне, но и в мире, и лично оказывавшего на политику большое влияние, - Хан спросил: «А тебе что, нравится творящееся в республике?». Я подумал, что он спрашивает по поводу кремлевских провокаций в лице оппозиции, а он уточнил: «Курс и политика Дудаева и его команды».

Это было сказано с явной целью прощупать мое отношение и взгляд на реальность. И я, улыбнувшись, ответил, что в любую другую – могу, но в чеченскую политику я не лезу.

Касательно Адама, до Первой войны они с Хожей были бизнес-партнерами и находились в близких отношениях. Как я понял со слов Адама, когда заезжал к нему в квартиру на Ташкалу, он способствовал передаче бизнес-проектов от Хана Джохару Дудаеву через своего отца

Бекмурза. Но, встретив Адика после Первой войны в 1997 году недалеко от здания бывшего Нефтяного техникума, когда он проезжал мимо на джипе, а я просто переходил улицу, мы говорили опять. Адик вез свою семью, остановился и вышел из машины – я думал, поздороваться, и я повел разговор о том, чем он занимался, где был в эти годы, и о других родственниках. Однако Адик сразу заговорил о Хоже, спросив:

- Ты ж его хорошо знаешь, вы с ним знакомы со школы?

- А что?.. – Ответил я.

Он задал вопросы, на которые я не хотел тогда отвечать, и об этом теперь вы читаете книгу. Но по лицу Адама и сжатым губам видна была явная ненависть к Хану, и, когда я не удовлетворил его интерес, он скривил губу по отношению к моей реакции, показывая, что он догадывается, что я просто умалчиваю, и этим обижен.

- Ну ладно, - закончил он скомканно разговор, сел в машину и уехал, хотя я собирался подойти и поздороваться с его семьей.

Сегодня я даю ответы на те вопросы, и Адам может сделать выводы.

...Как известно, политика не претворяется в «белых перчатках». По Бисмарку, революцию задумывают гении, воплощают фанатики, а пользуются – проходимцы. При всем моем уважении к Дудаеву, Яндарбиеву и почтении к их главной цели – свободе и независимости Чечни, нельзя делать из людей идолов и на площадях кричать «Джохар акбар!», преследуя свои низменные цели. Лучше помнить о них, хоть с большой буквы, - но именно как о Людах. К сожалению, политическим спекулянтам они больше нужны как мертвые, чем как живые.

Когда, после полугодичного правления Д. Дудаева, в Грозном и появился Хан, то первое время он вел приемы многочисленных визитеров как из разных регионов России, так и из-за рубежа, которые спешили с поздравлениями и, прежде всего, отметить и выразить свое почтение. Мне Хан сказал, что пора и надо бы поехать в Москву, поглядеть на месте, как там обстоят дела в подконтрольных фирмах, банках и других структурах.

В Москве, осмотревшись, получив информацию и предупреждение от начальства ФСБ и Коржакова, что в Москве ему сейчас находиться нежелательно и небезопасно, так как есть определенные круги (связанные с покойными - Отари Квантаришвили, убитыми на Тверской

«ворами в законе» и другими влиятельными мертвецами), могут «неподконтрольно» предпринять попытку устранения Хана.

Насчет разборки на Тверской из-за «Лазании» - Хан сам рассказывал. В «Лазанию» приехали грузинские «воры в законе», подзвали директора Аракелова и говорят (а не спрашивают, как обычно, под кем он работает, - что бы подразумевало – кто «крыша»): «Короче, будешь нам платить». - И в обязалово загружают его, на деньги.

Аракелов ответил, что он работает «под чеченцами», назвал Хана, Руслана. Воры высокомерно заявили: «А кто они такие?! Мы – воры!». И назначили на Тверской, бывшей улице Горького, около кафе «Аист» и Главтелеграфа «стрелку» на вечер, куда Аракелов должен был принести откупные. Заодно пригрозили, что если не явится – то его ждет печальная участь.

Позже в «Лазанию» приехал Хожа. Аракелов ему рассказал о визите воров и об их условиях. Тогда Хожа один отправился на «стрелку», практически «пустым»: в кармане не было пистолета, был перочинный нож.

После его отъезда, в «Лазанию» зашли Руслан Атлангериев с люберецким авторитетом и, услышав от директора о конфликте, направились вслед за Хожей.

На «стрелке» Хан стал с ворами «перетирать», объясняя, что все вопросы пусть предъявляют ему, и что деньги с ресторана идут на чеченский «общак».

- Мы воры, деньги будут идти нам. А ты кто такой?

- Я – чечен, и для меня авторитет – только мой отец.

Воры перешли к угрозам и попытались оскорбить Хана. Он сразу ударил одного из них ножом, а другой стрелял в Хана в упор, но со страху или как (поскольку Хан смотрел ему в глаза), не попал, и пуля ушла в сторону.

В этот момент подскочившие на «стрелку» Руслан с другим авторитетом вязались в потасовку, и «люберецкий», хорошо владея приемами каратэ, с разворота ударил ногой в голову одного из воров, отправив в глубокий нокаут.

Результатом конфликта стали двое убитых «воров в законе», оставшихся лежать на Тверской, неподалеку от Красной площади и Министерства внутренних дел России, а двое их раненых «братьев» успели «соскочить» на автомобиле.

Об этой разборке «лазаниевских» с «ворами в законе» знала вся страна, и тем более – криминальная.

...А по поводу Отари Квантаришвили – говорил в своем окружении Тас, впрочем, тут может быть и просто бравада подвыпившего человека, но звучало это так, что после смерти брата Отари – Амирама – на Полянке, последний высказывался и предпринимал попытки мщения людям Хана, и кое-кто пострадал.

К тому времени Отари лез в политику, что раздражало окружение Кремля и «Вована Тамбовского» - начальника ЦУБОП на Шаболовке - Владимира Рушайло, поэтому и было принято решение устранить Отари, а поручили это человеку Хана, которого звали, кажется, Юра. И последний, после отстрела из биатлонической винтовки, с военного аэродрома был перевезен и укрыт в Грозном.

До этого были убиты многие из «боевиков-спортсменов» Отари, кто в сауне, кто еще где. Возвращаясь в Грозный, Хан дал указание «Максу» - Максиму Лазовскому и Адлану Натаеву открыть фирму, которая нужна была, как «колесо» для проведения сделок с нефтью из Чечни. Фирму назвали «Ланако», она находилась недалеко от института Народного хозяйства (им. Плеханова, в просторечье «Плешка»), а присматривать за делами в ней и в других офисах был поставлен майор ФСБ Тас, зять Хана.

Фирма работала в основном по довольно известной сейчас схеме: имея лицензию от Хана, а в то время он фактически руководил «Нефтяной биржей» Чечни, последние заключали договор со специально для этого

подставленной фирмой-однодневкой в Польше, Прибалтике или другой стране, и в этих сделках принимали участие за рубежом финн Яри, живущий во Франкфурте-на-Одере, перешедший в мусульманство поляк Мансур Якимчик, другие. Нефть уходила из Чечни по нефтепроводу в Новороссийск, а там танкером до порта назначения. Деньги же теряли след с исчезновением фирмы-однодневки, а всплывали на нужных счетах, уже на офшоре.

Брат Анзора Мусаева, также имевшего отношение к «Ланак» и участвовавшего в Москве в отстреле дагестанских коммерсантов, попытавшихся вклиниться в нефтяной бизнес, как-то решил провернуть операцию с чеченским мазутом, уговорив Джохара дать на эту сделку «добро», и утаить деньги. Но, по заданию Хана, брата Анзора нашли в США, и люди, имеющие полномочия спецслужб, довольно убедительно объяснили скрывающемуся, что эти миллионы необходимо непременно вернуть, что сразу и сделано было со штрафными санкциями.

Той акцией расстрела руководил Тас - само собой, по заданию Хана и Сулова, – так как дагестанские коммерсанты влезли в интересы, касающиеся напрямую властей предрержащих. Это довольно известная и широко освещавшаяся в прессе кровавая операция, произошедшая в самом центре Москвы, когда было убито много народу.

Вернувшись после отстрела, Макс Лазовский, Адлан Натаев, Анзор Мусаев сдавали оружие. Но у Анзора Мусаева, хотя он добровольно вызвался на эту акцию, оружие оказалось чистым, ствол – незакопченным, без нагара, и отсутствовал специфический пороховой запах (о чем не мог знать Литвиненко). Тас, проверив оружие, сказал ему: «Что ж ты не стрелял?». Анзор начал оправдываться тем, что, мол, цель перепрыгнула через забор, оказавшись на одной линии огня с проходящими мимо людьми, и он боялся убить постороннего. Но на самом деле он действительно не стрелял, а всем трепался, будто принял непосредственное участие в этом убийстве.

В Чечню Хан вернулся с целью курировать Д. Дудаева и, по всей видимости, из Лубянки ему передали компромат для агентурного влияния на З. Яндарбиева, что дало возможность через вице-президента приблизиться к Д. Дудаеву и оказывать на последнего нужное влияние.

Это мне стало понятно из разговора по телефону Хана с Зелимханом Яндарбиевым. Как-то, проезжая по улице Первомайской в Грозном, решив увидеть Хана и кое-что обсудить, завернул за угол на параллельную улицу Коммунистическую, где в угловом маленьком доме на перекрестке с улицей Грибоедова жили его родители. Вообще родители Хана жили довольно бедно, а вернувшись из высылки в Казахстан, им приходилось ютиться в доме Хамзаева, который с сочувствием и благородством предоставил часть своего жилья по улице Пролетарской, около 22-й школы, где Хан и учился. Позже, старшая сестра, выйдя замуж, уехала с мужем-строителем по контракту в Алжир, и заработанные там деньги дали возможность купить этот домик.

Отец же Хана работал буфетчиком в Аргуне и на «Белой речке» у Джалки, где у леса, в прохладе водоемов многочисленных родников было любимое место отдыха у коммунистической номенклатуры среднего звена и сотрудников МВД ЧИАССР в «застойное время».

Хан как раз вышел кого-то провожать, и я, подъехав, поприветствовал его. Завязали разговор о том о сем, но тут нас прервала выглянувшая за калитку сестра Хана с телефонной трубкой в руке и со словами, что его просит к телефону Зелим.

Взяв трубку, он назидательно и, как мне показалось, несколько в приказном тоне стал давать кому-то инструкции, объясняя, как надо поступить и что именно сделать, растолковывая каждый пункт по нескольку раз, по ходу направляясь к себе во двор и увлекая меня за собой, а, закончив разговор, зло выругался. На мой вопрос «Кто это такой бестолковый?» ответил: «Да Зелимхан Яндарбиев – «тупорылый» до невозможного, и все ему разжевывать приходится». (Ругательства я опускаю – из уважения к мертвым).

Некто Татаров, кажется, нефтяник по специальности, вернувшись к тому времени из Тюмени и хорошо представлявший перспективы, скрывающиеся в чеченской нефти, имея, по всей видимости, грандиозные планы, решил организовать «Чеченскую нефтяную биржу». На Старопромысловском шоссе было найдено подходящее здание бывшего НИИ, сделан ремонт, установлена кое-какая оргтехника, и даже выпустили акции, кое-что из них успев продать, в результате обманув недальновидных вкладчиков.

Дальше же этого дела Татарова не пошли: что бы он ни предпринимал, оказывалось, что бьется как рыба об лед. А в его задумки входило: распоряжение квотами на экспорт чеченской нефти и выдача лицензий на это право. Сейчас-то он понимает, что «губу раскатывал» понапрасну на лакомое, а тогда пребывал в нервном состоянии, временами впадая в полное уныние. У меня были знакомые из приближенных к нему, которые информировали меня об обстановке на бирже. Как-то Татаров в сердцах, с отчаяния, сказал близким: «Видимо, у меня ничего не получится, пока не свяжусь с «мафией»!». В скором времени после этого мне передали, что Хан заезжал на биржу, осмотрел, выбрал кабинет и назначил день презентации, в который туда сразу же приехали Д. Дудаев, З. Яндарбиев с охраной и со всем кабинетом министров.

После этого дела на бирже пошли, но, конечно, не у Татарова, не у кого-либо, а у Хана.

Однажды, проезжая мимо, я зашел в здание и увидел следующую картину: на втором этаже в приемной сидела с растерянным видом ничего не понимающая секретарша, справа от нее находилась дверь с надписью: «Директор нефтяной биржи», оттуда иногда выходил Татаров, явно осознающий свою роль «зиц-председателя», осматривал, с почти затухшей надеждой, толпу ожидающих в коридоре, не обращающую на него ни малейшего внимания. И уныло заходил обратно, для придания хоть какой-то значимости своей персоне, на ходу бросив секретарше, чтобы подала ему кофе. Посетители, терпеливо ожидая, следовали в дверь слева от секретарской, туда, где не было никакой надписи.

Я прошел, не обращая внимания на удивленный взгляд женщины, и открыл дверь, ведущую не просто в кабинет, а в огромную залу. За пустым столом, с одним лишь телефоном, сидел Хан, а напротив - несколько посетителей с заискивающим видом. Увидев меня, он встал, зазывая, в то же время делая жест пришедшим удалиться. Немного переговорив, кое-что весело вспомнив, я поведал Хану о тайных чертах Татарова по поводу неподвижения дел на бирже без обращения к «мафии». На что Хан со смехом ответил: «Ну вот, сейчас он и связался».

Рядом с парадным входом в здание нефтяной биржи, в этом же доме открылся презентабельного вида ресторан «Оазис», хозяином которого был посажен Ханом Имран Вагапов, его бывший сокамерник и «семьянин». То есть, по зоновским понятиям, самый близкий человек, с которым делится кусок хлеба.

(Дополнение 2008 года: Имран Вагапов по настоянию Нухаева назначен Путиным государственным инспектором Южного Федерального Округа, заместителем уполномоченного президентом в Южном Федеральном Округе. Все силовые структуры, которые формируются в Чечне, Дагестане, Северной Осетии, Ставропольском и Краснодарском Крае, Адыгее, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Ростовской области, Калмыкии, создаются под его надзором, и все чиновники госаппарата, как и сейчас назначаемые главы этих республик, присягают при нем и подконтрольны ему. Так что можно понять, какое влияние имеет Хан во всем Южном Округе. Потому и брат его новой жены Руслан Садыков в этом Округе закупает зерно по диктуемым ими самими ценам, и затем это зерно поступает через лондонское представительство Хана на Запад, а деньги оседают на зарубежных счетах.

Оба главных нефтяных черноморских терминала – Новороссийский и Туапсинский (а сейчас, после многочисленных зачисток в Украине, и Одесский) – находятся под контролем Хана, Сулова, Хохолькова и их людей. Немало директоров было отстреляно, прежде чем была выстроена эта вертикаль. Благодаря плодотворной и кипучей деятельности Хана была создана так называемая экономическая Ассоциация Стран Черноморского Региона, которую он и возглавил. В эту Ассоциацию вошли все страны региона (в лице премьер-министров Украины, России, Турции, Грузии, Болгарии, Румынии), расположенных в Черноморском бассейне.

Любопытная закономерность проглядывается с приходом Путина к власти: Хан, как бы сдавая позиции, отдает контроль над самыми главными нефтяными терминалами страны, приносящими колоссальную прибыль, Роснефти. – Любопытно, если не знать того, что приличная доля акций принадлежит именно Хану.

В добавление о федеральном инспекторе, уполномоченном президентом Путиным в Южном Федеральном Округе Имране Вагапове, можно сказать, что ранее он ни в каких структурах не работал, нигде не проявился, мало кто вообще о нем знает, а тут вдруг - назначение на столь ответственную должность самим Путиным! Этот пост даёт огромную власть, возможности и деньги в виде баснословных взяток.

В житнице России сосредоточены огромные богатства полезных ископаемых от вольфрама с молибденом до урана и газа с нефтью. Имран Вагапов осуществляет также отбор и назначение в силовые структуры, а главным критерием служит личная преданность. Он самый близкий человек Нухаеву по зоне 36/1 в Алдах, куда попал в 1985 году, и Вагапов с Ханом в довоенное время встречал, сопровождал в горы сотрудников спецотдела ФСБ, созданного Ханом, и участвовал в занятиях по подрывному делу, владению стрелковым оружием вместе с выполнявшими внесудебные убийства и теракты по поручению Кремля, то есть с Максимом Лазовским, Маратом Васильевым и другими. На нынешнюю должность Вагапов, повторяю, назначен Путиным по настоянию и при личном поручительстве Хана).

...С момента прихода Хана на нефтяную биржу, он стал распоряжаться всем экспортом нефти; бумаги подготавливал и ставил печать Татаров, а резолюцию накладывал Д. Дудаев или иногда З. Яндарбиев.

Часть денег шла руководству Чеченской республики на представительские поездки, закупку техники и требуемого вооружения, прочие нужды; часть, как доля, передавалась Сосковцу, Коржакову и другим, кто в тот момент «теснился у той кормушки». Что-то оставалось у Хана и инвестировалось в его амбициозные проекты, а также на финансовое обеспечение предпринимаемых акций, непосредственным исполнителям: Тасу как руководителю, Максиму Лазовскому, Адлану Натаеву, Виктору, когда надо – Марату Васильеву и остальным. Таким образом, на деньги Хана финансировалась корпорация киллеров от ФСБ.

Глава 18. Руслан Лабазанов – чеченский «Робин Гуд» или кгбшный «мокрушник».

В ту пору, в Грозном начала 90-х происходило много занимательного, и одним из примечательных моментов был бунт в тюрьме г. Грозного, приезд по этому поводу прокурора страны Степанкова, выход на свободу всех заключенных, в том числе Руслана Лабазанова – личности по-своему интересной.

До этого, будучи в Краснодаре, он тренировал владению рукопашным боем сотрудников КГБ и МВД, и жил с дочкой «вора в законе». В преступном мире его знали под кличкой «Рэмбо», и Лабазанов постоянно распространял слухи, что за ним охотятся правоохранные органы, что не мешало ему свободно передвигаться, иметь при себе оружие и удостоверение прапорщика КГБ.

То есть тогда еще он был оперативным сотрудником – агентом, внедренным в преступную среду, и после перестрелки с коррумпированными сотрудниками МВД (на что, видимо, имел задание по линии КГБ), его, раненного, по легенде – из морга, вывели в Чечню, а помощь в этом возложили на его друга, позже застреленного Лабазановым около больницы в г. Аргуне. Тем самым он устранил свидетеля, который мог раскрыть истинное лицо его деятельности и службу в КГБ.

Во время бунта в Грозненской тюрьме цель Лабазанова была – устроить кровопролитие, которое бы рассматривалось Москвой как повод для введения чрезвычайной обстановки в Чечне и ввод туда войск. Поэтому, когда все вышли из камер, Лабазанов настаивал на том, чтобы отпустили на волю женщин и детей, - прекрасно зная, что по закону власть не имеет права применять оружие в местах, где могут находиться малолетние преступники и женщины. Магомед Мутиев и другие бывшие заключенные, во время бунта находившиеся в тюрьме, воззвали к разуму более рассудительных - что нельзя ни в коем случае идти на провокацию, потому как сразу будет применено оружие на поражение.

По заданию Лубянки, Лабазанов создал преступную группу, состоящую из «отморозков», и сразу же повязал всех кровью, вынудив совершать

убийства, а сам выполнял роль по разработанной в КГБ легенде, - преступного авторитета. Вошедшим в его «бригаду» обратного выхода не было, и прежде всего в силу существующего на Северном Кавказе, а особенно в Чечне, обычая – кровной мести, «вендетты», которая порой сказывается и через столетия. Даже праправнуков убивают при подходящей ситуации, если нет возможности отомстить убице сразу в силу его положения или недостижимости.

И в грозненских газетах, проплаченных Лабазановым, появились статьи о нем, как о «благородном разбойнике» Робин Гуде. Захватив в микрорайоне многоэтажный жилой дом, Лабазанов образовал в нем свой штаб, усилив бетонными бойницами и укрепленными огневыми точками, а около дома был поставлен БТР с бортовой надписью «Нийсо», что на чеченском означает «справедливость». Лидером партии именно под этим названием он себя публично позиционировал.

«Бригада» Лабазанова по заданию ФСК занималась возвращением денег, полученных в результате афер, других финансовых операций, уведенных из банков, фирм Москвы и России, тем более, что официально это сделать не представлялось никакой возможности, так как документально не прослеживалось. Часть денег оставалась Лабазанову в уплату за проделанную работу, но это было, если можно так сказать, безобидной мелочью, не противоречащей понятиям «преступного мира», - было прикрытием, а основная деятельность распространялась куда более обширно. Сначала был интерес – войти в доверие к Д. Дудаеву, с навязыванием, а потом и исполнением, как бы по поручению последнего, кое-каких «деликатных» предложений, в том числе и с убийствами, в целях дальнейшего влияния на Д. Дудаева.

Когда же Д. Дудаев сразу взял другой, неудобный Кремлю, курс, не желая отправлять регулярную мзду, удовлетворяя все более увеличивающийся аппетит Сосковца, Коржакова и других обитателей Кремля, участвовать в политике на Кавказе по сценарию Лубянки, написанному по заказу ФСБ, - Лабазанов получил задание дискредитировать Дудаева и весь чеченский народ захватами самолетов, вертолетов в МинВодах, убийством видных деятелей, в том числе ректора университета Чечни Кан-Калика.

Исполнители из «бригады» Лабазанова, конечно, тогда не догадывались об истинных целях творимого, думая, по его объяснениям, что делают это лишь ради денег и совершают некое благо для Чечни, - и это могут поведать сейчас те из исполнителей, которые находятся в заключении, к примеру, в 4-й колонии станицы Александрии Ставропольского Края, около г. Георгиевска, и другие из выживших. А кое-кого для проведения акций по захвату самолетов брали на операцию прямо из зоны, как это было в случае с уничтоженными снайперами «Альфы».

В те годы производство, а главное – реализацию нефтепродуктов (бензина, солярки, керосина, мазута) плотно подобрал под себя Албаков, и деньги, поступающие от этого, не давали покоя Кремлю и спущенному им по этому поводу «с цепи» Руслану Лабазанову. Начались угрозы, перестрелки, своего рода настоящая мини-война, что вынудило Албакова закупить оружие, вооружить так называемый «Бамутский гранатометный батальон» (он сам был родом из Бамута) и, мобилизовав, вооружить своих родственников – мелхистинцев, к тому же на его сторону склонился Руслан Гелаев со своим отрядом, взяв под охрану нефтеперерабатывающие заводы.

Запад не готов покупать российский бензин и другие нефтепродукты; сырая нефть – другое дело, потому это мало беспокоило Хана, «сидевшего» к тому времени на нефтепроводной трубе. Но когда Р. Гелаев и некоторые другие командиры выступили по телевидению с прямым ультиматумом к Дудаеву, требуя назначить премьер-министром Чечни Албакова, а эту должность сам Д. Дудаев совмещал с президентством, то тут Хан ощутил веские угрозы своим интересам.

Зарвавшись все более, Лабазанов начал переходить от угроз в сторону правительства, но еще не касаясь Д. Дудаева, к некоторым действиям. – Ночью из гранатомета был обстрелян «Президентский Дворец», обстреляно здание ДГБ, бывшего КГБ, убит сотрудник ГАИ, стоявший в охране на площади, где «бригадой» Лабазанова были установлены минометы, и он произнес полную угрозу, ультимативную речь.

Тогда Д. Дудаевым в узком окружении было принято решение – положить конец деятельности Р. Лабазанова, и утром, подтянув пару танков и БТР, осуществить штурм укрепленного бетонными плитами

здания «штаб-квартиры» Лабазанова в Микрорайоне, покончив с последним.

Поредить лабазановских бойцов, которых к тому времени насчитывалось несколько сотен, для Хана было желательным, но сам Лабазанов был еще нужен Кремлю, и в интересах Хана было его противодействие Албакову и та нервозность, которую он доставлял Дудаеву и правительству. Об этом штурме заранее знали единицы – Дудаев и близкое окружение.

Проезжая рано утром из Шали в Грозный через новую дорогу, идущую с Ханкалы через Микрорайон в город, и обгоняя танки, двигавшихся в моем направлении, - в Олимпийском проезде я увидел джип, за рулем которого сидел Тас, рядом с ним Хан, а сзади – Лабазанов и к нему самые близкие. Зная о предстоящем штурме, Хан с Тасом тайно вывозили Р. Лабазанова из здания штаб-квартиры. Впоследствии в Москве мне все это (цель и детали) подтвердили зять Сайды и Рамзан «Михалыч», когда мы в 11-м кабинете банка КБСР на Ордынке обсуждали подробности.

Штурмовали здание в основном сами мелхистинцы, тут же расправившиеся с «кровниками», кого расстреляв принародно в центре площади «Минутка», а кому оторвали головы, зацепив за тросы к автомобилям.

Надо заметить, что тэйп – род «Мелхи», к которому принадлежит и Албаков, - один из самых многочисленных, влиятельных, но самое главное – воинственных и мстительных родов в Чечне, зачастую убивающий не одного, как положено, «кровника», а двух, что среди других принято совершать за убийство женщины, и многим приходится это учитывать. Хан с Тасом рисковали навлечь на себя негодование и вражду мелхистинцев, но держать Р. Лабазанова в своем резерве оказалось важнее и перспективней. Тем более, что с началом русско-чеченской войны Лабазанов надел привезенные с Лубянки погоны подполковника ГРУ, легализовался и стал контролировать бесперебойную прокачку нефти по Чечне в Новороссийск и отправление эшелонов с ней по железной дороге.

Где-то в 1993 году был такой интересный момент, когда следующих на автомобиле «Мерседес» из Гудермеса в Грозный Хана и Таса Лабазанов с

«командой» высадили, забрали автомобиль, - правда, сразу же вернули, разобравшись, кто есть кто.

Был ликвидирован Р. Лабазанов в 1996 году, после окончания той войны, своими же самыми надежными и близкими к нему телохранителями по приказу из Кремля, уж больно знал много, и существовала реальная угроза его захвата чеченскими бойцами, что было крайне нежелательно и даже опасно для чиновничества Кремля и ФСБ.

Убийство Уциевых в Лондоне армянской разведкой.

С 1992 года Хан в основном находился в Грозном, отправляя нефть и оказывая влияние на политику Д. Дудаева, иногда вылетая в Москву и за рубеж. Некоторой помехой в его игре вдруг оказался Руслан Уциев, который к тому времени пролез в советники к Джохару по внешнеэкономическим вопросам. Руслана я знал года с 1969-70, он приходил в наш двор, где жили его дядя и двоюродные братья Салаудин и Алаудин, а сам он жил в поселке Катаяма по соседству со старшим братом Д. Дудаева – Бекмурзой, через которого отец Руслана, используя дружеские отношения, и просунул сына в советники к Джохару. (Алаудин – Тотик Уциев, чемпион Европы по вольной борьбе, получивший много наград в этом виде спорта, в последнее предвоенное время был начальником Ленинского РОВД города Грозного, был ранен во Второй войне в районе ДК Ленина и сейчас проживает в Москве. А его старший брат Салаудин всю жизнь после института работал в сельском хозяйстве и был директором совхоза Правобережный).

Руслан всегда был большой сочинитель, что называется – любитель поврать и порисоваться. С энной попытки, его отцу удалось пристроить сына на подготовительное отделение юридического факультета Ленинградского университета, а Руслану – с пробуксовкой его закончить и даже устроиться прокурором района где-то в Ленинградской области. Откуда, правда, его быстро уволили за взятки и подозрения в наркобизнесе.

О его деятельности на посту прокурора я случайно услышал аж в Красноярске, от ребят из «бригады» так называемых «синих», то есть

ранее неоднократно судимых, которые прежде, будучи в Ленинграде, имели с ним отношения по многим общим вопросам - от наркотиков до вымогательства. Будучи алчным, заносчивым, что называется «понтовитым», но ума недалекого, - сидел он в кабинете советника, «по-американски» закинув ноги на стол, без пиджака, чтобы виден был пистолет в белой кобуре подмышкой. С неимоверно важным видом он выслушивал опытных специалистов-нефтяников, грубя и делая глупые, некомпетентные указания. В интригах, как оказалось, он был не очень большим и дальновидным докой и, не соразмерив своих сил, решил охарактеризовать Джохару Хана с негативной стороны, высказав, что Хан только портит лицо правительства и вредит работе, так как является известным всем криминальным авторитетом, и поэтому многие не хотят иметь дело с правительством Чечни.

Такое не проходило незамеченным мимо Хана. Руслан Уциев с братом улетели в Лондон, предварительно убедив Дудаева в необходимости заказать там паспорт «гражданина Чеченской Республики» и технику для выпуска национальной валюты, получив под это большое количество средств. На них сняли фешенебельные особняки в центре Лондона, устроив грандиозный кутеж и наняв службу из бывших граждан СССР армянской национальности, которые в конце концов и застрелили братьев, уловив момент. Как рассказывал мне зять Таса, это было совершено по настоянию Хана – внешней разведкой СВР, ранее называвшейся ПГУ КГБ СССР, по оперативной разработке генерала Сулова.

Последний убедил армянскую разведку, что братья Уциевы приехали в Англию для закупки оружия - для дальнейшей перепродажи его в Азербайджан, и это обернется впоследствии против Армении. Поэтому армянской разведкой (которая по существу остается филиалом СВР, а ранее входила в состав КГБ СССР), и было принято решение убить Уциевых. А сами убийцы были позже ликвидированы в английской тюрьме – и концы в воду. Вот, что называется, настоящая мафия. - ФСБ.

Глава 19. Хан - почетный гражданин Нью-Джерси, любимец женщин - Элизабет Тэйлор и Маргарет Тэтчер.

С момента последнего своего освобождения, Хан осуществлял весь финансовый контроль и безопасность принадлежавших ему коммерческих структур, преимущественно находясь в Грозном, иногда по необходимости выезжая в Москву или за границу. В столице, как уже говорилось, приглядывать за делами он поручил Тасу. В бывшем общежитии для иностранных специалистов, так называемой «Французской гостинице», открыл свою штаб-квартиру, где принимал визитеров из своей «системы», как то: Максим Лазовский «Макс», Виктор и других с донесениями, - так и зарубежных предпринимателей. В этой, принадлежавшей Хану, гостинице останавливались киллеры ФСБ и отсюда выезжали на учения в горы в сопровождении Имрана Вагапова с Хожей.

Царила полная безнаказанность. Был даже такой момент, когда сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью МВД ЧР, получив информацию о печатании фальшивых долларов в доме Хана на «Бароновке», приехали к нему с обыском, не подозревая, с насколько влиятельной личностью им придется иметь дело. Хан молча, спокойно выслушал их, позвонил вице-президенту З. Яндарбиеву и завел в дом, где показал компьютер и кое-какую оргтехнику к нему, но тут примчались «президентские гвардейцы», посланные Яндарбиевым, с шумом и скандалом выдворившие сотрудников МВД ЧР. Как я уже говорил, мне об этом перед Первой войной поведал подполковник Хусейн Саидов, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, руководивший этой операцией и живший в моем дворе.

Так налаживалось изготовление фальшивых долларов ФСБ в Чеченской республике, например, также в селе Герменчуг Шалинского района, и главной целью спецслужб было вызвать негативное отношение США и Запада к Чеченской республике, так как Госдеп США очень строго следит за производством фальшивых денег и борется с тем, что приводит к экономическому подрыву Америки.

В ноябре 1994 года Хан, вернувшись в очередной раз из Москвы, передал Д. Дудаеву, что война неизбежна. С началом первых бомбардировок и

обстрелов, Хана ранило осколком в ногу, и он был вывезен в Азербайджан, где получил необходимую медицинскую помощь, - а далее - в Турцию, с вводом в большую политическую игру.

Он организовал открытие радиостанции в Кракове с Элизабет Тэйлор и с саудовским миллиардером, они провели благотворительный гала-концерт в Турции, средства от которого должны были идти на помощь и лечение раненым в Чечне, а прежде всего – детям, - и другие акции в том же направлении. Куда деньги пошли – неизвестно, но раненные дети не получили никакой медицинской помощи. В то же время, по словам Таса, Хожиного зятя, при протекции Элизабет Тэйлор Хан получил звание «Почетного гражданина Нью-Джерси» США, а также стал, как уже говорилось, «Президентом ассоциации стран Черноморского региона».

Его эмиссары приезжали из Турции к «полевым командирам» с предложениями финансовой и другой помощи, как мне рассказывали бойцы Сопrotивления из Автуров, Курчалоя, прочих мест. И тут просматривается стремление обрести поддержку влиятельного «полевого командира» и создать себе имидж борца за народное дело (чего и добился Хан через Яндарбиева, получив орден «Къоман Сий» - «Честь нации»), утвердившись в Чечне, ибо реальная сила и власть были в руках настоящих лидеров и бойцов, как то Басаева, Гелаева, Хаттаба и многих других.

Для Хана, по его плану, самым желательным вариантом было такое развертывание событий по Чечне, как приход З. Яндарбиева в президентство, - что и было разыграно.

Ельцина к тому времени достаточно сильно настроили против Д. Дудаева, и он неоднократно во всеулышание категорично заявлял, что не сядет с ним за один стол переговоров.

Война затягивалась, армия деморализовывалась, погрязнув в воровстве, мародерстве, алкоголизме и наркомании. Известно, что армия тогда остается армией, пока исполняет свою основную функцию, продолжая движение. Но стоит зарыться в окопы, на блокпостах с постоянной угрозой и опасностью внезапного нападения, охраняя самих себя от невидимого противника и в то же время ощущая его присутствие со всех сторон, и это быстро разлагает войска. Голодные, завшивленные солдаты

видят всю никчемность этой войны, которая нужна лишь генералитету и чиновникам, набивающим карманы огромными деньгами, - и грязное вранье, распространяемое ими.

На подходе были выборы Ельцина 1996 года, не хватало уже денег на войну, которую вели только благодаря финансовым вливаниям Клинтона, и надо было срочно заканчивать позорную кампанию, - тогда-то и убирают с политической сцены Д. Дудаева. А ведь спутниковый телефон был доставлен из Турции, где всеми делами тогда заправлял Хан <http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material3.html> .

Ельцин сразу же начинает переговоры в Кремле с З. Яндарбиевым, а Хан получает пост вице-премьера Чечни по внешнеэкономическим вопросам. Слаба позиция Хана была тем, что З. Яндарбиев никогда не пользовался достаточным авторитетом среди народа Чечни, и к тому же практически не имел приверженцев среди «полевых командиров», а значит, не представлял военной силы, и с ним считались лишь номинально, как, впрочем, и с Масхадовым позже. Достаточно вспомнить рейд Басаева с Хаттабом в Дагестан, предпринятый согласно их собственному видению ситуации на Кавказе и понимая того, что Россия вот-вот развяжет войну, к которой шла интенсивная подспудная подготовка Министерством Обороны империи.

На президентских выборах в Чечне 1997 года, несмотря на самую мощную поддержку в предвыборной кампании З. Яндарбиева, организованной с привлечением иностранных специалистов и бизнесменов, где одним из агитаторов и переводчицей была сестра финна Яри, что сейчас имеет свои интересы в «Азнефти», - Хану не удалось провести своего человека к власти. Народ, устав от войны, выбрал Масхадова: с ним связывали, особенно после Хасав-Юртовского соглашения, надежды на мир. Но у того также мало что могло получиться, так как каждый полевой командир, имея хотя бы «бригаду» в 50-100 человек, пытался диктовать свои условия и вел политику в силу своего разума, не говоря уже о названных мной сильных и авторитетных, как Басаев, Гелаев или Радуев. Тем более, что на этой волне появилось много так называемых «полевых командиров», таких, как Мовлади Байсаров, состоявших штатными сотрудниками спецслужб

России и занимавшихся только похищениями людей и убийствами в угоду Кремля и провоцировавших обстановку в ЧРИ.

Выборы Масхадова совсем не устраивали Хана, а преданному ему З. Яндарбиеву пришлось уйти в политическое забвение, не смирившись с таким поворотом событий. А. Бараев был родственником и одним из сторонников З. Яндарбиева, еще когда служил в охране начальника ДГБ Гелисханова до начала войны в 1994 году, так что акции по сценарию из Кремля по захвату журналистов и иностранных специалистов происходили не без использования Ханом Яндарбиева.

Похищения людей приводили к экономической и информационной блокаде вокруг Чечни и к дестабилизации обстановки внутри нее. Впрочем, Хан искал пути влияния на Масхадова и быстро нашел их, создав «Кавказский дом», где по приказу из Кремля смог усадить за стол переговоров с одной стороны: А. Масхадова, М.Удугова и остальных, а с другой: глав Осетии, Ставропольского Края, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии. Себе же выбрал место во главе стола и молча выслушивал дифирамбы в свою честь из уст А. Масхадова и президентов других кавказских республик.

Хану удалось организовать и открыть международный банк в Тбилиси, где присутствовали премьер-министры Турции, Грузии, кто-то из глав «Ассоциации швейцарских банков» и бывший министр финансов Франции. И еще много чего он реализовал, но воздействие на А. Масхадова, как сказано, мало могло влиять на политику в Чечне: тут прежде всего следовало найти общий язык с самыми влиятельными «полевыми командирами», а каждый из них сам считал себя не меньше, как президентом.

Вывод Масхадова на международную арену с приемами на высшем уровне, со встречей с одним из самых известных, влиятельных и авторитетных мировых политиков, в прошлом премьер-министром Англии – Маргарет Тэтчер – так же устроен Ханом по линии и с помощью СВР (службой внешней разведки) России. Известно, что интересы Тэтчер связаны с нефтяными компаниями, в коих она имеет большую долю акций и решающий голос, а те вложили большие деньги в нефть «Каспийского шельфа», и тут-то их с Ханом устремления

перехлестываются. Таким образом, авторитет Маргарет Тэтчер был использован ФСБ России в своих подлых целях.

Глава 20. Бригада Нухаева в действии.

Однако все эти старания Хана и все действия, предпринимаемые спецслужбами Кремля в этом направлении, от расстрела врачей «Красного креста» в Атагах группой подполковника ФСБ, так называемого халифа Адама Дениева («креститель горцев Кавказа»), захвата журналистов, похищения уполномоченного представителя президента Ельцина – Власова и полковника МВД Шпигуна, - до создания разного рода «ваххабитских школ» с целью одурачивания и влияния на молодежь, поощрявших кражу с целью выкупа людей, и прочих действий, - ничего общего не имели с учением Ваххаба, основной ветви ислама, существующей сейчас в Саудовской Аравии и призывающей не слушать разного толка учителей от религии, трактующих Коран в своих целях. Как всегда и везде, ФСБ пыталась взорвать обстановку через своих агентов, рядящихся в одежды религиозных проповедников. Уместно вспомнить так называемого муфтия Чечни – Ахмат-Хаджи Кадырова.

В Чечне Москва именно это и делала, насаждая извращенный ваххабизм с целью отвернуть от республики лицо цивилизованного мира, создать вакуум внутри и блокаду вокруг. Попытки Кремля обломались – влиять через президента Чечни на «полевых командиров», выстроив их четкое подчинение с дальнейшей реализацией своих интересов – от финансовых, лежащих в нефти Кавказа, до геополитических, с созданием стратегического плацдарма в Чечне, который всегда будет беспокоящим фактором для близлежащих Азербайджана, Грузии, стран Каспийского моря и Средней Азии.

Хан, как бы в альтернативу всему происходящему в Чечне, по заготовленной легенде должен был нести некий ореол чистоты и порядочности предпринимателя, радеющего о судьбе своего народа, умного, интеллигентного, с прекрасными манерами, ринувшегося в большую политику во имя великой цели – счастья своего народа. И, набрав на этом поприще политические дивиденды, таким национальным

героem и любимцем он должен был быть введен в окончательное правительство, сформированное по сценарию Кремля, а позже - и в авторитарное правление республики.

Вот так в России из криминального авторитета, убийцы, мафиози при желании Кремля можно сделать «хорошего политика и удачливого предпринимателя». Впрочем, тут Лубянка тонко учитывает, что мужественный человек, даже если он преступник, не претит менталитету, а даже вызывает восхищение у чеченцев, как до революции – известный абрек Зелимхан или Хасу Магомадов при советской власти. Так что личность Хана как нельзя более, казалось бы, внешне приемлема для Чечни. Но удивительно то, что страны Европы и Америка как бы напрочь лишились своих спецслужб, и не существует договоренности об обмене информации между ними и ФСБ, хотя личность Хана известна даже по публикациям криминального характера в прессе, где его не случайно иногда упоминали под кличкой «Гитлер».

Да, очень просто сей ларец открывается, и известно, что в России пресса публикует подкидываемое ФСБ, а на запад же передают якобы об отсутствии информации такого характера или даже, в поддержку разработанной «легенды», об «имевшем место» политическом преследовании в застойное время, что на самом деле – чистая ложь.

...Как уже говорилось, с начала 90-х годов приглядывать за делами в Москве Хан уполномочил Таса, и этот период отмечен самыми негативными моментами, произошедшими по воле последнего. К «рекрутированным» в его подчинение он относился лицемерно заботливо, и доброжелательно лишь до той поры, пока каждый из них не становился опасен, узнав слишком много, - невольно ознакомившись с нежелательной властям информацией, - или пока Таса не начинало пугать их дерзкое и независимое поведение, как было с чеченцами Адланом Натаевым или Усманом Адахановым (Берлинским).

Со слов Р. «Михалыча», который был близким другом Адлана, - тот поскандалил с Тасом по поводу нечистоплотности в финансовых делах последнего, высказав угрозу и напомнив, что Тас практически является никем. И что авторитет, в отличие от Хана, не представляет, а просто чересчур возомнил о себе в силу доверенных ему полномочий.

Тас испугался Адлана, зная его характер и то, с какой легкостью он нажимает на курок пистолета. Затаив злобу, Тас отдал приказ «Максу» - Максиму Лазовскому – и тот его выполнил, несмотря на очень близкие - в связи с совершаемыми неоднократно акциями по убийству неугодных власти - отношения с Адланом. Тас в узком кругу, оправдываясь, говорил, что Адлан шмальнул в его ногу, и поэтому «Макс» вынужден был застрелить его, и обезглавленный труп утопили в Ярославских болотах.

Когда же для поиска трупа и с целью мести в Москву приехал брат Адлана, эту информацию мог знать только Тас. Он-то и предупредил Макса, указав на автостоянку, где следует заранее подготовить засаду, - что и сделано было, в результате чего погибли брат Адлана, еще пара человек с обеих сторон, и от перестрелки загорелось несколько автомобилей.

Ранее уже упоминавшееся убийство дагестанских предпринимателей, решивших вклиниться в нефтяной бизнес, так же было совершено по настоянию Таса. Капитан ФСБ Макс – Максим Лазовский выступал в роли водителя, телохранителя и советчика Таса, а главной его обязанностью было принуждение предпринимателей к принятию требуемых решений в нужном направлении, с отчислением установленной суммы; разработка, подготовка и убийства неугодных. Как случилось с директором Таупсинского нефтеперерабатывающего предприятия и множеством других.

«Маратка» - Марат Васильев, что сейчас находится в заключении, сначала осуществлял поддержку «Михалычу», который якобы объявлен в федеральный розыск, хотя лишь до конца 1995 года контролировал некоторые коммерческие структуры, расположенные в «Рэдисон-Славянской». Марат с «Михалычем» ездили в Венгрию с целью осуществления поставок автомобилей в Россию, но как только до Таса дошли слова, оброненные «Михалычем» о том, что смерть Адлана Натаева лежит на Тасе <http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material.html>, то последний вызвал Марата в офис на проспекте Вернадского, и со словами

«Ты что, забыл, чему тебя обучали и к чему готовили?!», забрал его под свою команду.

Там же, в здании на 7 этаже, над «Тверьюниверсалбанком», около бывшей гостиницы «Дружба», Марата сфотографировали в специально принесенной по требованию Таса Ахмедом Мурдаловым (однокашником и односельчанином зятя Аллы Пугачевой, Руслана Байсарова) для этого случая форме старшего лейтенанта. А позже ему выдали удостоверение сотрудника ФСБ.

В дальнейшем Маратка выполнял все поручения Таса, так что за убийством крупного предпринимателя (по кличке Бендер, а по фамилии Наумов) в гостинице «Мэрриот» на Тверской, как я сказал, и прочими делами, стоит только майор ФСБ Тас – Семен Худайнатов <http://www.chechenpress.info/events/2008/03/20/1f.shtml> .

В Дмитрия Наумова 23 сентября 1996 года стрелял орденосец МВД, получивший награды в Чечне, - Кирилл Борисов (Макс Лазовский уже сидел). Стреляя сразу из двух ТТ, все пять пуль Борисов всадил Наумову в голову. А причиной убийства был невозврат Хану денег фирмой Наумова «Dimeх», зарегистрированной в Италии. Эти деньги Наумов задолжал за полученные нефтепродукты.

Эта бригада, которая исполняла задания Таса по устранению неугодных, состояла из Кирилла Борисова, Алексея Сукача, Армена Шехояна и Павла Смирнова. Ими также был убит Александр Байрамов – руководитель фирмы “Harley Enterprises”, занимавшейся импортом сигарет, в основном «Парламент». Байрамов стал конкурентом (ввозом раньше занимался Погосов, человек Хана), его «поставили на счетчик», то есть предъявили ему сумму, которую он должен был уплатить, а когда он начал тянуть и скрываться, то был убит 11 июля 1997 года Борисовым и Шехояном. После каждого убийства всю бригаду отправляли «на отстой» в Чечню, в большой дом по улице Спокойной на Бароновке, где они ожидали, пока все утихнет. Соседи видели бросавшихся в глаза молодых, крепких русских парней с уверенными физиономиями, выходявших из дома, где прежде они не жили. В Чечне это не утаить, тем более – в частном секторе.

На суде все четверо ничего не сказали, так как прекрасно знали, что именно их ожидает в случае малейшей утечки информации. А так – им было обещано, что ФСБ их со временем освободит, и от заказчиков наградят премиальными.

Когда бригаду стали судить, то по вновь открывшимся обстоятельствам пытались привлечь и Максима Лазовского. Вот в этот момент, перед тем, как пришла повестка, его и устранили, расстреляв в Одинцовском районе, где Макс после освобождения купил большое домовладение. Труп положили около церкви – убив «с почетом»: все заказы Макс выполнил и никого не выдал. Он был очень предан Хану, «отмороженный» и упертый, с «подтекавшей» на религиозной теме «крышей», так как себя возмнил святым или божественно избранным. Когда его подруга посмела усомниться в последнем, то Макс прострелил ей ногу из пистолета.

В то время я знал о трех офисах, образованных ФСБ в Москве под видом фирм с непонятным родом деятельности, где на самом деле «отворачивались» средства из бюджета, отпускаемые в основном под предлогом восстановления Чечни или под выигранные многомиллионные тендеры по возведению каких-либо объектов, как, к примеру, «Торгового центра» на Манежной площади или «Нефтяного терминала» в Новороссийске. Фирмы получали субподрядный договор на поставку чего-либо или проведение каких-нибудь работ и услуг, на их счета поступали крупные транши, которые далее разными путями уводились.

Глава 21. Аферы в банках Москвы под контролем ФСБ.

В 1995-96 годах я имел некоторое отношение к «Коммерческому банку социального развития», что был в 3-м Кадашевском переулке, и к «Христианскому Российскому банку», который находился за углом от «МУРа» - Петровки 38, то есть бывал с крышующими, состоявшими в одной из структур Таса. А хозяйкой обоих банков была достопримечательная Валентина Петровна Фарафонова.

Валентина Петровна представляла собой весьма занимательный экземпляр женского рода, с кубышкообразным телом, невысокого роста,

и к ней вполне подходит определение, что ее «легче перешагнуть, чем обойти». Дама с умышленно подчеркнутой безвкусицей в одежде а-ля сэконд хэнд, что и в лавке какого-либо старьевщика трудно отыскать, и с вечной гирляндой тухло-красного цвета бус, подобных ушам врагов на шее дикаря-каннибала. Весь ее вид был рассчитан на то, что, встретив ее у церковной паперти, не задумываясь подадут милостыню (если ранее не обратят внимание на хитрый блеск в ее лживых глазах).

Она умудрилась опустошить до банкротства несколько кредитно-финансовых учреждений и, в том числе, банки «Горный Алтай», «КБСР», ХРБ» - и избежать больших неприятностей с правоохранительными органами. С банка «Горный Алтай» она вместе с бывшим «уполномоченным представителем президента Ельцина по урегулированию осетино-ингушского конфликта» Хижой увела через офшор на Кипре несколько сот миллионов долларов из тех, что поступали на восстановление разрушенных ингушских сел в Пригородном районе, и все время валила вину на Хижу, твердя, что к ней лично в результате этой операции ничего «не пристало».

Дама «съела» множество межбанковских кредитов, раздав ссуды подставным фирмам по подложным гарантийным обязательствам с предварительной известностью невозврата денег, так как они просто обналичивались и делились ею с лицом, представлявшим фирму по фальшивым документам. И сейчас она продолжает играть роль доверчивой и всеми обманутой бедолаги, за душой у которой и на хлеб не всегда хватает, в то же время проводя «подчистки» где-то в «Тэпко» или «Нефтехимбанке» по заданию ФСБ, там, где проходили операции с бюджетными деньгами «подставными» фирмами ФСБ.

Не знаю, какой степени фальшивости были удостоверения сотрудников ФСБ у Максима Лазовского, Виктора, Марата Васильева и Таса, но они им позволяли заходить, как к себе домой, и в ГУВД на Петровку 38, и на Лубянку в ФСБ России. Так, когда «Отдел по борьбе с экономическими преступлениями» ГУВД Москвы завел дело на гражданку Фарафонову Валентину Петровну по поводу пропажи больших денежных средств из банков, которыми она управляла, то Тас, Макс и Виктор заехали вместе с Валентиной Петровной в ГУВД, затребовали дело и отвезли Фарафонову

вместе с делом на Лубянку. Там с ней побеседовали, дав инструкции и обязав подписать вербовочные бумаги, а дело положили в сейф.

Убийства бригадой под руководством Таса.

К нам в банк «КБСР» часто навевались и Рамзан «Михалыч» с Маратом Васильевым тогда еще, и Тас с Максом и Виктором. Если первые – просто посидеть, выпить кофе и поговорить, то вторые – по каким-то конкретным делам. Так Тас забрал к себе на работу в офис на проспекте Вернадского Архипова, на которого тогда была возложена обязанность управляющего банком, а Валентина Петровна взяла себе пост «Президента совета директоров банка».

Архипов был известным в Москве предпринимателем, вхож в правительство Москвы, ранее возглавлял сеть магазинов «ЮНИКОР» и, уходя в фирму на должность руководителя, которую предложил ему Тас, взял своего компаньона Игоря Клейманова. Позже, как-то при встрече, Клейманов скажет, что Архипов убит, так как его заставили перегнуть по платежным поручениям все деньги, что в огромных суммах поступали на счет руководимой им фирмы в виде траншей из бюджета, как на уполномоченную по восстановлению Чечни, и первый только транш составлял 17 миллиардов рублей, что было тогда около 2,5 миллионов долларов.

Фирма та находилась, как уже упоминалось, на 7-м этаже в здании, первые этажи которого тогда занимал «Тверьуниверсалбанк» по проспекте Вернадского, и представляла собой несколько пустых кабинетов, один из которых был чем-то вроде столовой, а в конце коридора – приемная со входом в хорошо обставленный офисной мебелью кабинет руководства. Напротив приемной – что-то вроде экспозиционного зала с какими-то полушубками, побитыми молью, и другой ветошью двадцатилетней давности, что должно было создавать вид некой деятельности.

Роль секретаря и завхоза исполнял заштатный подполковник особого отдела (отдел КГБ в армии), ВВС из летной части, что в советское время располагалась на аэродроме в Ханкале Грозного, и именно о нем говорит

в своей книге «Взрывая Россию» подполковник ФСБ Литвиненко, как об одном из закладчиков взрывных устройств в общественном транспорте Москвы 1996 года. - Тогда особисту было лет около шестидесяти, русский по национальности, то ли Михайлович, то ли Николаевич, точно не помню по отчеству.

В банке «КБСР» Валентина Петровна разыгрывала свой спектакль со взятием обязательств по долгам вкладчикам «ХРБ», раздачей обещаний и схождением в сожительство с отставным адмиралом ГРУ МО СССР В. Афанасьевым - личностью довольно импозантной на вид, но по сути крайне бесстыже-лживой, - деградировавшим алкоголиком, который мог, еженедельно пуская слезу, клятвенно заверять, что мол пусть его считают последним человеком, если в следующий вторник трудовой коллектив банка не получит причитающейся зарплаты...

Фарафонова, оставшись управляющей, поставила адмирала В. Афанасьева «Председателем Совета директоров банка». И тут-то началась какая-то параноя с украшением кабинета Андреевским и другими флагами, с ежедневными приемами представителей известных политических движений и атаманов казачества всех мастей и уровней, от «Всероссийского казачьего войска» - до атамана войска какой-нибудь «Чукотки». То были представители коммунистической партноменклатуры разного ранга, сотрудники, инструктора ЦК КПСС и прочие «околочленники» Политбюро Компартии СССР, бывшие представители спецслужб СССР, в ностальгической тоске по спецраспределителям и другим дармовым кормушкам закрытого типа, коммунистической верхушки советского периода, - со скрежетом ломая вставные челюсти, вспоминали о сладком для себя времени.

Все это до смешного напоминало небезызвестный «Союз меча и орала», а адмирал Афанасьев в роли Остапа Бендера раздавал чины и портфели, увещевая всех, заверял в финансовой поддержке, убедительно твердя, что транспорт с деньгами Коммунистической партии СССР уже выехал, вывозя из банков Швейцарии неимоверное количество валюты, и осталось только выслать экспедицию в Брест для встречи на границе.

Заканчивали, как и подобает случаю, «конспиративной» попойкой с казачьим салом в закуску - забаррикадившись в кабинете

Афанасьева, а то в пустом денежном хранилище. В результате «титанической» деятельности в «глухой конспирации» они пришли к созданию «нелегальной партии», которую назвали «Золотая Ось», напечатали «Устав» и «Программу» в довольно красочном оформлении, где излагались способы прихода к власти в доведенной до кризиса стране, ее (власти) узурпация, а пост президента страны вводился пожизненно с переходом по наследству от отца к сыну. И в том правительстве В. Афанасьев становился министром финансов.

Что удивительно, было немало веривших в этот блеф, и с удовольствием угощали, поили В. Афанасьева, подкидывали ему денег в надежде получить обещанные «райские кущи». Так хозяева «Кисловодского фарфорового завода», приехав с сотрудниками тамошнего ФСБ, немало потратились в обмен на обещание беспроцентного кредита в 200 миллионов долларов под развитие своего производства. Весело, неправда ли?

Время от времени Афанасьев снимал телефонную трубку и справлялся с невидимым «Александром Васильичем», «дававшим ему добро» на финансовые сделки. Подразумевалось, что с Коржаковым. Но на самом деле как раз этот аппарат с гербом и без цифр, из бывшей советской «вертушки», и был всегда отключен.

Позже банк окончательно «утонул», решив связаться с КПРФ и поставить на Зюганова в 1996 году, а Фарафонова отправилась в «свободное плавание по курсу ФСБ» из банка в банк.

Единственным здравомыслящим человеком из «тусовки» адмирала Афанасьева оказался генерал-майор КГБ в отставке по имени Рэм, проживавший в Ясенево по улице Тарусской. Послушав несомый вокруг бред, Рэм вовремя отошел и примкнул к сделке, проводимой командующим сухопутными войсками России, ныне президентом Карачаево-Черкессии и чеченским зятем (Тамары Салгериевой, делившейся выручкой с полковником МВД Абдул-Кахиром Арсановым, получаемой с борделей, которые в горбачевское время Тамара держала на персональной даче-дворце бывшего первого зама МВД ЧИАССР Гусинина, рядом с Аргунским ЛТП среди прудов с форелью и соответствующей красоты пейзажа, где и мне довелось побывать),

генералом Семеновым, по продаже боевых вертолетов под видом металлолома от сбитых в Чечне машин. То есть продали новые вертолеты по цене веса металлолома, по документации сделки, а разницу разделили между собой. «Нагрелись» и приятели юности жены генерала Семенова, Фатимы Салгериевой: А. Абдулвадуов и Р. Габисов.

Весной 1996 года я зашел в один из тех офисов, созданных ФСБ под видом коммерческой фирмы, занимавшейся куплей-продажей каких-то продуктов питания, и где на выставочном стенде стояли банки с сомнительного вида консервантами и прочей ерундой для прикрытия. Конечно, подобного рода сделки, как основные, указанные в «Уставе» фирмы, проводились попутно и вяло, - что-нибудь по реализации водки или подсолнечного масла, в тишине и в ожидании момента, когда поступит договор на заказ из федерального бюджета. Офис находился на площади Маяковского, в том доме, где жил М. Булгаков, и где ощущается дух героев его «Мастера и Маргариты». Что наталкивало на мысль: эта дьявольская служба ФСБ неспроста выбрала здание, чтобы подпитываться духом нечистой силы...

За мной в офис, чуть позже, взволнованно вбежали Марат Васильев с еще одним, очень хорошо мне знакомым, человеком, зятем Таса, который бросился к телефону и стал нервно куда-то звонить, стуча кулаком о ладонь другой руки и матерясь – «п...ц ему!», а потом спросил, видел ли я Усмана Адаханова, и где его можно найти? Этот человек мог получить поручение найти Усмана только от Таса, и стал бы вот так старательно его исполнять. Я ответил, что Усмана видел где-то неделю назад, и спросил, зачем он ему нужен, так как хорошо знал, что он с Усманом практически не имеет никаких отношений.

Тот ответил мне, что Усмана срочно ищет «Дядя», то есть Тас, и это показалось еще более удивительным, потому как я был в курсе разговора между Усманом и Тасом в офисе на проспекте Вернадского. Незадолго до этого Тас, позвав Усмана в офис, решил настоять, чтобы Усман свернул деятельность в Новороссийске по нефтяному бизнесу, - мол, это задевает интересы Хана и путает его планы. На что Усман, буквально взбесившись, так «наехал» на Таса, крича, что тот, мол, «овца, ничего не представляющая из себя, выращенная Ханом и прячущаяся за его спиной», и что он, Усман, волен «всегда преследовать свои интересы там,

где считает нужным, а указчиков не потерпит, и в Новороссийске проделал работу сам лично, на свой страх и риск убив нескольких человек, чем Тас и Хан теперь и воспользуются, не учитывая всего этого?!». Тас после такой беседы выскочил из кабинета с пунцового цвета лицом, с явным страхом и растерянностью в глазах.

На другой день мне сказали, что Усман застрелен на выходе из гостиницы «Балчуг», а подполковник ФСБ Тас говорил, что отношения к этому не имеет, и что Усмана искал по просьбе «вора в законе» Петрика, который якобы и назначил встречу в «Балчуге». Петрик, конечно, регулярно бывал в «Балчуге», где зачастую они ужинали вместе с Тасом, и часто имя «Петрик» связывают с контролем за нефте-газовым бизнесом и упоминают в улаживании спорных вопросов в этом бизнесе. Но, думается, глупо предположить, что тот назначил встречу с собой лично, за порогом выставив киллеров.

Глава 22. Симбиоз криминалитета и ФСБ.

Характерную историю поведал о «Петрике» один из бывших крупных акционеров и сотрудников Газпрома высшего ранга, занимавшийся в свое время обеспечением этой богатейшей и самой крупной монополии России (его фамилию я опускаю сознательно), и ныне старающийся не показываться на поверхности людского внимания, уйдя глубоко в тень. На предложение сотрудничать в бизнесе, сидя в одном из кафе на Кутузовском проспекте, он ответил, что более пятнадцати человек из его хороших знакомых в Газпроме отстреляны, и он сам откровенно боится их участи. А когда он, как один из держателей акций, занимающий солидный пост, решил выйти из игры, скрывшись за границей, так как на него оказывалось прямое давление и шли угрозы с требованием отписать свои акции, то в аэропорту «Шереметьево» его сняли с борта самолета «хлопцы из бригады Коржакова», то есть Федеральной службы охраны, в ту пору президента, Ельцина; отвезли в тюрьму ФСБ Лефортово, где в одном из кабинетов предложили либо отдать акции - либо им займется сидящий тут же, в кабинете, «Петрик».

«Вор в законе» и «Федеральная служба охраны» сидят в одном кабинете самой закрытой тюрьмы страны и решают общие вопросы, - где еще в мире встречается подобное?

Вообще «Коржаковская гвардия» не раз показывала свою лихость и превосходство над всеми силовыми структурами России. Многие, должно быть, помнят «Черный вторник» ноября 1994 года, когда был устроен преднамеренный обвал рубля с некоторым подъемом позже, с целью наиграть огромные суммы доверенными банками и заменить Геращенко на посту управляющего ЦБ РФ, тогда - на Парамонову, чья дочь замужем за бывшим офицером спецслужб Басхановым, и уже находилась с ним на Кипре, в открытом там Егоровым филиале «Кубань-банка», - и помнят, как «Коржаковцы» в черной униформе и масках положили на пол всех сотрудников, охрану и даже подоспевших к «Мост-банку» ФСБшников. «Кубань-банк» и был открыт на оффшоре Егоровым, Парамоновой и их командой специально с целью увода бюджетных денег.

Эта жесткая силовая акция в «Мост-банке» была проведена потому, что он тянул с долей Сосковца, Коржакова и Барсукова, в то время как информацию о скачке валюты получил заранее. Ко мне чуть позже с некоторыми вопросами обратился один биржевой игрок, В. А., получивший данные о предстоящем скачке за неделю - от Сосковца, через его охрану, где он должен был им отдать одну треть из наигранных 28 миллионов долларов, то есть 7 миллионов долларов.

Биржевой маклер должен был по условиям играть от какого-то банка, и действовал от Сбербанка, который депонировал за него страховую сумму на бирже. В случае проигрыша эта сумма уходила бы бирже. А при выигрыше треть шла бы банку, треть – Сосковцу, и треть - игроку. Но так как вариант был беспроигрышный и просчитан заранее, то всякий риск здесь отсутствовал. Игрок выступал лишь как подставное доверенное лицо, обязанное распределить прибыль. Маклер был обманут начальником отдела ценных бумаг Мытищинского филиала Сбербанка и обратился за помощью.

Не знаю, как подразделение ФСБ, руководимое в Москве Тасом (где начальством – генералитет ФСБ, приближенный к высшему руководству

Кремля, а один из главных советников, разработчиков и руководитель проводимых акций, как показано, Хан), называется в секретных документах ФСБ: если не отдел «А» - «антитеррор», то, может быть, «Л» - «ликвидаторы», или «Т» - отдел «планируемого террора». На замену навсегда «выведенному» из игры Максусу, временно «отстраненному» Марату (а тот и не был крупной фигурой в этой структуре), набраны новые. А Тас в окружении офицеров ГРУ гуляет в дорогих ресторанах Москвы, произнося тосты за победу дела и утверждая, после 11 сентября, что результат проводимой операции предрешен, и З. Яндарбиева скоро приведут к власти в Чечне.

Планы их могут измениться в связи с обстоятельствами и подлостью, наглостью и уверенностью в своих действиях этого подразделения, но коварно использованный в их игре Яндарбиев стал невольным обладателем информации о системе безопасности американских аэропортов гражданской авиации, о воздушных коридорах, системе навигации. Эту информацию, полученную от Нухаева с целью наказания Америки как пособника войне в Чечне (чем и купили Яндарбиева, - ведь Клинтон давал большие кредиты Ельцину, за счет которых тот и вел войну в Чечне), Яндарбиев передал таллибам во время своей поездки в Афганистан.

В полном неведении об истинных заказчиках и прогнозируемых ими последствиях огромных скачков цен на нефть, Яндарбиев, привезя Бен-Ладену информацию от ФСБ, сподвиг этим таллибов на проведение акции 11 сентября.

Эти сведения я узнал мимоходом в ситуации, никак не соответствовавшей серьезности предстоявшей трагедии Америки и всего цивилизованного человечества. Весной или в самом начале лета 1997 года мы сидели на одном из чудом сохранившихся островков жизни разрушенного войной города Грозного, около нашего «барского дома», где я прожил всю мирную жизнь, и одна половина которого сгорела в августе 1996 года от попадания реактивного снаряда российской артиллерии, а во второй еще ютились люди.

Вот как это было.

Грозный расположен в низине между отрогами Сунжинского и Терского хребтов: он находится как бы в яме. Нефтяной город-труженик с плывущими по реке Сунже масляными пятнами и в советское-то время просыпался в тумане. Это были пары фенола и других ядовитых химических веществ, выбрасываемых нефтеперерабатывающими заводами, - город всегда пах нефтью. А во время войны российские войска заняли все главенствующие высотки: бои и велись-то сначала за эти позиции, и там были установлены все виды вражеской артиллерии. Оттуда шел регулярный обстрел по городу, небо барражировали самолеты, сбрасывавшие на жилые кварталы бомбы и ракеты. Продвигавшуюся мотопехоту поддерживали сверху вертолеты. Вот и представьте: город полностью тонет в дыму, горят нефтеперерабатывающие заводы и мазутные хранилища, черный дым застилал белый свет, а днем стоит та же ночь, так как солнце к людям не проникает. Носоглотку забили копотью и сажа...

Никто не верил, что город подвергнут уничтожению: одна страна, «родненькие» генералы, - ну как они будут стрелять по своим, сбрасывая бомбы на головы, а потом и просто расстреливая по дворам, отбирая у тех же бабушек последний скарб – старые ковры, телевизоры?! Один кожвенеролог, хороший парень Руслан Беймурзаев, заступился за женщин и стариков, оставшихся во дворе и прятавшихся в подвалах во время обстрела, когда вошедшие мародеры из войск МВД стали отбирать у них утварь. Руслан прогнал оккупантов, они выехали со двора. И уже оттуда их снайпер застрелил Руслана на глазах матери. Хоронить пришлось во дворе, так как в то время сильнейший обстрел не позволял это сделать на кладбище.

Также напротив нашего дома находилась многоэтажная городская стоматологическая поликлиника. На верхнем этаже жил еще один Руслан, тезка. Он постоянно наблюдал обстрел и знал, что ближайший снайпер работает с двенадцатиэтажного дома, в прямой видимости метрах в трестах напротив. Руслан передвигался по квартире ползком или нагнувшись. Как-то решил он побриться перед зеркалом. Только намыллил лицо, и в это время пуля угодила в лоб его отражению... Снайпер не понял, что это было лишь зеркало.

Помимо артиллерийского огня, город простреливался изо всех видов стрелкового оружия. Российские снайперы, занявшие все высокие здания, вели не просто ожесточенную, а озверелую пальбу, уничтожая подряд все, что движется, не разбирая ни пола, ни возраста, ни национальной принадлежности. За квартал от нашего дома находился родильный дом, над которым возвышалось жилое здание Гипрогрознефти. Засевший там снайпер с невообразимой жестокостью отстреливал все живое, и на перекрестках у нашего дома им были убиты четыре русские женщины, а чуть подальше – известный в городе врач-стоматолог особо невоенной, интеллигентной внешности, по имени Нохчо.

Как и во всех остальных дворах, картина во дворе нашего «барского» дома мало чем могла выделяться. Оставшиеся – те, кто не мог и не хотел уехать, не веря в предстоящую бойню и боясь потерять имущество – во время обстрела спасались в подвалах бомбоубежища, смонтированного и поддерживавшегося властями по всему Союзу еще со времен холодной войны. Кроме обывателей, в нашем бомбоубежище были раненые, в их числе Лема Алаев и Хасан Хадисов.

Двор был хорошо защищен большими тополями, растущими во дворе. Пролетающие снаряды попадали в верхушки и срабатывали там в высоте, что часто спасало людей. Жители чувствовали по ходу обстрела, что снаряды вот-вот начнут падать ближе, и тогда спешно прятались в бомбоубежище и оттуда практически не выходили. А когда, особенно в августе 96-го года, начался повсеместный массированный обстрел изо всех видов артиллерии, то из подвалов уже просто невозможно было выйти. Хорошо, что у многих еще с советских времен в подвалах хранился провиант – запасы варенья, солений, муки, и кое-что удалось принести туда из квартир.

Боялись выйти наружу еще и потому, что многие семейные пары по очереди хранили на себе валюту и золото (муж в туалет – жена под одеждой деньги прячет, и наоборот): жадность иногда побеждала страх. Так вели себя бывшие обкомовские работники; как проявляло себя большинство, не хотелось бы вспоминать.

Большой проблемой курящих мужчин были кончившиеся сигареты: уже выисканы оставшиеся окурки. Курили даже обломки от желтых соломенных веников. Воды не было абсолютно, так как коммуникации водоснабжения оказались разрушены снарядами, и приходилось пить воду, оставшуюся в системах отопления: она простояла там несколько лет и была коричневой от ржавчины. Пытались ее кипятить и раздавали буквально по пайкам, в первую очередь детям, у которых от «воды» начались диарея, рвота, болели животы. Также собирали по каплям остаток конденсата с паровых труб.

Когда от ракеты, попавшей в одну часть «барского» дома, загорелась его половина, то мужчины попытались тушить пожар. Как раз в квартире судьи Верховного суда Вахи Сибирова, куда угодила ракета, стоял маленький бензиновый движок-генератор, вырабатывавший электроэнергию, с помощью которой люди во время войны могли смотреть программы телевидения, так как другого электричества в городе не было. Так в полнейшем переполохе узнавали какие-то новости. А рядом с движком стояли ведра с бензином для заправки этого генератора. В пылу пожара кто-то из принявших участие в тушении схватил в запарке ведро с бензином вместо воды и плеснул на огонь. Пламя резко вскинулось с мощным хлопком, и произошло такое возгорание, которое потушить уже было невозможно. Сумели только отсечь по перекрытиям часть дома, оставшейся целой. Так и спасли нашу половину «барского» дома. Но едкий дым заполнил весь двор, и этот дым, сам по себе тяжелый из-за углекислого газа, стелился над землей и проникал в подвалы. В бомбоубежище стало невозможно дышать, и жители спасались не системой воздухоочистки, стоявшей там с Великой Отечественной, а смоченными влагой тряпками, через которые дышали вместо противогаса. У моего шестилетнего сына Дени после этого начался сип - крупозная ангина, и его потом долго держали в больнице, когда удалось туда вывезти.

Так пострадали многие дети: в бомбоубежище пряталось человек тридцать вместе с детьми. Перед началом войны в дом вернулись те, кто уже пошел работать в российские структуры, и многие из находившихся там мужчин верили в российскую оппозицию. Они служили в структурах завгаевского пророссийского правительства. Молодежи, конечно, там не было, и женщины тоже были в годах, и мужчины - лет шестидесяти

(кроме сыновей судьи – и раненых). Кого-то от страха прохватывал понос, и они спасались оставшимся алкоголем: мужчины пили и спали. Пьянкой глушили ужас, мучаясь без курева и воды. А всего лишь через дорогу на проспекте раскинулись палатки – разбитые коммерческие магазины, в которых лежали сигареты, бутылки с водой, печенье, жевачка... Томившиеся в бомбоубежище фантазировали, каким путем можно было бы взять там оставшееся. Но никто не решался.

В это время еще и снайпера обстреливали город полностью со всех сторон, а наискосок от «барского» дома по улице Грибоедова было расположено здание штаб-квартиры и общежития ФСБ, обложенное бетонными плитами, и оттуда тоже велся обстрел. И вот в самый разгар стрельбы по ступенькам бомбоубежища вдруг стал спускаться мой брат Олег, неизвестно как прошедший во двор с улицы. Все были поражены его смелостью, и в руках он держал бутылки с минеральной водой, блоки сигарет, пачки печенья и пряники детям, кое-какую еду. Радости не было предела, все расспрашивали о новостях в городе, кто где стоит и откуда стреляет, кто побеждает, - ведь вокруг все смешалось.

Брату было под сорок, он появился в кроссовках, камуфляжной куртке и джинсах. Еще не затихла перестрелка с отрядами Сопротивления, и он участвовал во взятии штурмом здания ФСБ. Боевики подожгли дом, и это он дал совет закидать здание коктейлем Молотова – бутылками с зажигательной смесью, потому что хоть со стрелкового оружия вести обстрел было возможно, но это не причинило бы зданию вреда, а подогнанный туда танк не мог вести стрельбу из-за близкого расположения других жилых домов. ФСБшники были очень сильно укреплены, защищены бетонными перекрытиями и оборудованными огневыми точками, но здание уже горело – и все вокруг тоже, и вот в этот момент брат, зная, что дети здесь погибают без воды, а мужчины и без курева, отважился сюда заскочить. Детей в бомбоубежище было примерно восемь, только шесть - шестилеток. Кто-то очень бурно хвалил Олега, а кто-то, чтобы прикрыть собственную трусость, подсмеивался с издевкой, принижая чужие достоинства: «Тоже мне сумасброд, полез под обстрелом»...

Олег раздавал на ступеньках сигареты, мужики их выхватывали из рук, и тут у него из подсумка выпала боевая граната. Запалы хранились

отдельно, и она была неопасна, но покатила вниз, и мужики со страху попадали лицом вниз на пол, заложив руки за головы. Брат успокоил, что запал не в гранате, и тогда они попытались выйти из положения, стараясь хоть как-то сохранить лицо. Пожилые стали Олега учить: «Да ты что. Она может взорваться. Так нельзя носить»...

Позже брат погиб в бою между Шами-Юртом и Валериком, во время штурма российского блок-поста, окопавшегося у реки.

Светлая память всем погибшим в Газавате за свободу и независимость своей земли.

...Очень активно помогала в бомбоубежище наша мама, не покидавшая Грозный в обе войны. Это она подымала людям боевой дух, перевязывала раненых, ухаживая за ними, чтобы они не простывали на голом бетоне. Это она организовывала питание из собранных запасов, так как женщины, как правило, терялись в таких условиях. Это мама своими советами и непреклонным оптимизмом спасала людей.

Глубоко пожилой, известный в городе человек – вдова Дзияудина Мальсагова на своём веку пережила три войны, начиная со Второй мировой. Жители ее двора, точно также, как и Валентина Петровна Мальсагова, проведшие бомбардировки двух русско-чеченских войн в подвале бомбоубежища, называют ее "мать Тереза". Этого сравнения жильцы дома удостоили Валентину Петровну Мальсагову за высокий дух и всестороннюю помощь нуждающимся. Именно так о ней писали и журналисты из Германии, Франции, Англии, присутствовавшие в первую войну в Чечне и освещавшие события из самого пекла.

В.П. Мальсагова первая указала иностранным корреспондентам на тайные захоронения мирных граждан, зверски уничтоженных российской военщиной в районе православного кладбища в Грозном. Обо всем этом вели трансляции немецкое и французское телевидение весной 1996-го года, называя Валентину Петровну «мать Тереза».

Давно ли Кадыров присвоил нашей улице в Грозном кличку народного палача?! А Валентина Петровна Мальсагова живет в «барском доме» с 1957 года, с момента вселения чеченцев и восстановления республики.

Во время Второй войны мемориальная доска на этом доме в память о подвиге ее мужа была сорвана оккупантами и расколота, и так и хранится с трещиной у вдовы Дзияудина Мальсагова.

Нет чеченца, любящего свой народ и Родину, гордящегося своей историей, изучающего её – и не знающего о нашем отце. В 1994 году Дудаев издал указ об увековечении памяти Дзияудина Габисовича Мальсагова, с переименованием улицы Дагестанской (названной так когда-то в честь дагестанского полка милиции, воевавшего в 19-м веке против чеченцев и проводившего колонизацию Чечни; полк квартировался на этой улице в крепости Грозной) в улицу Мальсагова, но первая война с агрессором в 1994-96 годах помешала укрепить мемориал.

В 1998 году Масхадов своим указом подтвердил указ предыдущего президента, выпустив свой, гласящий об укреплении таблички и о проведении праздничных мероприятий на улице Мальсагова.

ФСБ и теракты 11 сентября.

Обстановка напоминала пир во время чумы: среди развалин разбомбленных домов, испещренных воронками от взрывов мин, ракет и снарядов дорог, рядом с кое-где еще лежащими – сожженными, но неопознанными – трупами оккупантов, поедаемыми бродячими псами, один из предприимчивых молодых чеченцев «Пука» (Актемиров), пытавшихся выжить в этом кошмаре, открыл простенькое кафе, поставив несколько столиков с пластмассовыми стульями и газовый вертел для шаурмы.

Кафе примыкало к стене нашего круглого «барского дома», где в подъезде сожженной части еще находилось обугленное тело убитой осколками российского артиллерийского снаряда русской женщины. Когда она погибла, в городе еще шли обстрелы, помешавшие вывезти труп к кладбищу и по-человечески похоронить. Опознать женщину было некому, и пришлось тело кремировать, облив бензином, а останки положить в сгоревшем подъезде дома. Скорей всего, как это произошло и с тысячами других, для ее близких и сейчас судьба их жены, сестры, дочери, матери неизвестна.

В двух кварталах от нашего дома образовался и уже подходил почти вплотную стихийный Грозненский рынок, в который с началом Второй чеченской, Путинской войны и будут целенаправленно наведены спутником и запущены с базы Каспийского моря ракеты «Земля-Земля». Они уничтожат и искалечат сотни ничего не подозревавших мирных людей. Точно так же еще предстояла трагедия 11 сентября, почти параллельно планировавшаяся в одних и тех же кабинетах Кремля.

Мы сидели за столиком, с таким детским негативизмом заказав пиво из-под полы: мы свободно выросли в городе, где все знали друг друга и делали все, что хотели, в рамках морали; теперь же он был наводнен бородатыми «марсианами» в камуфляжной одежде, лишь единицы из которых в действительности принимали участие в Соппротивлении, а остальные были примазавшимися «рекламниками», еще недавно с удовольствием пропадавшими в пивнушках около Центрального рынка, куря анашу, а сегодня так грязно игравшими роль «праведных мусульман». Их деятельность выражалась в том, что они шакалили по рынку и рэкетировали несчастных женщин, пытавшихся добыть хоть какую-то копейку и прокормить выживших детей.

Тут остановилась машина, из которой вышел крупный бородатый мужчина в камуфляже и, пристально глядя в нашу сторону и почему-то улыбаясь, направился к нам. Сначала пришла мысль, что это так называемый новоиспеченный «ваххабит», который хочет прочитать нам наставление по поводу пива, но черты добродушного лица оказались знакомы. С громкими возгласами приветствия подошел давнишний приятель юности, с которым мы не виделись много лет, Муса «Карпинский», доводившийся близким родственником Яндарбиеву. Традиционно поговорив о здоровье и новостях, он рассказал, как воевал под командованием Хаттаба, участвовал в известном сражении возле Трампарка в Грозном и в Яраш-Марды, а сейчас выполняет какие-то секретные поручения Яндарбиева между Чечней и Азербайджаном.

В частности, он сказал, что если б не американская финансовая помощь, то война бы давно кончилась, и этот проклятый Клинтон очень помог пьянице Ельцину, а потому нужно отомстить Америке за убитых по ее вине. Я ответил, что народ не при чем, и что Клинтон давал деньги с

официальным условием, что они не пойдут на войну - хотя на самом деле прекрасно знал, на что их направят. Если б власть России не хотела воевать, она бы не посылала солдат, так что это - затея России.

Муса, тем не менее, сказал, мол, «Зелим говорил о том, что Америку мы так же накажем», и ему предстоит поездка в Афганистан по этому вопросу. Я спросил, по какому. Тогда Муса уточнил, что Яндарбиев едет с разведанными по американской безопасности и местам, где легче всего будет нанести чувствительный удар.

Я прекрасно понимал, под чьим гипнотическим влиянием находится Яндарбиев, и кто - агент влияния от ФСБ на него, но для вида спросил, откуда именно разведанные. Он ответил: «От нашей внешней разведки, которую возглавлял при Яндарбиеве первый вице-премьер, Хожа (Нухаев)».

Это лишь утвердило меня в подозрениях, ибо такие сведения можно было получить только из аналитических отделов СВР России. Ведь для этого нужно было иметь огромный штат аналитиков, обрабатывающих информацию, поступившую от российских шпионов, внедренных в США; использовать спутниковое наблюдение и другие средства электронной разведки. Но что именно было задумано, когда и где точно планировала проведение акции ФСБ, оставалось неясным. Позже, в связи с тем, что Яндарбиев мог понять, в каких целях его использовали, и во избежание утечки информации, Путиным было принято и осуществлено решение взорвать Яндарбиева с 14-летним сыном, только чудом оставшимся в живых, в Катаре.

Сам Яндарбиев, как сказано, не имел особо весомого авторитета среди чеченцев и вряд ли мог кого-то за собой повести и увлечь. Угрозы для России он так же с этой стороны, как лидер, не представлял, и обладание секретной информацией стало единственной причиной его устранения.

Глава 23. Как все начиналось.

Да, наш город убит. Во всяком случае, тот город, в котором выросло несколько поколений до высылки 23 февраля 1944 года - и после нее.

Подобно гнилым корням зубов во рту старого бродяги-бомжа, то тут, то там торчат остовы некогда красивых, дореволюционной постройки домов, возведенных фирмой Альфреда Нобеля и другими выдающимися иностранцами.

Город убит. С его кленовыми аллеями, фонтанами, парками, с его очень своеобразной, свойственной кавказскому менталитету аурой. А люди, жившие в том мире, - погибли не все. Они-то и убедили меня написать главу о сверстниках и нашей жизни в том городе, которого нет. Закрывать глаза и представить, будто бы нет Москвы или Санкт-Петербурга, трудно. Но мы все знаем, что города исчезают, как погибла Помпея.

Наш дом любой в городе знал под названием «барский». Это имя он получил, так как строился иностранными специалистами и для их проживания при подъеме нефтяной промышленности молодой советской республики. Почти напротив нашего дома через Августовскую или, как позже она стала называться, проспект Победы, в свое время располагалось представительство Альфреда Нобеля. Ведь кроме изобретения динамита, он был крупным нефтепромышленником. Так что в деньгах премии его имени есть деньги и из чеченской нефти.

Дом наш барским назвали, видимо, и потому, что он был богато построен с элементами готики – башнями, бойницами, на высоком фундаменте из песчаника. Все подъезды имели по второму «черному» выходу, как во двор, так и наружу. В середине двора стояли кругом пирамидальные тополя – выше строения, - между которыми росли кусты чудесной сирени, и всю композицию венчала клумба из огненно-красных каннов посередине, где мы позже вокруг разместили саженцы орехов, абрикосов, персиков, выкопанные при пацанских играх на строительстве театра, что возводился с 1957 по 1977 год напротив нашего дома.

Кирпич фундамента был темно-красным, сейчас такой не используют, и все это украшалось арками, сводами, причудливыми балконами. До сих пор чувствую тот чудесный запах, что будил меня по весне с восходом солнца, - запах свежести и роз, веявший с утренней прохладой из открытого окна. Тех роз, что росли на аллее проспекта Победы, начиная от нашего дома и до площади на станции «Грознефтяная».

В детстве я часто срезал те крупные колерованные розы, радуя маму и бабушку, хоть и приходилось врать, что сорвал их в другом месте, - но уж слишком прекрасны они были. Аллеи проспекта Победы были засажены липами, кленами и каштанами, между которыми шла живая изгородь из кустарника, а от нашего дома – из роз.

Этот проспект был наиболее зелен и тенист, что привлекало пожилых, да и все тут прогуливались или читали газеты на лавочках в сени деревьев. Перед мостом через Сунжу была площадь с гостиницей «Кавказ», где мы жили одно время, вернувшись из выселения. Позже на этой площади построили здание обкома КПСС, ставшее «Дворцом Президента» при Д. Дудаеве, бомбившееся на протяжении всей войны и в конце концов с неимоверной злостью взорванное Павлом Грачевым, как будто оно одно и есть виновник неистребимого свободолюбия народа, проживающего на этой земле.

Когда нам дали квартиру, в этом доме ее получил и Гайербеков, позже назначенный председателем Совета министров ЧИАССР. Больше лиц, как сейчас говорят, нерусскоязычной национальности не было. Да и вообще в ту пору власти всячески препятствовали расселению вайнахов (чеченцев и ингушей) в городе, загоняя их в горы - и то под контролем. Лишь только те, кто получал официальные посты и высокие должности, могли жить в Грозном.

Наш отец много писал о незаконности выселения вайнахов, о геноциде, о преднамеренном массовом уничтожении народа во время выселения 1944 года в Казахстан, Сибирь, Киргизию. Отец рассказал о трагедии Хайбаха, очевидцем которой он стал, и о том, как в 1942-43 годах под видом гитлеровцев в горах высаживался десант НКВД в немецкой форме, с провокационной целью раздававший горцам оружие, к которому невозможно было достать патронов, – и со спиленными бойками; а также фальшивые немецкие марки. Неграмотным горцам - что марка, что монгольский тугрик, – им бы муку да мясо дали... Но людей в форме боялись. Когда же вырвался оттуда и приехал на бричке в город местный председатель, то его самого закрыли, и он сгинул в ГУЛАГе.

Об этом и прочих фактах нашему отцу удалось, взяв меня на руки и приблизившись к Хрущеву, передать тому конверт с письмом в алма-

атинском театре <http://www.russianlife.nl/inkvizicija.htm> . После чего и была назначена комиссия, также подтвердившая изложенную в письме информацию о зверствах НКВД http://www.russianlife.nl/govorit_khaybakh.htm .

В 1956 году отец был назначен уполномоченным ЦК КПСС по «делам репатриации и восстановления республики» и направлен в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Это заведение находилось где-то рядом с Белорусским вокзалом, и я маленький бегал по всем коридорам этого здания. В детской памяти того периода запечатлелись два момента. Когда я упал сквозь уличные горизонтальные решетки над подвалом с типографией ЦК КПСС, и меня с трудом вытаскивали оттуда... Но самым страшным был поход с мамой в женскую баню общежития ЦК КПСС. Я расплакался, оказавшись в окружении голых теток с большими висящими титьками и клоками шерсти, торчащими из промежности. Тетки весело хохотали и пытались до меня дотронуться, - вот это было ужасно.

В 1958 году папу вызвали, под предлогом обсуждения книги, из Москвы в Грозный. Его Книга «Освободительная борьба народов Северного Кавказа» готовилась к изданию, и когда самолет отца сел в аэропорту Минеральных Вод, то к трапу подъехал «виллис» с сотрудниками КГБ. И отца арестовали, обвинив в антисоветской деятельности и пропаганде.

Мне же, хоть я и видел тревожные лица мамы, бабушки и что-то чувствовал, - говорили, что папа уехал в длительную командировку. Отсутствие отца не замедлило отрицательно сказаться на нашей семье. Когда он был дома, то у нас не кончались застолья и не было отбоя от просителей, носивших меня на руках. Теперь же нас, как прокаженных, обходили стороной. И мать не брали на работу даже уборщицей.

КГБ вынудил написать клеветнические показания на отца даже его двоюродного брата Хамида и его сыновей - Мусу и Усама, подержав их в застенках. Вот они и написали, будто отец руководил подпольной организацией, а их принуждал составлять листовки антисоветского содержания.

Мама не могла нас прокормить, тем более, что КГБ при обысках изъяс многие вещи. Спасало нас то, что бабушка работала в кафе «Арфа», и ей удавалось приносить кое-что из продуктов.

В нашем доме проживали большей частью номенклатурные работники, называвшие чечев и ингушей не иначе как «звери» или «шакалы». Вот и вылилась на меня-маленького их националистическая ненависть. Когда я играл с детворой и пробегал мимо женщин, сидевших на лавочках, они злобно шипели: «Ух шакаленок. Сын врага народа!». Не разрешали своим детям играть со мной, а если уж я кого ударю случайно или нет, такой вой поднимали и орали: «Твой отец в тюрьме как враг народа сидит, и тебя, зверька, скоро посадят!».

Злобило меня это сильно и, подрастая, стал мстить им по-своему. Закидывал в окна дымовые дустовые шашки, которые тогда использовали от насекомых вместо дихлофоса, позже стал бить детей, что были старше меня, а потом кое-кого из мужей тех самых женщин. Это была моя маленькая война – моя месть.

Отца, осудив, сначала отправили в «Тайшетлаг», где в то время сидели политические и военные преступники, а позже из Иркутской области перевели в Мордовский «Дубравлаг». И что ещё чётко врезалось в мою, тогда детскую, память, так это когда меня пяти- или шестилетнего мама взяла с собой на свидание с отцом в тот политический лагерь под Потьмой, где тогда его содержали.

Мне же продолжали в семье говорить, будто папа в правительственной комадировке. И открыли глаза только во дворе дома, в котором тогда проживала крайне шовинистически настроенная правительственная элита, состоявшая в основном из терских казаков и русских, так, что во дворе, как я сказал, всего две семьи чеченских было, и если я по-детски похулиганил, то родители ребят теперь кричали, будто я - «сын врага народа, и яблоко от яблони не далеко падает».

Я тогда мало понимал значимость этих слов, но было досадно, и, приходя домой, спрашивал у мамы: "Почему они кричат такие слова?". Мне отвечали - это неправда, они просто завидуют папе.

К отцу мы поехали через Москву, где нас встретили с поезда и увезли к себе на Большую Грузинскую члены семьи писателя-диссидента Алексея Костерина. Эти люди, прошедшие сталинские лагеря, всё время морально помогали маме, а иногда и деньгами, хотя сами жили не богато, и их почти не издавали из-за опалы Политбюро ЦК КПСС.

От Москвы до Потьмы мы добирались в "теплушках", насквозь продуваемых ветром. Помню - одну ночь перед пересадкой нам пришлось ночевать на полу какого-то заштатного вокзала на полустанке. Было жутко много народу, и все, храпя и почёсываясь, валялись на полу, благо он был деревянный, а лавок там совсем не предусматривалось. Всю ночь я боялся заснуть, охраняя маму, да и она практически не спала, так как опасалась, что мы вшей нахватаем, как потом я услышал на обратном пути из её рассказа Костериним.

Была ранняя весна, и кое-где ещё лежал снег. Но день был солнечный и ясный, когда мы приехали и стояли у деревянных ворот с колючей проволокой, натянутой поверху, а мама долго разговаривала с какой-то женщиной в военной форме, смотревшей на нас через маленькое окошко в стене. А потом зачем-то подсаживала меня к окошку, показывая этой женщине.

Мне было скучно, и всё это очень не нравилось. Я норовил убежать, чтобы изведать всё то вокруг, что притягивало внимание, было таким заманчивым и необычным: в том числе улицы почему-то были сделаны из досок, уходя вдаль среди бревенчатых домов, к черневшему вдалеке лесу.

По доскам дороги резво бегали красивые чёрные и белые козочки, с гоготом бродили гуси, а петухи важно выводили свои куриные гаремы. Один петух оказался таким задиристым и драчливым, что ошеломил, чуть было не напугав, когда мне удалось тихо вытащить свою руку из маминой, и я, пользуясь моментом, украдкой убежал в один из ближних дворов и, юркнув за дом, подошёл к сеновалу, что там оказался. Из чердачного окна постройки на землю спускалась деревянная лестница, по которой я с великой радостью стремительно взобрался вверх, распугав тамошних обитателей в лице ленивого рыжего кота и шумного куриного семейства.

В лукошке, утопшем в сене, лежали белые куриные яйца, но только я пригнулся над ними, как откуда-то сбоку на меня огненной молнией налетел рыжий петух, больно ударив шпорами в опущенную голову так, что прилично разодрал правую щёку. От неожиданности я вылетел через окно, скользя вниз по лестнице, ударившись о землю - чувствительно, но удачно, благодаря валявшемуся там сену.

На шум из дома вышла женщина, и я, прыгая через изгородь и преодолев забор, поспешил ретироваться, на бегу стараясь привести себя в порядок. А на встревоженный взгляд матери заорал, как ни в чём не бывало: "Там петух яйца снёс!". На что небольшая очередь ожидавших весело засмеялась, и нагоняй мне выпал незначительный.

Тут вдаль показались трое: двое – по бокам с винтовками и с пристёгнутыми штыками, ярко блестящими в лучах утреннего весеннего солнца. И мама сказала: "Вон папа идёт". А на мой вопрос "Почему дядьки с ружьями?" ответила: "Папу от бандитов охраняют". И почему-то крепче сдвинула своей рукой мою, не давая побежать мне папе навстречу.

Потом мы зашли в домик свиданий, где нас, закрыв снаружи, оставили вместе. Папа долго обнимал меня, обо всём расспрашивая. А когда я, гонимый любознательностью, вышел из комнаты в коридор, то на стене впервые в жизни увидел часы, из которых время от времени появлялась кукушка и весело куковала. Чтобы повторить бой, я стал подтягивать гирьки, но часы почему-то замолчали совсем...

Первую ночь я провёл, сидя у кровати родителей и держа отца за руку, не давая им и поговорить. И тогда он был для меня никакой не враг народа, а самый лучший отец, на которого злые люди в нашем дворе возводили напраслину.

Днём мы могли выходить в деревню за молоком и продуктами, и чего я испугался на самом деле, так это огромных свиней, которых увидел впервые.

Все это я отчётливо помню из далёкого детства, будто бы было вчера. Но тогда-то я многого не понимал, осознание и осмысление всего пришли

гораздо позже. Вот и сейчас перед глазами - фигурки двух человек, стоящих на одной из крыш лагерного барака и машущих вслед увозившему нас с мамой паровозу.

Это был папа - и ещё один чеченец, Магомед, преследуемый за веру в Аллаха и отбывший 23 года лагерей. Когда-то, уже отбыв пятнашку по первому приговору, он явился с душой, замирающей и трепещущей в ожидании встречи со Свободой, на вахту, и тут-то ему дали подписать «особое постановление» - еще 10 лет лагерей. Так делалось в сталинские времена, чтобы полностью добить человека. Но вера во Всевышнего все победила.

По освобождению Магомед поселился в Надтеречном районе, и его должны многие знать и помнить в Чечне, как кристально честного человека энциклопедических знаний, самостоятельно выучившего в заключении арабский язык, читавшего и переводившего Коран. Магомед снискал уважение как религиозный авторитет и чеченец железной силы воли.

...А мы им отвечали, маша в ответ из окна.

Глава 24. Детство в убитом городе.

С большим трудом маме удалось нас с братом устроить в детский сад, пребывание в котором началось сразу с драки. Нас окружили ребята, старшие по возрасту и готовые идти в первый класс: «Вы «чехи»? Вы звери?».

Нацменами в то время оказались там только мы. Кольцо сужалось. Жизнь меня научила, что бить надо первым и самого «понтовитого»: остальные, как правило, при хорошем ударе разбегаются или не так активны. А тут со мной был младший братик, которого я обязан был защищать, вот и ударил одному в нос. Прибежали воспитательницы, и я, как всегда, оказался кругом виноватым.

Прошло не много времени, и я стал главным среди мальчишек во всех играх и детских забавах, которые сам и придумывал. К нам доставили

новенького, его окружили мальчишки, а он, плача, кричал: «Не бейте меня, я русский!». Звали его Хамзат Бузуртанов. Я поговорил с ним и опекал его, советуя всегда гордиться национальным достоинством. В старших классах жизнь нас снова свела, к тому времени он стал трусом, подлецом, провокатором, впоследствии по совместительству игравшим на ударных инструментах в оркестре ресторана «Океан».

...В нашем доме жил Лёха Шаповалов, на пять лет старше меня. Его мать приводила военных из воинской части, что была рядом с театром напротив нашего дома, и каждый раз объявляла Лехе, что это его новый папа. От настоящего отца, талантливого спившегося художника, Леха унаследовал способности к рисованию и музыке. Вырос он-таки ловеласом и, не имея выдающейся внешности и не блистая умом, тискал дам то по чердакам, то по подвалам.

В детстве же Леха был отменным умельцем по изготовлению сначала рогаток, луков со стрелами, арбалетов, а позже «поджигушек» - упрощенных кремневых пистолетов, так что с возрастом мы делали однозарядные пистолеты под боевые патроны: 5,6 мм, «ПМ», «ТТ» и кое-какие взрывчатые вещества, тем более воинская часть была рядом, где всего необходимого валялось в достатке.

Насмотревшись фильмов про индейцев, как-то Леха позвал меня на охоту с луками. Я как раз разговаривал, высунувшись в окно, с соседским мальчишкой по кличке Зуй. Он завидовал тому, что я мог запросто на одних, без помощи ног, руках, подтягиваясь, подняться на крышу нашего дома по пожарной лестнице. Его собственная попытка закончилась плачевно: когда он поднимался по лестнице, Леха издал боевой индейский клич, натянул тетиву и выпустил стрелу из лука, а они у нас были сильные, чаще из кизилового дерева; тетиву мастерили из струн, а наконечники для стрел воровали на заводе «Красный молот», делавшем военную продукцию. Стрела вонзилась Зую между лопаток, он шлепнулся с высоты второго этажа, а Леха бежал... И остался я виноват.

Во дворе жила собака по кличке Черныш, оказавшаяся оцененнейшей сукой. В ней сидела собачья ненависть к ментам и военным, к людям в форме: видимо, она знакома была с трудом Ницше «Так сказал Заратустра», интерпретировав его по-своему. Черныш рвал униформу,

кусал за руки и за ноги «сверхчеловеков». Я из старых дедовских галстуков сделал ему поводок, и мы ходили на промысел. Как-то раз забрели довольно далеко для детей, на «12-й Трест», за стадион Орджоникидзе, где впоследствии генерал Рохлин ставил свои танки, создав там парк военной техники. Тогда за стадионом в частных домовладениях проживали казаки, и мы добыли у них дичь в виде курицы, которую Черныш едва не съел по дороге.

Леха сказал: «Это сокол! Сейчас мы обучим его летать и бить других птиц». Вернувшись с охоты домой, мы начали запускать сокола с балкона третьего этажа, но он почему-то шлепал крыльями и глухо падал на землю.

На другой день меня увезли на дачу детского сада в Пятигорск, а когда бабушка с мамой приехали меня проведать, то стали вдруг укорять, зачем же я украл курицу. Обиженный и возмущенный за своего сокола, я услышал, что Леха пошел продавать его за три рубля на базар, так как был старше меня и хитрей, и там их обоих схватили и доставили в «детскую комнату» милиции. Ревущий Леха во всем обвинил меня, мать вызвали в «детскую комнату», а «сокола» конфисковали.

Что бы Леха ни предпринимал, он сваливал все на меня. В классе первом-втором я сильно увлекся «поджигушками» и самопалами, как их еще называли. Заготовки – трубки стальные и медные – доставали мы на заводе, порох – в магазине «Спорттовары», позже – в «Охотнике», а до этого брали просто головки от спичек. Леха метко стрелял, и с верхушек деревьев сразу падало несколько воробьев, круживших обычно с чириканием тучами над нашим домом.

За свинцом для дроби и отливки пуль мы ходили на стрельбище стадиона «Динамо» или срывали свинцовые провода, что использовались для радио. Чтобы попасть на стрельбище, надо было залезть по ровной, высотой метра в четыре стене, а потом, пройдя по пулеотражающему бетонному козырьку, спрыгнуть вниз. Так мы как-то и сделали, но тут на нашу детскую беду возник директор стрельбища, полковник милиции в отставке. Он шел от единственного входа, держа в руках хлыст от удилища. Бежать было некуда, и директор до кровавых рубцов отхлестал

нас, издеваясь и заставляя лезть под ударами по голым кирпичам вверх по стене.

Потом мы ему отомстили. Забравшись на чердак, стали заряжать «поджигушки». Леха твердил: «Заряжай больше, а то не убьет». Трубка на моем оружии была медная, под мелкокалиберный патрон 5,6 мм, и забил я ее почти «под завязку», засунув пулю и затолкав сверху вместо пыжа гильзу, хоть и было предчувствие, что не выдержит.

Лехина - была с длинным стальным стволом, толстыми бортами, и туда под закат входила «волчья» картечь. Мы залезли на бетонный пулеотражатель, и в это время как раз вышел наш мучитель и, поставив тазик с водой на подставки для упорной стрельбы с прицелом, начал мыть тряпочкой обувь.

Я чиркнул – присыпка сгорела, и Леха выстрелил сам, в последнюю минуту чуть изменив направление руки, так что с выстрелом в тазике брызнул фонтанчик, и пули, прошив его насквозь, вызвали струи воды толщиной с детский наш пальчик.

Мужик одурел, а, увидев детей, стал кидать в нас обломками кирпичей. Мы же спрыгнули и убежали, довольные, что хоть и не попали, но отомстили.

По дороге я попытался выстрелить, и как чувствовал, трубку разорвало, поранив кожу на руке, а весь пороховой заряд влетел мне под кожу на лице, и я был конопатый. Еще долго из-под кожи вылезали крупные пороховые частицы.

И у Лехи, и у других ребят в центре Грозного сидела в душах шовинистическая ненависть, привитая им родителями и просыпающаяся время от времени в высказываниях типа «Зверьки», «Шакалы», «Чехи», как ко мне, так и ко всем вайнахам. Вражда со стороны, особенно русских и их представителей, что остались от казачества, выливалась в массовые драки и избиения.

Так, в 1957 году русские, протестуя против возвращения чеченцев и ингушей на свою историческую родину, подняли восстание, захватив

здание обкома КПСС, Главпочтамт и другие государственные учреждения, что по тем временам было неслыханно, и убив попавших по пути случайно вайнахов.

Все подобного рода акции в этой стране начиная с 1917 года организовывало ЧК, ОГПУ, НКВД, а тогда спланировало КГБ, - жертвы были запрогнозированы, и войскам был отдан приказ на открытие огня. Это действо, разработанное по настоянию первого секретаря обкома КПСС Яковлева и начальника КГБ по ЧИАССР, должно было дать основание убедить Хрущева в опасности возвращения чеченцев и ингушей в их родные дома.

Войска подавили восстание, Н.С. Хрущеву пришлось, опасаясь давления Запада, продолжить возвращение коренного населения, но ненависть, взлелеянная веками, осталась: имперский шовинизм, смешанный с хамством.

И ненависть росла в детях. Тогда приходилось нам каждый день драться, отстаивать честь.

Рядом со школой находилось ПТУ, и меня, второклассника, подкараулили двое. Один взял за волосы и ударил лицом о колено. Нос съехал в сторону и хлынула кровь, в глазах «поплыло».

В городе часто случались большие драки, напоминавшие древние войны. Между «Сахалином», где жили преимущественно казаки-староверы, и «Центром», между поселком Кирова с русским населением – и Алхан-Юртом, в издевательство названным «Ермоловкой», так, что вводили войска и устанавливали «комендантский час».

Мы также вынуждены были объединиться в «кодлу», где были два чеченца, три ингуша, два армянина, двое русских и иногда один еврей – ныне американский писатель Александр Наумович Минчин, тогда просивший его защищать, провожая от школы домой. Его родители преподавали в университете, и впоследствии, когда к отцу приходили студентки домой сдавать зачеты, Сашка это использовал. Выставляя все имевшееся в родительском баре и обещая уладить с отцом проблему зачета, как-то он упустил из виду, что одна девушка опасается

забеременеть. Тут Сашка вспомнил про презервативы, попадавшие ему на глаза под отеческой кроватью. Но как пользоваться ими – не знал, ведь было ему тогда 15, и в школах не преподавали, как надевать советские презервативы по 4 копейки, которые в пору и на осла были.

Промучавшись, Минчин догадался: «Эврика!», натянул резину на палец и, токуя, приближался к студентке. На что та робко заметила: «По-моему, это как-то не так делается...». «Да нет, так!», сказал Сашка, дрожащей рукой вводя его ей внутрь, и с налету запрыгивая, опасаясь: как бы не передумала.

...Как-то в детстве, а было мне лет 8-9, наш отец только вернулся из ГУЛАГа и, устроившись работать в сельское хозяйство, взял меня с собой в Шелковские буруны на пастбище. Что особо врезалось в память. – это ковыль, который подобно фантастическому морю колыхался волнами, переливаясь серебром вплоть до горизонта. А по этому морю в разные стороны перекачивались шары перекасти-поля.

Вот и я постарался остановить и извлечь основные моменты из моря памяти.

Географическое положение Чечни таково, что исторически народ должен был всегда защищать свое право на землю и жизнь, особенно – от России, которая на протяжении веков ведет там колониальные войны. Это вынужденно и привело к тому, что едва ли не каждый чеченец прирожденно владеет воинским искусством, чеченцы славятся в мире как сильнейшие спортсмены – боксеры, борцы-вольники, тяжелоатлеты, народ вынослив, неприхотлив в еде и к природным условиям. С 15 лет по законам «адата» каждый мальчик считается мужчиной, становясь ответственным за дом, за родных, и в случае военных действий может принимать участие в защите семьи.

Почему все больше молодых людей, далеко не всегда по религиозным причинам, пополняет ряды Соппротивления? С малых лет они видят, как их близкие погибают под взрывами бомб и ракет, похищаются при «зачистках», а обезображенные трупы родных редко кому удается найти или выкупить у российских вояк, чтобы похоронить достойно, как то полагается по чеченским обычаям. Слыша рассказы старших о зверствах

и пытках в концентрационных лагерях, подросшее поколение осознаёт, что здесь нет середины: или ты автоматически переходишь на сторону оккупантов, становишься предателем и навек будешь проклят потомками, как в чеченском народе всегда и бывало в такой ситуации, и что ожидает продажных марионеток Кремля Кадырова, Байсарова, Какиева, Ямадаевых и уже выше названных, - или ты берешь оружие, становясь героем, защитником земли своих предков, преодолевая нечеловеческие лишения и находясь в постоянной опасности.

Но есть и куда более опасные этих, обогривших кровью своего народа руки преступников, - такие, как Хан, - разложившие политический пасьянс вместе с Путиным и прикидывающиеся народными ратателями. О них эта книга.

Испокон веков в России создавались все предпосылки для становления криминалитета, для разбоя и бандитизма, прикрытых властями.

Глава 25. Воры в законе.

Как и в других городах – Одессе-маме, Ростове-папе, – в Грозном были свои пристанища уголовного элемента, достойные пера Гиляровского. Буквально в центре находилась улица Московская, начинавшаяся от берегов Сунжи и проходившая аккуратно между зданиями МВД и КГБ, глядевшими друг другу в глаза. В старинном здании КГБ ранее размещалась тюрьма, в царское время там содержался знаменитый абрек Зелимхан, и оттуда же он совершил свой дерзкий побег.

Когда-то на этой же улице, всего в квартале от МВД-КГБ, располагалась и синагога, в советское время занятая под склады. А звезды Давида были содраны большевиками. Я видел, как синагогу ломали, и слышал разговор старых евреев, обращавшихся к сыну одного из них: «Беня, там старые кирпичи с магендовидом. Иди, заberi и спрячь: ты будешь говорить своим детям, что и у нас тут свое святое место было!».

Эта местность была известна как еврейская слободка, или Махалей Джигуру (еврейская улица), а евреи, там проживавшие, ее называли Жидовка, или Париж. Она состояла из покосившихся старых домов с

наглухо закрытыми ставнями, сквозь которые даже в ночное время едва пробивался свет. На всей улице горел лишь один фонарь – не считая тех, что освещали путь КГБ. И то родители говорили маленьким еврейским детям, чтобы те разбили фонарь из рогатки, дабы посторонние не ходили по этой улице и не знали ее секретов. И ментам было там неуютно: трудно делать облавы.

До 80-х годов 20-го века эта улица не была заасфальтирована: евреи сами не позволяли по тем же причинам. Когда осенью начиналась непогода, перепрыгивать можно было по камушкам, и так до самой весны. И ментовские узики «бобики» не успевали быстро подъехать в нужное место и провести там облаву.

Зато когда облавы совпадали с хорошей погодой, они были весьма занимательны. Появлялась машина «скорой помощи», а то и две. Проведя визуальную разведку через бинокли с крыши здания МВД и других мест, и даже с паркового колеса обозрения, и видя кучки собравшихся вместе курителей анаши и игроков в джа, бейбут, альчики, секу, очко и т.д., из машины «скорой помощи» вдруг выскакивали в белых халатах здоровенные опера. А из-за углов – неизвестно откуда взявшиеся менты, - кто работая под бомжа, кто - под студента (на параллельной улице находился университет). Резво налетая на группы, они старались, чтобы их жертвы не скинули деньги, оружие или наркотики.

В такие моменты часто можно было видеть, как по реке Сунже, омывавшей эту улицу и отделявшей ее от парка Кирова, некоторые грозненские босяки вплавь уходили от преследования, а по Сунже плыли чемоданы, полные анаши (марихуаны), гашиша.

Во многих домах были катраны, называемые в Грозном «майданы», то есть места, где «катали» в карты и другие азартные игры. Содержатели притонов существовали за счет процента с выигрыша. В эти дома можно было зайти после закрытия магазинов и ресторанов, выпить бутылку водки и закусить, а то и «снять» женщину. Имена бандерш и барыг – двух родственниц тети Хани и старенькой бабы Розы, о которой когда-то слагались песни («...зайду с мороза, забьет косяк мне Роза...»); Соломона, Руйноя, Гриши – были известны на весь Советский Союз, а управляли ими самые авторитетные – Шурик Ашуров (по кличке Хули, у горских

евреев – «бешеный», так названный за его нрав, потому что убил своего же двоюродного брата, когда тот стал на зоне работать на ментов) и Лёня. Насколько известно, уехавший Шурик и нынче занимается в Израиле мафией, взимая дань с таксистов аэропорта Бен-Гурион.

А живший «на Париже» Гаррик, великолепно игравший на музыкальных инструментах и пользовавшийся успехом на чеченских и других национальных свадьбах, был заядлым курителем анаши, и как-то под кайфом поведал занятную историю о еврейских похоронах. У местечковых евреев своеобразный жаргон, и слова подрифмовываются. Однажды кто-то из уважаемых евреев, страдавший от зубной боли, обглотался по совету сочувствующих тем, что впоследствии сам он назвал «охуи...льно-усыпительным», и отключился. Все подумали, будто он умер. Женщины рвали волосы, валявшиеся аж на улице. Все оплакивали кончину доблестного Адона. Понесли его хоронить. А когда переходили по мосту через Сунжу около кинотеатра «Космос», кто-то из оркестрантов вдруг взял выше ноту, чем следует, - элементарно сфальшивил. Покойник не вынес такого надругательства над музыкой и почему-то проснулся. Его несущие со страху бросили тело, а уважаемый мертвый спросонья, после таблеток, безуспешно пытался понять, озираясь, что здесь вообще происходит. Осознав, он стал страшно ругаться; кто - кричал, а кто-то смеялся, и он с ними вместе. Эти похороны были отпразднованы веселым застольем на улице и встречей соседа «из потустороннего мира».

...В тех притонах никогда не спрашивали ваш паспорт и в розыске вы или нет. Плати деньги - живи. Только будь осторожен и не наведи ментов. А если нужно оружие или куда-то сдать краденое, то тебе устроят и это.

У тети Хани в одном из домиков жил освободившийся тогда с «малолетки», а впоследствии ставший известным вором в законе, Султан Даудов, со своей женой – карманницей Розкой Сатабаевой. Позже он был убит в Балашихе.

Всесоюзного масштаба воров в законе было тогда только двое. Вася «Бриллиант» (настоящее имя – Владимир Бабочкин) – и Вася «Бузулуцкий». Второй был родом из Грозного и жил по улице Павла Мусорова, около остановки «Почта», разбомбленной позже войной.

Вася (а точнее, его мама, так как сам он редко бывал на свободе) жил в одноэтажном покосившемся домике. Из старых воров-грозненцев были известны Рубик, Князь (Руслан Гайсанов, умерший в «крытой» Владимирской тюрьме), Эмиди «Старый». А молодой – Хусейн Слепой (Ахмадов) – был намного юней их, и воровым стал в 1985-м году на Пятигорской «Белой Лебеди», где курд Джамал (Тбилисский) специально «загрузил» его воровским именем, чтобы 18-летний Хусейн пришел в зону (он подымался туда на взросляк с Георгиевской «спецмалолетки») и там «остановить» Гому, который пришел с Вологодской «крытой», назвавшись воровым, и имел с Джамалом конфликт.

Хусейн пришел на зону в Наур, в мой 14-й отряд. Через полгода он освобожден, а еще через годы виделись мы на воле.

Как-то раз шел я от университета по Интернациональной улице и на углу Краеведческого музея увидел стоявших там и что-то оживленно обсуждавших Рубика и Князя. Последний имел вид завсклада (хотя основная его профессия была – карманник, щипач) и держал на руке барсетку. Мне было всего года 23, и те люди под 50 были мне любопытны: они рассказывали о ГУЛАГе, «сучьей войне», когда по заданию НКВД была спланирована война, и бывшие воры (начавшие работать на администрацию и Главное управление НКВД «суки») тогда перебрасовались даже на вертолетах из зоны на зону, - такие, как широко известные Ваха Джабраилов и Саня Пивоваров, - и убивали (сжигали на кострах) воров в законе. Последние раньше жили отдельно воровскими бараками. У Вахи Джабраилова была в зоне рассечена топором голова, и умирал он на поселке Калинина в сильнейших мучениях от головных болей. Разговор как раз шел об этом.

Затем стали ругать молодежь, как и свойственно старикам. Мол нет никаких понятий, молодежь неосознательная. Дела делают (кражи и прочее), в куражах закрывают рестораны и веселятся по Северному Кавказу, на Черном море, в Москве, угощают девиц, а внимания бедолагам, терпигорцам, которые находятся в заключении, не уделяют. Сами ж попадут туда и прочувствуют, что такое неволя, каково находиться без греха. Нет чтобы сделали деньги, купили сигареты, чай, наркотики, водку и загнали бы все это в зону.

Вдруг что-то в их лицах изменилось. Пропала былая вальяжность, чрезмерная уверенность. Тон разговора стал ниже. Тут я увидел идущего в нашу сторону невысокого мужичка в коричневом костюме в полоску, с рыжими волосами, зачесанными назад. На вид – пролетарий завода «Красный молот», трудяга. Подошедший обратился с позиции старшего брата: «Ну чего стоите? О чем речь?». Князь и Рубик, слегка запинаясь, взялись объяснять:

- Да, Вась, понимаешь... Молодежь пошла ныне не та: отмороженная, не греет...

- А вы-то знаете, чего делать?

- Конечно!

- Ну идите и делайте, - сказал им Вася. – Кому надо, тот подтянется. Кто выбрал этот путь. А нет – так у него и жизнь другая.

«Мужичок» обратился ко мне: - А ты что с ними стоишь?

- Да вот интересно, слушаю воров.

На это он совсем просто ответил: - Ну я ж тоже вор.

Так и произошло мое знакомство с известным всесоюзным вором в законе Васей Бузулуцким, позже убитым ФСБ в Питере, в больнице для заключенных Гааза.

После знакомства мы все вчетвером поехали к нему домой, где мать угостила нас чаем. Вася рассказывал: мать бранится и волнуется, что, засыпая, он держит руки скрещенными на груди, будто покойник. На груди у него с молодости была наколотая «портачка» - оскал барса - в знак презрения к властям.

Так при жизни этот вор в законе болел только судьбами осужденных, разборками, выступая в роли этакого третейского судьи, и ничего не имел. А после смерти был похоронен в Питере, и в благодарность от всего криминалитета России получил великолепный памятник.

Глава 26. Психология террора.

В продолжении разговора о действиях подразделения ФСБ, руководимого Тасом, подобных всем этим отстрелам, взрывам жилых домов и на транспорте или угрозам жизни людей, вспомню такой пример. Еще весной 1996 года у главного входа в гостиницу «Балчуг», после того, как «вор в законе» Шахро задолжал несколько сот тысяч долларов, и самому пришлось скрываться за границей после попытки вклинить своего коммерсанта Иосифа в нефтяной бизнес, Шахро не учел, что этим заденет «большую кормушку» Кремля и охраняющие ее спецслужбы. Тот незначительный для него долг он перевел с отдачей на Иосифа, но тут вопрос состоял куда в большем, чем деньги.

Поэтому Тас, получив информацию, что Иосиф находится в «Балчуге» на переговорах с кем-то, подъехал туда, тогда еще - с Максом, и, приставив на глазах охраны и входящих в гостиницу пистолет «Стечкина» к голове Иосифа, прямо под козырьком парадного входа, продиктовал послание к «Шахро», а Иосифу сказал: «Деньги забудем, а тебя простим!».

«Простить» - на слэнге ОПГ значит убить, - дабы не употреблять это слово, которое при записи может истолковываться как «угроза убийства» и навлечь уголовное наказание. А Иосиф, принявший асфальтно-бледный цвет, хорошо это знал.

В то время еще это подразделение следило за открытиями в области науки; на удивление непосвященных, среди прочего, и за психологией. Встречаясь с ведущими учеными в этой области, ознакомились с работами, проводя консультации, особенно по такому разделу в этой области науки, как «Психология террора».

Сейчас цель интереса их ясна. После взрывов жилых домов в Москве, Волгодонске и неудавшемся – в Рязани. После свободного перемещения З. Яндарбиева из Чечни в Афганистан «при отчаянном поиске» его всеми спецслужбами России, со встречей с руководством Талибан, проведении переговоров, получением пристанища до определенного времени, а позже, после развертывания предвыборной «Антитеррористической кампании» Путина в Чечне, - теракты 11 сентября в Нью-Йорке с упорными попытками Кремля сблизиться с США и Европой на волне

борьбы с «Международным терроризмом» и с преследованием большой выгоды для себя: как то расправа с Талибаном руками США и НАТО, укрепление влияния в Средне-Азиатском регионе, пролезание в ВТО, когда экономика в этой стране скорее «базарчиковая», а не «рыночная», так как «рынком» этим управляет хоть и не Госплан, но Кремль. И принимают участие в нем лишь те компании, что находятся у него в фаворе. Попыткой получить если не кресло в Брюссельской Штабквартире НАТО, то хотя бы табуретку, убедить весь мир, что мы не подлые, мы хорошие, цивилизованные, открыты, чистоплотны и обязательны в исполнении данных обязательств, - будто страной правят не спецслужбы с В. Путиным во главе, и деятельность их никому не подконтрольна, покрытая мраком тайны и для правительства РФ, и для Госдумы.

Что уж говорить о действительно радушном в своей массе, гостеприимном, порядочном, но крайне бесправном народе России, чьим лицом прикрываясь и от чьего имени гарантируя, пытаются убедить иностранных бизнесменов разместить свой бизнес в России, привлечь инвестиции, которые в итоге пойдут на содержание Кремля и его спецслужб.

Господа бизнесмены свободного мира! Если вы заблудились в своих размышлениях, куда еще направить свои деньги, то, честное слово, куда проще и прозрачней для вас будет открыть что-нибудь типа «Фонда помощи ФСБ России и вечно голодному Кремлю». Может быть, тогда опасность терроризма во всем мире поубавится, и не придется тратить свои деньги на «Международные антитеррористические кампании». Подумайте!

Господа президенты и премьер-министры! Сотрудничая и обнимаясь на высоких встречах с Путиным, замалчивая многолетнюю войну в Чечне, не называя публично прямых виновников взрывов жилых домов в России – и башен-близнецов в Америке 11 сентября, вы тем самым не просто поддерживаете, но персонально даете «добро» на распространение мирового терроризма, идущего из Кремля. Уступая позиции в экономике и демократии амбициям ФСБ, вы предаете народы собственных стран, подвергая прямой опасности жизни избравшего вас электората.

Прослеживается аналогия современной действительности с трагедией на Перл-Харборе. Сейчас не секрет, что эту операцию, способствовавшую началу Второй мировой войны и подталкиванию американцев к открытию Второго фронта, провела советская разведка под руководством Сталина. Исполнителем был резидент НКВД в Японии Рихард Зорге, и по этому факту проводились слушания в Конгрессе США, подтвердившие подлую провокационную роль СССР.

Выходит, снова провели вас – но уже путинские спецслужбы! Причем еще более цинично, нагло, - разработав и осуществив операцию по подталкиванию США к «международной антитеррористической кампании», устроив теракты в самом сердце Америки.

С началом этой кампании больше всего выиграли Кремль и В. Путин, который, войдя в роль, становится похож на попугая старого пирата Флинта, твердя вместо «пиастры!» - «террррррр!», с чего и начинает обсуждение любой темы, от опасности незащищенного секса и угрозе чистоте русского языка – до попыток убеждения глав ведущих стран допустить Россию к участию в мировой экономической игре, как равноправного, честного игрока, доказывая, что Кремль – не шулер с тузами в рукаве, и Западу не следует создавать «СОИ», а, наоборот, надо подписать все договоры и разоружаться, так как у России-то нет денег и экономики, позволяющих состязаться в этой области.

Каждый вправе рассуждать в силу смелости своего мышления, но кто на самом деле получил больше выгоды? И кому под силу проведение подобного рода операций, на которые, по всей видимости, необходимы просчеты аналитических отделов спецслужб целого государства, разработка, подготовка и реализация задуманного, надежное прикрытие на стадии подготовки, помимо огромных финансовых затрат, - Усаме Бен-Ладену из пещеры Афганистана - или Московскому Кремлю с Лубянкой под боком?

В любом случае ядерная Россия – не Афганистан, и «антитеррористическую кампанию» без чреватых последствий она может позволить лишь себе против своего народа. А после терактов в США 11 сентября - «примазываясь» к поддержке действий США и НАТО, борющихся с этим злом, и в расчете, что Запад смягчит занимаемую

позицию по поводу геноцида, проводимого Кремлем в отношении народа Чечни, а то и поддержит, поверив в лживую пропаганду Кремля, что будто террор – боль общая у России со всем миром. Боль у России? Может быть. - Но не у Кремля, для которого террор – это одно из политических средств достижения подлых целей мирового диктата.

Любой взрыв, имея разрушительную силу, разносящую скалы и породу, несет и силу созидательную: возводя дамбы и плотины (и многие знают, что это такое), производят «направленный взрыв». С помощью изучения «направленного взрыва», и в психологии людей можно представить то, чем занимались известные ученые России, недавно убитые при загадочных обстоятельствах, те, которых курировало выше упоминавшееся подразделение ФСБ, и темой их научных изысканий была «Психология террора».

Если читатели помнят из криминальных сообщений в СМИ, то у всех убитых пропали не деньги и ценности, а бумаги с научными трудами, хотя и убийства носили характер вроде как не запланированных, уличных, без применения огнестрельного оружия, а ножом или твердым тупым предметом, что по всей видимости, по задумке исполнителей, должно навести на мысль, будто совершены они какими-то алкоголиками, наркоманами или «бомжами». Но кто из лиц подобной категории заинтересуется изучением научных трудов, оставив не тронутыми деньги и ценности?

Многое бы могли объяснить погибшие ученые - о терактах в Москве и Волгодонске, в Нью-Йорке. – Какую цель преследовали и на какой резонанс в мировом общественном мнении были рассчитаны взрывы. Что-то вроде того, «как провести незаметный взрыв где-то в недрах Лубянки, чтобы спроектированная взрывная волна в умах людей прокатилась по всему миру, достигая в нужном месте нужной высоты, а где и наоборот – незаметно». Иными словами, это всё – от психологической обработки используемого в качестве исполнителя-террориста – до расчета желаемого резонанса, с подбором средств и методов, места проведения теракта, - в психике людских масс, - и в конечном итоге управление массовым сознанием, пораженным психозом страха неожиданности и незащищенности, а значит и применения террора – было областью изучения тогда еще не убитых.

После проведения серии взрывов в общественном транспорте Москвы 1996 года, которые, по всей видимости, должны были подстегнуть всплеск недовольства уставшего от непопулярной войны населения России, а Ельцина, баллотирующегося на второй президентский срок, заставить искать политическое завершение бойни в Чечне, начав переговоры с З. Яндарбиевым, - Максима Лазовского и еще кое-кого из его группы арестовали, но сразу же выпустили. Если кто помнит, тогда мэр Москвы Лужков сразу же углядел в этих взрывах «чеченский след» и голословно обвинил в них всех чеченцев - с развертыванием очередного витка «античеченской кампании».

...Как-то летом 1996 года в одном из офисов прикрытия Таса, что на площади Маяковского, зять Таса сказал мне, будто где-то на квартире по направлению Кутузовского проспекта подразделение «Антитеррор» УФСБ города Москвы, так называемая «Лужковская команда», провела захват и задержание «Макса» и других по подозрению в причастности к тем взрывам. Тас так же был в том помещении, но покинул его за некоторое время перед этим. Помню, я довольно сильно удивился, так как тогда мне и в голову не могло прийти, что «Макс» и его подразделение могли совершить подобное, не понимая смысла и целей тех взрывов. Про убийства слышали и знали все, но взрывы...

Сейчас, со временем, картина стала ясна, и видны цели, преследуемые ими. Именно группировкой ФСБ, созданной Ханом, и находящейся под руководством и оперативным планированием Таса, была совершена масса убийств бизнесменов, журналистов, политиков с начала 90-х годов по настоящее время, и не только в России, но на Украине и за рубежом. А также все прозвучавшие теракты в Буйнакске, Волгодонске, Москве (взрывы жилых домов, метро, троллейбуса, «Норд-Оста» и т.д.), несостоявшийся в Рязани были осуществлены сотрудниками этого спецподразделения ФСБ и находившимися у него на службе. Некоторые исполнители погибли при проведении терактов, о чем благодаря этому стало известно.

По словам зятя Таса, тогда на квартире на Кутузовском проспекте почти все из присутствовавших вместе с Максимом Лазовским были при оружии, но увезли одного «Макса». Оставшиеся сообщили об этом Тасу,

а тот, в свою очередь, доложил Хану, после чего к делу подключился центральный аппарат ФСБ России – Лубянка, а у заместителя мэра Лужкова по культуре – Иосифа Давидовича Кобзона – произошел телефонный разговор с Ханом, где ему рекомендовалось приложить максимум сил в убеждении Ю. Лужкова оставить затею с арестом «Макса», и что позитивный исход в разговоре с мэром - в интересах самого Кобзона.

Насколько это так – лучше поинтересоваться у Иосифа Давидовича, я же «за что купил – за то и продаю». Во всяком случае, Макс не был осужден ни за убийства, которых на нем была сотня, ни за взрывы с терактами, и даже не за кокаин, который обнаружили в его кармане, - а осудили его «за пистолет», и, отсидев чуть больше года в Тульской области, где я слышал о прохождении Макса этапом в одну из зон, и откуда он был впоследствии освобожден. После чего купил приличный особняк недалеко от Ельцинской резиденции, в направлении все той же Барвихи, где вскоре и был застрелен друзьями-товарищами.

В 95-96-м годах Кобзон неоднократно убедительно настаивал на встрече с Максом Лазовским, так как знал, что тот являлся доверенным лицом Хожи, часто летает к нему за границу и видится. Певец, имея несколько фирм, среди которых была и «Московит», чей офис раньше находился в гостинице «Интурист» (там же, где Фонд им. Льва Яшина, возглавляемый Отари Квантаришвили, а Кобзон и Отари были друзьями), проявлял большой интерес к нефтяному бизнесу, к Новороссийским терминалам.

Встречи с Максом он хотел для того, чтобы «Московиту» дали статус наибольшего благоприятствования для работы в Новороссийске. Макс должен был передать это Хану, но на разговор не пошел.

Когда Макса арестовали, то Тас посчитал, что это именно Кобзон, в отместку, через Лужкова послал группу «антитеррор» для захвата Лазовского. Потому Кобзона и выловили для телефонного разговора с Ханом.

Если серия терактов, проведенная описываемым подразделением ФСБ, преследовала целью удержание Б. Ельцина у власти, так как подходящая фигура для этой роли еще не была готова, а имеющиеся на политической

сцене Зюганов и Лебедь не устраивали Кремль и ФСБ, и остановка войны в Чечне была одной из ступеней к этой цели, - то взрывы второй серии в Москве, Волгодонске, Буйнакске, неудавшийся – в Рязани, были совершены для выведения досель не известной фигуры В. Путина на политическую сцену и с заготовленно жестким «Мочить в сортире!»).

Развязав виток нового тотального уничтожения населения в Чечне, Путина провели в президентство. Названные теракты были мобилизующими взрывами в настроениях населения России и деморализованной армии, к тому же разворованной до обнищания, а генералитету необходимы были новые финансовые поступления. Обида за позорный проигрыш первой «чеченской кампании», упадок духовный с крайним падением уровня жизни были теми самыми обнаженными болезненными точками на теле России, куда по разработанной и изученной теме «Психологии террора» должны были стегануть запланированные взрывы, что научно просчитано – и было совершено.

Вот только с обобщающей «национальной идеей» получилась загвоздка: уж слишком велика разница в представлении о ценностях у Кремля и у бедствующего народа России. Прежде чем думать и заниматься политикой, мечтать о прекрасном и светлом, необходимо желудок свой набить, - примерно, кажется, так выражался основатель Совдепии с ВЧК, Ульянов-Ленин. Видимо, «дети гнезда Дзержинского – ФСБ» запаматовали учения своих отцов-создателей.

Взрывы, призыв «Мочить в сортире», новая война в Чечне с поднятием лозунга «Антитеррористической кампании», хоть и возымели желаемое, но не продолжительное одобрение населения России, тем самым воцарив В. Путина в Кремле, и даже позволили прокатиться с этим лозунгом по всему миру, да вот жупела консолидирующей новой национальной идеи из этого не вышло. Из грязи и крови «Царства счастья» не построить.

Как уже говорилось, ситуация, складывавшаяся после войны в Чечне в 1994-96 годах, совсем не устраивала Кремль и Хана, который был мало известен «сопротивленцам», авторитета не представлял, и влиять мало на кого мог, - разве что посредством подкупов. Хан находился с 1972 года практически постоянно в Москве, и его мало кто знал из выросших и утвердившихся в Чечне за этот период. Знали в основном из числа

городских и тех, кто выезжал на учебу или работу в Москве, в другие города страны.

Среди передовой, грамотной молодежи, как сейчас говорят – продвинутой, он был довольно известен и пользовался определенным авторитетом, но как раз из этого числа практически никто в боевых действиях участия не принимал, во всяком случае, в «полевые командиры» не вышел, да и смысла в этом не видел.

Для тех же простых и чистых сельских парней, из которых в основной массе состояло народное ополчение, Хан был неведом, чужд и вряд ли бы когда смог найти в поддержку пару десятков сторонников, конечно, не считая родственников. Со всем этим не могло смириться его амбициозное самосознание, и тут, что называется, «хоть с чертом в обнимку», но к цели желанной.

Хотя без сомнений он был сотрудником КГБ, но надо было уяснить и такую вещь, что во время своего последнего ареста Хан был как нельзя более подходящим «вербовочным материалом» для спецслужб, учитывая законы преступного мира России, - содержание его в общей камере среди других заключенных, и тем более в колонии, могло привести к смертельному исходу по той причине, что на нем было убийство «воров в законе» и других преступных авторитетов, а его влияние и умственные данные представляли ценность для ФСБ.

Далее, уже известное использование подразделения, в котором Хану отведена главенствующая роль, с убийствами и взрывами в Москве и других городах, как итог – начало войны в Чечне и привод В. Путина к власти на «антитеррористической волне». Хотя «блиц-крига» и не намечалось, дабы дать генералитету подправить свое финансовое положение, и народ страны поотвлечь, - но и столь продолжительная, изматывающая, перешедшая в партизанскую война не входила в планы Кремля, да и Запад тогда все отчетливей выказывал свое негативное отношение к ней, порой выступая с открытой критикой в адрес России по поводу массовых убийств мирного населения Чечни при бомбежках, артобстрелах и под видом так называемых зачисток, когда людей просто вывозят в неизвестном направлении, а потом их тела со следами пыток и

пулевыми ранениями находят либо в лесных массивах, либо в земляных рвах.

Тут у Кремля назрела необходимость с честью выйти из создавшейся ситуации, перейдя к политическому решению «чеченской проблемы». Но как и с кем сесть за стол переговоров? Кадыров – «предавший раз предаст и дважды», поддерживаемый тем же Кремлем и кучкой получающих от него деньги; Гантемиров – у того «кровников» больше, чем доброжелателей; да и подобные им также не подходят для этой роли.

Вот почему вдруг в воздухе закружилась, подброшенная Кремлем, идея создания некоего «Евразийского союза», в котором-де сокрыта примиренческая и консолидирующая общая цель, и Хан в своих высказываниях поддерживает такое новообразование. А в июне 2001 года разыскиваемый, по заверениям ФСБ, всеми спецслужбами мира, Нухаев вдруг прилетает в Москву на собственном самолете на специально открытое дугинское собрание евразийщиков, остановившись не где-то в пятизвездочной гостинице, а в самом «Президент-отеле», что предназначен для приема глав государств и VIP-персон подобного ранга.

Хан проводит ночь в отеле под охраной той же ФСБ, Федеральной службы охраны президента, ГРУ, сотрудников МВД, что стояли по внешнему периметру: все оберегали разыскиваемого, вплоть, наверное, до егерей Лесхоза и Рыбнадзора. И, переговорив с посланцами Путина, а говорят, что с самим В.В. Путиным, Хан отбывает в Азербайджан.

(Дополнение 2008: По замыслу Путина, надо было пустить под сплав Ходорковского, тем самым показав, что в России перед Путиным и Кремлём никто не защищён, всяк бессилен и ничтожен. Даже те, у кого куплено полмира, будут "законно", как Ходорковский, по приговору басманного суда отправлены "шить рукавички" <http://www.russianlife.nl/freembh.htm> . Но вот саму компанию "ЮКОС" дербанить на куски, теряя на этом миллиарды, и в виде налогов в том числе, - оставив без куска хлеба тысячи семей, члены которых с энтузиазмом трудились в этой компании, оказалось мало желающих. Приобрести "ЮКОС" крепким и цветущим (а дела в ту пору у него шли в гору и были получше, чем у подобных) хотели все - от китайцев и других иностранцев, до Абрамовича и Дерипаски.

Но вот что удивительно: за крушение компании и растаскивание её по кускам с целью продажи в десятки раз ниже её реальной стоимости и тех сумм, что за неё предлагали, выступил не частный предприниматель от нефтяного бизнеса, а государственный менеджер от Кремля, управляющий государственной же компанией "Роснефть" Игорь Сечин. Казалось, какой у него интерес от подобной операции, проведение которой он сначала лоббировал в Кремле, доказывая Путину правоту, а потом с лихим ожесточением самолично же осуществлял? Можно найти ответ, поставив древнеримский вопрос: "Кому сие выгодно?".

А выгодно, вернее, нужно было его другу, философу Дугину, лидеру (вместе с генералом Суловым) партии или политдвижения "Евразийский союз". Но зачем же философу нужна нефть? Нефть нужна, можно сказать, идейному руководителю Дугина и всего "евразийства", их финансовому содержателю - Хану. Именно структуры, подконтрольные Нухаеву, проявляли самый большой интерес ко всему, что происходило вокруг "ЮКОСА" и Ходорковского, и как результат операции, блестяще проведённой представителем спецслужб Сечиным в интересах своих коллег, - основные нефтедобывающие промыслы и перерабатывающие предприятия - в руках у подконтрольных Нухаеву фирм.

Еще до того, как Ходорковский стал управлять «ЮКОСом», Нухаев внедрил туда свою компанию «Рондо-С», которой и выделялась нефть для дальнейшего транзита через Новороссийский терминал. Человек Нухаева, Некрич владеет контрольным пакетом акций Туапсинского нефтеперерабатывающего завода, как и Одесского терминала, так что вся эта деятельность находится под контролем Нухаева. А для того, чтобы помех не было, Максим Лазовским при поддержке сотрудников Краснодарского ФСБ был убит А. Василенко – директор Туапсинского нефтеперерабатывающего завода).

Хаттаб.

Похоже, из одной колбы лаборатории ФСБ, созданной еще Л.П. Берией и возглавляемой «доктором Смерть» Майроновским, отравлены болгарин

Г. Марков, Кивелиди, начальник МУРа Цхай, Юрий Щекочихин, а сейчас и Хаттаб, героизма, стратегического мышления и непреклонной силы веры которого ничто уже не умалит.

Мало кто знает, что после боев в Афганистане Хаттаб принимал участие в военных действиях еще и в Таджикистане, где дестабилизация также происходила не без организации российскими спецслужбами. В Таджикистане проявил себя и Хохольков: под его таможенным контролем находится военный аэродром Министерства Обороны России на территории республики, который является фактически перевалочным пунктом наркотраффика героина из Афганистана через Россию – в Европу. Проверить происходящее на военной базе таджикским властям фактически невозможно, а с российской стороны осуществляют контроль как раз сами дельцы наркотраффика, со своей выгодой. Дестабилизация в Таджикистане и была проведена ФСБ с целью усилить свое присутствие и влияние после развала СССР.

Проведя военные акции в Абхазии, Азербайджане с целью привода Г. Алиева к власти, чеченские волонтеры под командованием Басаева без всяких препятствий и при полном вооружении переместились в Таджикистан, где провели работу в политических и экономических интересах Кремля. С созданием военного конфликта и углубления в республике экономического кризиса, спецслужбами, с помощью чеченских рекрутов, было приведено к власти марионеточное правительство: Россия закрепила свое присутствие, оставив Московский погранотряд на таджикско-афганской границе.

В этих же военных действиях и тоже в интересах Кремля принимал участие и Хаттаб.

Позже, в 1995 году, он прибыл в Чечню, где под его командованием были проведены наиболее значимые, грамотные в военном отношении и дерзкие операции, начиная с боев в Грозном в районе Трампарка. Хаттабом осуществлены: в октябре – нападение на блок-пост российских войск около населенного пункта Харачой; 16 апреля 1996 года – нападение на горной дороге между селами Ярашмарды и Дачуборзой (Шатойского района) на колонну 245-о мотострелкового полка; 22 декабря 1997 года – нападение на 136-ю мотострелковую бригаду в Буйнакске; а в марте 2000 года семьдесятю пятью боевиками Хаттаба

были уничтожены сотни российских захватчиков в Аргунском ущелье возле селения Улус-Керт. Россия не смогла «замолчать» свое поражение, так как среди множества погибших оказалась и целая 6-я рота десантников Псковской дивизии ВДВ.

Деятельность Хаттаба в Таджикистане, как и дальнейшее передвижение в Чечню, несомненно отслеживалась российскими спецслужбами. Но до определенного момента боевая активность Хаттаба входила в рамки интересов Кремля, а его личность было легко связывать с Усамой Бен Ладеном, так как они оба были арабами по происхождению, и с другими фигурами этого плана с целью выставления, по задумке ФСБ, Чеченской республики в качестве одного из основных звеньев некоей международной террористической организации. Все это помогало разжечь там войну и вести неприкрытый геноцид под лозунгом борьбы с «международным терроризмом».

Свободно перелетев через всю территорию России, уже будучи известным как афганский полевой командир, воевавший всегда против советской армии, Хаттаб обосновался в Чечне, женившись на дагестанке (даргинке).

В связи со всем своим опытом, Хаттаб являлся носителем обширной секретной информации о деятельности российских спецслужб. Скорей всего, потому и было там принято решение по его устранению, дабы отрапортовать об очередном их успехе. Корреспонденцию, а также поддержку связи с родными и спонсорами Хаттаб осуществлял через Азербайджан, под контролем Хана, который является резидентом российских спецслужб на Кавказе и в Ближневосточном регионе. Обработать при этом письмо препаратом из лаборатории Берии являлось лишь делом техники, а вину легко было свалить на простого гонца-дагестанца.

(Дополнение 2008: В настоящий момент бригада Нухаева перенесла, особенно после прихода Ющенко к власти, свое внимание в Украину, захватывая стратегически важные позиции в экономике страны с целью оказания прямого давления на кабинет Ющенко. Таким образом Россия реализует давние планы Путина и ФСБ по навязыванию своей политики

Украине. Кремль через Газпром, как известно, поднял цены на газ, спекулируя поставками и пытаясь диктовать свои условия по вступлению Украины в Евросоюз и НАТО сообразно своему имперскому видению.

Для этого и выехала бригада Татаева в Киев, Одессу, Днепропетровск, где ею был совершен ряд убийств с целью передела собственности и захвата стратегически важных зон в экономике Украины, прежде всего – в топливно-энергетическом комплексе, с перспективой воздействия на политику с помощью ценового влияния, диктуемого Кремлем.

В банде Хана, под руководством "Дяди" (Татаева), есть агент ФСБ по фамилии Гайтукаев, а зовут его Лом-Али. Он являлся членом Лазаниевской преступной группировки еще в пору ее расцвета. Когда его с некоторыми другими исполнителями заказных убийств предпринимателей, устранение которых было экономически выгодно Кремлю, арестовали в Украине, а одного бизнесмена, имевшего отношение к бригаде Хана, даже застрелили прямо у здания суда, чтобы спрятать концы в воду, -

Гайтукаев, видимо, не дождавшись помощи от своего командования с Лубянки, на суде открыто заявил, что он - агент ФСБ, и в Украине выполнял задания руководства. Эта информация могла бы помочь украинским спецслужбам, обрати они вовремя на неё должное внимание. – Совсем сдурила матушка Россия, заигравшись имперскими забавами, - а теперь еще и грозитя напасть на Грузию.

Разговоры обо всех убийствах последних десятилетий, которые СМИ с подачи ФСБ связывают с именем Нухаева, призваны остановить особо любопытствующих и вызвать страх обывателя перед деятельностью Хана, так как его активность связана с интересами Кремля. К тому же едва ли не тысячный раз привлекаются к суду киллеры, по утверждению обвинения, выполнившие заказ Хана на очередное громкое убийство (рядовых не «заказывают»).

Все эти киллеры выходят на свободу из зала суда, оправданные и буквально оваянные славой, как победители. Того и гляди, ФСБ так заиграется, что любая насильственная смерть будет отнесена на «заказ» Хана.

Из заявления Довгого «явствует»
<http://www.newsru.com/russia/02apr2008/dovgy.html> , что «заказчиками убийства журналистки Анны Политковской являются предприниматель Борис Березовский и один из лидеров чеченских сепаратистов Хож-Ахмед Нухаев». Скорее Хожя заставит Бориса Абрамовича лично «отрабатывать» заказ, так как все веревочки, подцепленные к Бабу еще в его кооперативную бытность, Хан крепко держит в своих руках. Светлая память Шекочихину, Юшенкову, Политковской, Литвиненко... Квантарашивили, «Сильвестру», Патаркацишвили - и многим другим.

С полной уверенностью можно сказать, что все громкие убийства последних лет совершены российскими спецслужбами по указу Кремля. Нет как таковой группы Таса, группы Нухаева, а есть спецподразделение российских секретных служб, созданное для решения именно этих задач и состоящее из командиров и рядового состава.

.....

Эта книга могла бы быть бесконечной. Сладко и больно вспоминать – иногда с улыбкой, иногда с грустью, прожитую жизнь и разрушенную нашу родину. Друзей и врагов, - честных и подлецов.

Я хотел донести до читателя доказательный факт: в России властями созданы все условия для процветания преступности в лице ФСБ.

До тех пор, пока не будет свергнут режим спецслужб, ничего не изменится. Пока жива система, Кремль грозит терроризмом планете.

Глава 27. Приложение. Статьи В. Мальсагова и Л. Володимеровой.

Правозащитная организация «Марекса» пользуется возможностью рассекретить имя настоящего соавтора этих материалов, опубликованных в Сети: Владимир Мальсагов.

1.

Копнем чуть глубже.

Экспертная группа нидерландской правозащитной организации «Марекса», заканчивая разбор поступивших в ее распоряжение секретных документов, касающихся преступной российской группировки, слиянию криминала и власти, взрывов домов и т.д., приступает к публикации материалов.

1. Из неопубликованного А. Литвиненко и А. Политковской.

Многим памятен главный герой фильма «Однажды в Америке» под кличкой Лапша, - его играет де Ниро, - и компаньон его – Дядя. Как раз эту агентурную кличку себе взял Сайда Салманович Татаев. Его документы прикрытия ФСБ – Худайнатов, Семен. Но и они ничего не скажут абсолютному большинству: если можно найти хоть какие-то данные об этом человеке, то разве что как о Дяде. А за разглашение любых сведений о нем – убивают.

А. Литвиненко за ночь до отравления подробно мне говорил, как дружившая с ним А. Политковская интересовалась, уберут ее или нет. «Аня звонила за три месяца до нападения в подъезде и спрашивала: «Как ты думаешь, Саша, они устроят меня или нет?». Я ей ответил: «Конечно, убьют! А ты как думаешь, Аня?!». Если ты попадешь в черный список, то тебя уберут хоть через несколько лет, даже если ты давно отошла от дел, и все про тебя забыли. Кто-то выслужится за квартиру, за новое звание, вспомнит – и устранил. Они никогда не прощают!». Саша был в прекрасном настроении и буднично рассказывал о том, что всех убьют обязательно, смешно сомневаться в обратном; вопрос – когда. В своей смерти он был уверен, и в то же время как раз именно сейчас готовился

жить: неделю назад ему дали гражданство, осталась неделька до получения паспорта – и он собирался приехать в Голландию, дать официальные показания на Хохолькова и Сулова, - похитителей Арьяна Эркеля и организаторов всех похищений в те годы в Дагестане и Чечне. Под его диктовку я тогда записала фамилии, связалась с Эркелем, с его женой и с полицией... Саша сказал, что нужен официальный запрос, что сделаем мол фото-робот: «Я прекрасно знаю их – и внешние данные, и сущность этих бандитов».

Не сомневаясь в мести называемых лиц, экспертная группа не повторяет роковых ошибок наших товарищей, не успевших – а кое-где «до времени» сознательно не назвавших королей теневых структур, опасаясь запачкать коллег. Наша общая цель – добиться объявления российского режима вне закона, остановить войну на Кавказе, столь выгодную властям, разработать механизм, запрещающий попытки и делающий существование концлагерей невозможным принципиально. Мы призываем юристов и журналистов, владеющих закрытой информацией, не собирать «досье полностью», а своевременно, по поступлении предавать огласке имеющиеся у них данные: в противном случае ФСБ использует наши обязательность, профессионализм, педантичность, обрывая историю на полуслове, как было с Анной о Сашей. Если мы будем действовать сообща, то из документального пазла проступит четкий рисунок.

В память об А. Литвиненко и А. Политковской, мы продолжили поиски. Первый рассказ посвящен Сайде Татаеву – Дяде.

Отец Сайды, теневой миллионер советского времени, работал завскладом на агрунском мясокомбинате и, по слухам, был связан с КГБ: там и там - хлебное место. Потому и сына он пристраивал на денежные места, – для начала - на приемку мяса. А затем, до того, как перебраться в Москву, юный Дядя работал оператором бензоколонки, что считалось еще более выгодным, чем для женщины быть, скажем, путаной.

В столицу тогда еще нашей общей Родины Дядя был делегирован братом своей жены, и уже там его забрали в аппарат ФСБ под легендой прикрытия якобы «криминального авторитета».

Биография Дяди-Татаева не будет полной без упоминания того самого Максима Лазовского по кличке Макс Хромой, о котором рассказывал А. Литвиненко в своих замечательных книгах. В то время капитан ФСБ, Лазовский выступал в роли телохранителя и водителя Дяди. Получал от него приказания – и выполнял. Затем эту функцию взял на себя также интересующий нас для полноты картины Марат Васильев. За юридическую и экономическую безопасность проводимых операций отвечал, на тот период майор ФСБ, Виктор.

Лазовский постоянно держал при себе ппс Стечкина, стрелял в людей как в мух, по команде – и без, так как был кровожадным и ни во что не ставил чужую личность и жизнь. Вся торговая, политическая, криминальная Москва знала, что он - киллер, и когда Лазовский появлялся в ресторанах, то лидеры преступных группировок, там «заседавшие», втягивали головы в короткие жирные шеи, и у них начинали бегать глаза. – Никто не знал, по чью именно душу пришел М. Лазовский.

Общеизвестна была его акция, когда, совместно с Адланом Натаевым, была осуществлена операция по отстрелу Бауманской преступной группировки, о которой А. Литвиненко упоминает в «ФСБ взрывает Россию». На счету Лазовского - сотни убийств. Спиртное он пил постоянно, не расставался с проститутками – путанами высокого ранга, от 500 долларов штука; всегда был под кокаином. Таких путан, информацию у которых оказалось несложным перекупить по прошествии времени, часто использовали для пересылки наличности – валютного нала в Турцию через Баку, - за границу для руководства по этой линии ФСБ.

Проститутки, как во все времена, поставляли сведения - наколки на тех банкиров, с которыми спали. Все команды поступали от Дяди, с Лубянки, а сверху - от лидера, о котором, в связи с обилием документации, нет смысла рассказывать в спешке. Так, давалась установка на управляющего того или иного банка, собирался компромат на банкиров, заведение подтягивалось под себя, и банк отстегивал круглую сумму. Кого требовалось – устраняли, и таким образом влияли на бизнес. - ФСБ руками криминалитета влияла на весь денежный поток, далеко не только в России.

Офисы прикрытия под видом коммерческих структур находились в районах московских станций метро Войковская, Маяковская, на Ордынке. В кратком общем обзоре мы не останавливаемся на конкретных деталях, но, как пример, сохранились и фотографии: Марату Васильеву производили фотосъемку в одежде старшего лейтенанта ФСБ на 6-м этаже на Войковской, около гостиницы «Дружба», там, где нынче находится здание Коопромбанка (бывшее здание Центросоюза СССР, Потребкооперация).

Так вот руководителем всей этой структуры, о которой мы начали речь, внутри России был и остается Дядя, - Татаев, не названный А. Литвиненко.

Жену Татаева зовут Татьяна, но точно так же зовут и его любовницу – сотрудницу ФСБ, проживавшую в Ясенево во время взрывов домов. Когда в Рязани закладывали гексоген при попытке взрыва домов, то в этой операции участвовало три человека. Среди них - одна женщина, и по нашей информации ею была Татьяна: высокая красивая брюнетка, работавшая по гостиницам среди путан высокого класса. Татьяна-любовница внешне подражала Оксане Робски, добывала информацию для хозяев и является многоопытным сотрудником ФСБ.

Операции по всем ликвидациям, описанным А. Литвиненко, - в том числе по устранению крупных коммерсантов, особо задействованных в нефтяном бизнесе, - осуществлялись под контролем и непосредственным руководством Татаева. - Как и ликвидации агентов, от которых могла произойти утечка информации. Таким образом впоследствии убрали тех же Лазовского, Натаева, прочих.

Россия давно пытается контролировать Запад, - расширим и мы географию. Вор в законе Петрик, находящийся сегодня в Европе, состоял на агентурной связи именно через Сайду Татаева. К нему, как и другим «европейцам», беспокойно заерзавшим, мы непременно вернемся. Но как они действовали?

Вот пример по одному из акционеров Газпрома: информация получена от наших общих соучеников с Игорем Сечиным – одноклассником-

португалистом. Как он рассказал, акционер приобрел долю Газпрома и хотел уйти от дел, опасаясь попасть в очередной отсрел и стать жертвой, как многие. Этот акционер пытался перевести свою долю в один из крупных международных банков, - в так называемое «управление», когда банк занимается всеми делами. Коллегу Сечина прямо с самолета в Шереметьево сняла ФСО (Федеральная Служба Охраны). Сотрудники привезли его в Лефортово, в тюрьму ФСБ, где настоятельно попросили вернуть имеющуюся у него долю акций. Коллега был несговорчив. Тогда открыли дверь в соседний кабинет, завели внутрь и показали - известного уже и читателям - криминального авторитета Петрика, который контролировал, обозначим условно, нефтяной и газовый бизнес. Несговорчивому сказали: не отдашь – дальше будет с тобой разбираться Петрик. - Криминальный авторитет, вор в законе.

Все, о чем мы рассказываем, происходит сегодня: Сайду Татаева и сейчас можно увидеть в самых навороченных ресторанах Москвы в окружении офицеров ФСБ и ГРУ, где, по их выражению, они отсыхают по полной программе.

Выдающаяся кровожадность Татаева имеет глубокие корни. Этот человек, во многом смахивающий на Путина, никогда не имел силы духа. Обладание отцовскими деньгами только развило в нем зависть и злость, так как он чувствовал свою слабость - мужскую и человеческую. В юности обострились проблемы: Татаев завидовал более успешным с девушками друзьям, и впоследствии мстил. Характерно его любимое высказывание: «Никогда не разговаривайте с тем, у кого нет денег в кармане». И даже самые преданные друзья о нем говорили, что у Татаева не пытались «бесплатно заправиться» даже на 20 копеек. Подчиненные характеризуют Татаева так: мол раньше кроме бензинового пистолета он в руках ничего не держал. А сейчас ему доступно любое оружие, потому Дядя «лихим бандитом стал». Если прежде становились крутыми в силу духа или умственных способностей, то сегодня авторитетный портфель получают по браку, по женитьбе. Так же выгодно женат и Татаев.

Вернемся к окружению Дяди. Директором фирмы, находившейся у станции метро Войковская, был назначен некий Архипов (бывший директор «Юникора», известного торгового комплекса с элитными продуктами питания и т.п.). После «Юникора» Архипов стал

управляющим банком, и уже оттуда Татаев его забрал в офис на Войковской и поставил «зиц-председателем» фирмы. Эта структура была полностью под контролем ФСБ, и там проводились все сделки по отмыванию бюджетных денег (например, поставки мочевины, удобрений китайцам). Известно, что ФСБ может добиться желаемого дисконта на продукцию любого предприятия. Официально в сделках выступали Архипов и его друг Игорь Клейманов (Архипов по всем данным убит; друг его жив).

Когда в первую чеченскую войну войска вошли в Грозный, и в 95-м году встала проблема - и была разработана в Кремле программа восстановления Чеченской республики, то через упомянутую фирму по этой самой программе, под видом восстановления разбомбленной Чечни, только первым траншем перевели 17 миллиардов рублей по тогдашнему курсу (1 доллар равнялся примерно 6000 рублям).

Бюджетными деньгами распоряжалась тогда власть. Официально транш якобы пошел на закупку... тюльпанов из Голландии (документы о чем были подняты в Нидерландах: оказывается, кое-как уцелевшее голодное население Чечни наиболее остро нуждалось в голландских букетах!), женских шуб, и уже в последнюю очередь - тушенки. Так значилось в документации. Когда эти деньги были «разогнаны» по указанным Архипову сверху платежкам и счетам, его «простили». - Так ФСБ выражается, когда нужно кого-нибудь устранить. Мол, деньги мы забудем, а тебя - простим. То есть отправим на тот свет. Архипова застрелили за московской кольцевой дорогой, и стал он «подснежником».

Держа в уме незабвенных Хохолькова и Сулова, уточним, что и сегодня под их контролем находится Новороссийский нефтяной терминал. А когда встает вопрос о чьем-нибудь устранении – работу проводит Татаев. Точно так был убит директор терминала, - что считать, там многих убрали. В Новороссийске сливается основной поток нефти из Азербайджана и вся нефть из Чечни: отсюда они уходят за границу.

Упомянутый Игорь Сечин - руководитель Роснефти. В ФСБ есть отдел, называющийся «нефтянка», и его возглавляет сын Патрушева, состоящий в Роснефти при Сечине. Именно там изучаются цены на мировом рынке на нефть, отслеживаются скачки цен, и в этом отделе ФСБ планируется

проведение спецакций. На этом следует заострить внимание, так как рост цен на нефть напрямую зависит от искусственного возгорания «горячих точек» и планируется из Кремля. Давно бы погасли палестино-израильский конфликт, бейрутские теракты, взрывы в Ираке, если бы в них не была заинтересована власть ФСБ.

Путин дал благословение Бушу ввести войска с Ирак и затем лично подталкивал развитие кровавых событий – под прикрытием «борьбы с международным терроризмом», хотя трудно найти на Земле терроризм, уступающий кремлевскому. Путин дал Бушу добро в том, что Россия полностью поддержит ввод войск и начало войны в Ираке. При этом для публики оставили в прессе популярные в народе антиамериканские высказывания, заготовленные и спускавшиеся по сливу ФСБ. Критика Буша (в отличие от папиных «ножек») была строго дозирована. Воспоследовали взрывы «близнецов» 11 сентября и события в Афганистане; затем нажали на Узбекистан и Киргизию, чтобы они предоставили свои военные базы под размещение американских самолетов для нанесения ударов по Афганистану... - Это делалось отнюдь не в антитеррористических целях. Кремль преследовал чисто меркантильную цель: можно было легко предвидеть огромный скачок цен на энергоносители. После ударов по Афганистану и ухода Таллибана от контроля за этой страной, наркотраффик только увеличился, и поставки героина пошли по российским каналам - через Таджикистан, Узбекистан и российские военные базы - по миру. А наркотраффик, как мы помним со слов покойного Саши Литвиненко, - вотчина генерала ФСБ Хохолькова. Вот чей явный интерес здесь прослеживается. Так что это было заведомым злом. Но цены на нефть поднялись.

Ради этих - чужих и материальных – благ погибает мирное население, теряют родных, мучаются под пытками в концлагерях и становятся пушечным мясом.

Почему еще Путин подбил Америку на нанесение ударов на Афганистану? Это сделано для того, чтобы Туркменистан отказался от проекта поставки газа через Афган в Иран и далее, т.е. прекратил бесконтрольные и самостоятельные поставки газа потребителям, а вынужденно прибег к услугам и транспортным магистралям Газпрома.

Следовательно, и к контролю над поставками туркменского газа в Европу и далее.

Александр Литвиненко писал о Лазовском и многих других, но их нет на свете. В обозначенной выше схеме задействованы также те, о ком нельзя было сказать, не задев наших друзей. Но Сайда Татаев – жив и не должен уйти от ответственности. Война продолжается, люди гибнут – и это должно прекратиться. Кремль успокоился, отравив Александра, но Литвиненко оставил некоторые материалы, есть они и у общих друзей, непосредственно о Дяде, руководителе данного подразделения ФСБ.

Татаев безусловно контролировал спланированное убийство на Дубровке. С его стороны осуществлялось прикрытие для того, чтобы ОМОН преждевременно не провел операцию. Всем понятно, что в зале театра не было взрывных устройств, туда были занесены чеченцами макеты, но не бомбы. Это легко подтверждается тем, что, пока все участники трагедии ждали 30 минут засыпания, ни одно устройство не было приведено в действие. Ведь если б взорвалось одно – остальные обязательно бы сдетонировали. «Террористы» являлись винтиками операции Ястржембского и его агента, которого впоследствии сбила машина, и о ком успела сказать Политковская, - Ханпаша Текирбаева. Он был выведен из здания «Норд-Оста» сотрудниками ФСБ непосредственно перед штурмом. Текирбаев говорил, что в Москве все уже оговорено и решено, и что будто бы те силы в Кремле, которые хотят, чтобы война в Чечне прекратилась, придумали такой ход. Мол им нужен только повод, чтобы Путин мог достойно выйти из игры, и предстоит только сыграть, что захвачен Норд-Ост, якобы идут переговоры, - и все закончится бескровно, военные действия будут прекращены. Молодых участников операции убедили, что Кремль действительно пойдет на переговоры, и они вернутся в Чечню героями.

По совершенно нелепому приговору и стечению обстоятельств все эти годы томится в тюрьме ни в чем не повинный Талхигов: он может рассказать только то, что публиковалось на Западе, - как, паникуя и замечая следы, фсбшники заставили его выпить сок со снотворным, чтобы успешные переговоры по освобождению заложников-иностранцев не привели к результату, и теракт стал именно международным, так как это было слишком выгодно власти. ФСБ боится даже такой мелкой

утечки информации, потому Талхигову привили в тюрьме гепатит и периодически травят, не отпуская на волю.

Горько то, что продолжению чеченской войны способствуют не только чужие, но и свои. Рамзан Кадыров, послушная мелкая пешка, глуп в своих просчетах на будущее. Думая, что за ломберным столиком политического пасьянса сидит один игрок – Путин, и что это основной, единственный игрок, он ошибается. Конечно, Путин в ближайшие сроки постарается прикончить Медведева, чтобы вернуться на место: другого пути у него нет. Он участвовал в устранении Собчака, Старовойтовой, Ельцина и в последних громких событиях, и он легко с этим справится. Тут же рядом просматриваются Хохольков, Сулов и Кадыров наивно верит, будто сам он, Рамзан, постоянная и единственная фигура в Чечне от Кремля. На фоне Косова, Чечения важна России не только, как это звучит в лозунгах патриотов, как символ развала империи. Преследуется цель не просто, именем Чечни, уберечь Россию от расползания и неминуемого ослабления. Прежде всего играет роль геополитическое положение Чечни на Кавказе, наличие богатых запасов нефти и контроль над всем Каспийским нефтяным шельфом. А самое главное в перспективе – богатейшие урановые залежи в чеченских горах. Разработка залежей велась еще отделом Судоплатова при Берии в 44-м году в Шатоевском и других районах Чечни. Эти пещеры зовутся в народе заколдованными, там всегда был падеж скота из-за повышенной радиации. Нефть кончится, а уран - основное сырье в перспективе.

Жадного Рамзана, своим абсолютным невежеством позорящего страну, обязательно разменяют, а в гибели отца ему легче обвинить Басаева, чем понять и признаться себе, что же случилось в реальности. Ахмат хотел сам распорядиться нефтью – и его тут же убили. Ведь такие вопросы решают и Примаков (бывший начальник генерала Сулова по службе внешней разведки России), Хохольков, Сулов, и опять

Информации сверхдостаточно, обратились мы и к М. Трепашкину. Он ответил: «К сожалению, я не могу дать по поводу Татаева никаких данных - моя база данных оказалась уничтоженной. По памяти я ничего не могу вспомнить, так как это были не мои фигуранты. Дело в том, что у меня с Сашей служебные пути никогда не пересекались. Лазовский и его компания меня мало интересовали из-за их малозначительности по

сравнению с теми делами, по которым работал я. Я работал в УСБ ФСБ РФ и вел разработки, где важные чины спецслужб были причастны к диверсиям (терроризму), к нелегальной торговле оружием и т.п. А таких групп, как Лазовский и его компания было десятки, и мы таких задерживали почти каждую неделю. Я мог бы на эту тему писать томами, но это никому не нужно. А затронутую тему я могу расширить. Правда, при наличии времени. С уважением, Трепашкин».

Вот и мы решили, что пришло время публиковать документы о живых, а не мертвых, о кукловодах, а не их манекенах. Начав с Дяди – Татаева.

По поручению стихтинга «Марекса» - президент организации Л. Володимерова, Нидерланды <http://www.russianlife.nl/freembh.htm>

2.

2. Птенцы гнезда Судоплатова. Татаев и взрывы домов.

Из сказанного раньше становится ясным, что все теракты и громкие взрывы, проведенные в России с 1994 года, организованы и исполнены ФСБ. Вспомним события, когда при закладке взрывчатки на железной дороге погиб подчиненный Максима Лазовского, подполковник КГБ в отставке, и смерть помешала ему довести начатое до массовой трагедии; или когда в при взрыве 27 декабря 94-о года в московском автобусе 33-го маршрута недалеко от ВДНХ ранило водителя (было задержано двое исполнителей); или взрыв на станции метро Пушкинская... В середине 90-х в Москве произошла серия терактов, мы перечисляем лишь некоторые из них. После взрыва в троллейбусе на Страстном бульваре, неожиданно выяснилось, что автобус на ВДНХ взорвали вовсе не чеченские боевики, а бывший полковник КГБ, и его вину доказали в суде. И железнодорожный мост через Язуз пытался взорвать не боевик, а бывший офицер ФСБ, который погиб при закладке взрывного устройства. Казалось бы, всё это разные места и сроки, но все теракты сработаны одной группой, и после гибели офицера ФСБ стало известно, что все нити ведут на Лубянку. – И когда погибали жители Москвы, и звучали взрывы домов на столичных улицах; и затем в Волгодонске, Буйнакске; и неудавшийся взрыв в Рязани, а также во время ряда убийств, совершенных по политическим и экономическим заказам из Кремля, - всё проводилось под непосредственным и прямым руководством Дяди –

Вспомним снова об офисе ФСБ на Войковской, существовавшем под видом коммерческой структуры, где на правах завхоза, следящего за проведением операций, состоял кадровый сотрудник КГБ СССР по кличке «Михалыч». Он был выведен за штат, а ранее возглавлял особую часть КГБ при летной военной части, базировавшейся на Ханкале (районе города Грозного). В настоящее время там находится штаб-квартира всех российских войск и ФСБ на Северном Кавказе.

На самый нижний уровень – солдат, которые стреляют, убивают, проводят акции, связанные с убийством и взрывами, - вербовались военнотружущие российской армии, либо совершившие преступления в Чечне, либо находящиеся под следствием. При этом учитывалась их воинская специальность: снайпер, сапер, взрывник. Они сами не знали, откуда именно шли заказы, и их – тех, кто взрывал - пускали «под сплав» как отработанный материал. Они-то были уверены, что находятся в крутой организованной преступной группировке (ОПГ), им импонировал имидж лихого бандита, и они с радостью и особым рвением отработывали шедшие сверху приказания. Окрыляло их то, что все убийства и криминальные действия они могли совершать прилюдно среди бела дня. Так было и с убийством в американской гостинице в самом центре Москвы, когда отстрелявший молодой человек, прикончивший на втором этаже сразу нескольких, спустился вниз и сказал портье и работникам службы безопасности: «Что вы тут без дела сидите? У вас там людей убивают, а вы тут мух ловите!». И, криво улыбнувшись, самодовольный киллер вышел на улицу, где сел в поджидавшую его машину и безнаказанно укатил.

Исполнителями заказов, как правило, были кокаинисты, наркоманы. Когда один из них украл кокаин, ему отрезали голову за похищение наркотика, который и употребляли, и реализовывали в бригаде исполнителей на нижнем уровне (руководимой Маратом Васильевым <http://www.chechenpress.info/events/2008/03/15/1f.shtml>). «Свой» наркоман украл кокаин - и продал, а потому была проведена его демонстративная казнь: отомстили, чтоб было другим неповадно. Причем голову приказали лично отрезать его самому близкому другу, с которым

тот вместе воевал в Чечне в российской армии (против чеченцев). Не помогла воспетая фронтовая дружба: была разыграна партия на тонких струнах души, использованы все методы, столь свойственные ФСБ. Труп выбросили в районе того же города, где убили генерала Рохлина, а голову привезли для подтверждения вышестоящему руководству, - то есть Дяде (этим также руководил Марат Васильев).

У исполнителей, вербовавшихся из военнотружущих, часто не было в Москве своего жилья и денег на него, им давали для работы машину, и там они ночевали. Им фактически не платили зарплаты. Когда огласка о преступлении, после обнаружения трупов, доходила до милиции и вызывала большой резонанс у общественности, то исполнителями не дорожили, их отдавали на осуждение и этапировали в дальние зоны. Всегда существовала абсолютная уверенность в том, что, кроме своего звеньевоего, руководившего пятеркой или группой (как мелкая сошка – например, Марата Васильева), никого выше не знали. И лишь в разговорах исполнители иногда могли слышать о каком-то овечном легендой Дяде, который, как они были уверены, руководит всей этой организованной преступной группировкой. О нем еще слышали, что очень он кровожадный, и в случае «шага в сторону» обязательно будет расстрел, смерть неминуемая и ужасная.

В лицо же его мало кто из них видел. Если даже и видели, то не подозревали, что это именно Дядя. То есть в структуре соблюдалась строгая конспирация, на протяжении десятилетий отработывавшаяся в ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК, ФСБ. Преемственность сохранилась. И непосредственно Дядя с рядовыми исполнителями никогда не работал. Приказы на отстрел он передавал через Васильева, до этого – через Лазовского, или ему самому, так как Лазовский был доверенным лицом и сам являлся капитаном ФСБ.

Как мы знаем, самим Дядей руководили Хохольков, Суслов и ... генерал, о котором речь пойдет позже. Именно тот, кто посадил Путина в Кремль. Об этом мог бы много рассказать товарищ Сурков, так как в годы своей комсомольской юности, когда он состоял в московском горкоме ВЛКСМ и был в тесной дружбе с Ходорковским и другими выходцами из Комсомола, в Суркове, видимо, прорезался голос крови. Ведь настоящая фамилия этого чеченца – Дудаев. Конечно, Сурков очень далек от

чеченского менталитета по всем параметрам, взглядам, традициям - и позорит героический народ. Но в те годы, когда ФСБ по программе, разработанной еще во время Андропова, привлекла лиц чеченской национальности для контроля за бизнесом и для противостояния всему организованному криминалу в России (грузинскому – воры в законе; солнцевскому, гальяновскому, таганскому, и прочим ОПГ), передел собственности в аналитическом отделе ФСБ был четко просчитан. Уже ожидался крах СССР, потому и анализировался предстоящий передел: МВД и КГБ не могли бы в нем участвовать лично, а потому они разработали свою программу.

Зная менталитет чеченского народа, его взаимовыручку, мужество, они использовали все эти качества. Вот в это время и сблизился с руководством Сурков. Тогда стало модно и выгодно держать себя ближе к чеченцам, тем более с ними дружить, и многие криминальные авторитеты, как, например, покойный Сильвестр (Тимофеев) и Леня Макинтош, поддерживали плотные связи с чеченцами. Это же касалось казанской преступной группировки и других. С тех пор Сурков сидит за ломберном столом, структуру которого мы подробно рассматриваем.

В переделке «Юкоса» часть доли ушла в сторону их лидера, о котором разговор должен идти отдельно, остальное – к Сечину, Путину, прочим.

При закладке гексогена на улице Гурьянова и в домах Москвы, должен был использоваться в качестве козла отпущения еще один человек. Но в силу фатальных обстоятельств этот план сорвался, хотя по агентурной линии вся работа уже была проведена, о нем был составлен имидж-легенда как о ваххабисте, исламисте крайнего толка, в то время, когда в реальности он даже не знал, в какой стороне находится Мекка и куда следует молиться, и от водки тоже никогда не отказывался, а был простым бедолагой, «лицом кавказской национальности» (дагестанец), случайно обманутым московским банком. Он являлся одним из вкладчиков, и начальство хотело, чтобы по своим документам он снял фирму, и чтобы туда сгрузили под видом сахара гексоген, в итоге произвели бы взрыв и свалили вину на этого самого кавказца. Этот план сорвался, так как когда ему позвонили, то его не оказалось на месте (он думал подзаработать на Урале и уже уехал туда, не успев вернуться к

назначенному сроку). Хотя он и был осужден, но уже по другому делу, якобы за сепаратизм и религиозный экстремизм.

3. Громкие убийства. Тэйтум. Политковская.

Ненадолго отвлечемся от внутрироссийских проблем и вспомним о заказных иностранных убийствах. Саша Литвиненко, много фактов обнаруживавший в обеих книгах, упоминал, что он знает об убийцах Пола Тэйтума, совладельца гостиницы "Рэдиссон-Славянская" в Москве возле Киевского вокзала. Но он их не назвал.

Тэйтум являлся совладельцем совместно с Умаром Джабраиловым со стороны Лужкова (был его представителем). А незадолго перед событиями, по просьбе Умара, состоялась встреча Джабраилова и Дяди. Об этой встрече Умар Джабраилов через близких к Татаеву людей неоднократно настойчиво просил, и вот теперь, во время личного разговора, он попросил Дядю об устранении Пола Тэйтума - за вознаграждение. Это и было выполнено, но не в силу той суммы, которую предлагал Джабраилов, чтобы убили Пола, а для того, чтобы Умар Джабраилов стал «карманным», ручным. Он и так состоял на связи с ФСБ, но убийством Пола по его прямому заказу его закабалили совсем.

Потому именно Джабраилова потом использовали на выборах президента России в качестве эдакого «Петрушки», альтернативной Путину кандидатуры, - при первом избрании президента в марте. Всем было понятно, что Джабраилов не наберет голосов, но для Запада это был знаковый жест: о какой войне в Чечне вы говорите?! Чеченцы мол лезут у нас в президенты России, и им никто не мешает! Нет геноцида и убийств, - чуть не целуются с русскими.

Хотя брат Пола Тэйтума состоит на службе ФБР США, он приезжал в Москву и пытался через начальника ФСБ что-либо узнать о гибели Пола. Но что ему могли сказать Ковалев или Путин? – Ничего лишнего. «Прости, но это всего лишь бизнес»?..

Вот отсюда и шли заказы на устранение – на другого Пола, Хлебникова, - и приказы на убийства Анны Политковской, Щекочихина, Юшенкова, коллег. Это только те убитые, кто коснулся темы, о которой мы говорим.

Единственная причина их устранения – они затронули личность Татаева. Дошли до Дяди - и посмотрели чуть выше. Из-за обилия материала, нет смысла комкать разговор: к этой теме вернемся плотней и отдельно. Учитывая опыт коллег, наша экспертная группа разместила базу данных на государственных преступников высшего ранга на компакт-дисках в депозитариях ряда стран, и по первому сигналу весь материал будет полностью опубликован.

Упомянутый выше Сергей Тимофеев, больше известный как Сильвестр, занимает одно из ведущих мест в Орехово-Борисовской группировке. Сильвестр был ее руководителем, но он взял у Березовского вексель на несколько миллионов долларов для обеспечения межбанковских кредитов учреждения своей жены и не хотел возвращать эту сумму. Затем произошли взрывы и, после покушения на Бориса Березовского, был осуществлен наезд на Тимофеева, который вернул сумму, но впоследствии сгорел в своем бронированном мерседесе (по официальной версии при взрыве) в центре Москвы. Этот конфликт мы оставим для более знающих.

Березовский давал Литвиненко рассказывать правду до определенного предела. Таким образом Саша писал о многом, но, по убедительным просьбам тех, кого он считал своими истинными друзьями, не доходил до повествования о том, о чем говорим мы сейчас. - Особенно о руководителе всей этой структуры, так как, назвав его имя, он бы распутал весь змеиный клубок, в котором хвостами сплелись все сильные мира сего.

Справедливости ради, скажу, что в личном разговоре, запись которого имеется у Скотланд-Ярда и нидерландской полиции, о Березовском Саша искренне и уверенно говорил только хорошее, и было это всего за ночь до отравления. Саша был благодарен Борису за помощь в оплате учебы сына, за дом, но активно искал пути самостоятельного заработка. Он удивился, что я не испытываю особой симпатии к умному Березовскому, и сказал, что «зато с ним всегда можно договориться», он нормальный, свой человек. Речь шла не о деньгах, а о человеческих качествах. Как известно, сам Саша, при всей наивности и доброте, был замечательным, честным человеком, примером порядочности и личного мужества.

Говоря о личном, вернусь к Примакову. Дорожка его в КГБ была такова. Он родился в Тбилиси и учился в Грузии. Женился на дочке генерала НКВД-КГБ, затем начальника НКВД Дальневосточного края, командовавшего операцией по переселению чеченцев в 1944 году в Казахстан и по их массовому уничтожению, - генерала Гвешвани. Сам генерал был женат на дочке Косыгина, а его дочь стала женой Примакова.

Затем Примаков учился в институте Стран Азии и Африки, то есть филиале КГБ, и его закончил. Таким же филиалом был, например, МГИМО. Эта дорога открыла прямой путь: дальнейшая разведдеятельность на Ближнем Востоке под журналистским прикрытием, с созданием и выпестовыванием «сыночка» Ясера Арафата, Курдской Рабочей партии, Аджалана и всех террористических группировок, какие есть.

Штаб-квартира в Сирии – это резидентура КГБ России по Ближнему Востоку, которую курировал непосредственно Примаков. Он занимался вооружением подопечных, подрывной деятельностью, ими проводимой, - то есть по разработке Кремля (раньше – ЦК КПСС) и по старой отработанной схеме.

Акции планировались и проводились при необходимости пополнить бюджет СССР, как и нынешний – российский; устраивались «нефтяные войны», провоцировались конфликты: израильско-палестинский, ливанский, сирийско-израильский, иракский, и все теракты, взрывы на Ближнем Востоке, которые как-либо связаны (а они всегда находятся в прямой зависимости) с ценами на нефть.

Тут хочется вспомнить хорошего умного человека, в то время посла России в Израиле, искреннего (можно его словами сказать – «истинного, настоящего») коммуниста А. Бовина. Неоднократно бывая у него на вилле, что заснято разными спецслужбами, и принимая в гостях в его любую свободную минуту, я как-то оказалась с ним в номере гостиницы Кинг Дэвид в Иерусалиме. В соседних апартаментах остановился Примаков, на встречу с которым Бовин тогда и приехал, пару раз мы столкнулись на лестнице, но тогда один из планов покушения на Примакова не был приведен в исполнение. Хотя были все данные о

международных и внутрироссийских преступлениях Примакова, которого с чистой совестью можно назвать «крестным отцом» международного терроризма.

Заканчивая очередную главу о сильных мира сего – в преддверии готовящегося Трибунала – вспомним генерал-суловскую поговорку: «Преступность неискоренима, и даже необходима. Но должна быть организованной, и организованной именно нами. Под полным нашим контролем».

Потому они сами так тщательно создавали преступные банды, крепко их держат в узде и думают только о власти.

По поручению стихтинга «Марекса» - президент организации Л.Володимерова, Нидерланды <http://www.russianlife.nl/freembh.htm>

Просим всех, желающих внести дополнения - и опасющихся это сделать публично - присылать свои материалы (без аттачей!) по адресу kritika@xs4all.nl. Сохранность тайны авторства гарантируем.

3.

4. Как и для чего убивали Джохара Дудаева.

Официальная версия российских спецслужб о ликвидации первого президента Чеченской республики Джохара Дудаева - это расхваленная ими операция, принесшая им же самим множество лавров: генеральских званий и повышений по служебной лестнице, присвоения званий героев России. Это та версия, что, когда Дудаев заказал телефон спутниковой связи для переговоров, то турецкий специалист связи, завозивший устройство, был отслежен сотрудниками спецслужб, и при его возвращении из Чечни, на азербайджано-российской границе на территории Дагестана, он якобы был задержан сотрудниками ФСБ, при допросах «раскололся» и выдал частоты, по которым можно было определить местонахождение спутникового телефона. Генералы спецслужб усердно распространяли удобную версию, что мол именно по этим частотам была наведена ракета системы «Воздух-Земля» с самолета ГРУ, убившая Джохара Дудаева.

Турок, конечно же, был. Он им и останется. Но, по нашим сведениям, этот чемоданчик находился и монтировался в «Аквариуме», т.е. в ГРУ, при генеральном штабе министерства обороны России. Там он тщательно был подготовлен, апробирован и настроен именно на эту ракету. И лишь потом был переправлен в Турцию. И, когда Дудаев обратился с просьбой к доверенным лицам, что ему необходима срочная и надежная связь, то именно среди доверенных находился кадровый сотрудник спецслужб, которому по праву можно отдать все лавры за эту операцию, присудить звания и повысить (впрочем, звания он раздаст как раз сам). Вся операция проводилась по его задумке, разработке, и фактически им самим успешно претворена в жизнь: смерть любимого народом Джохара Дудаева.

Турок - оператор спутниковой связи - был нанят с условием последующей настройки механизма в Чечне и проведения инструктажа пользования. Под контролем спецслужб, оператору дали спокойно пересечь все границы, а по возвращении он был специально задержан, снят на фото и видео - для дальнейшей реализации версии прикрытия.

Зачастую так получается, что кадровые убийцы спецслужб еще и спонсируют родственников своих жертв - в целях обеспечения своих же фальшивых легенд. Так, версия, озвученная по телевидению Здановичем, была следующей: Джохар Дудаев успешно ликвидирован в результате умной многоходовой комбинации. Легенды ФСБ всегда созданы для прикрытия своих агентов, и от истины далеки. ФСБ заведует пропагандой, используя ее в своих целях. Как и остальные участники убийства, Хохольков получил звание. И, на удивление, Дядя-Татаев, находящийся в Москве, из подполковника стал полковником. Скрытыми указами президента России Ельцина, кое-кто стал «героем России». И все они вместе взятые успешно разделили деньги, проплаченные по девятой статье расходов, – это секретная статья ФСБ на оплату спецопераций. Миллионные суммы выписываются на расходы, а на такую «удачную» операцию – само собой разумеется. Фактически эти деньги были поделены теми, кто на тот момент находился ближе к заказу и турку.

Почему Джохар Дудаев, приверженец демократии, никогда не бывший террористом, преступником, оказался вдруг устранен? Тогда шла операция по «конституционному наведению порядка» в Чеченской

республике. Как отчетливо говорил в своих книгах А. Литвиненко о беседах с Аллой Дудаевой, и это известно из многих источников, - с 1991 года Джохару Дудаеву приходилось, до его смерти в апреле 1996-го, выдавать миллионные суммы: он платил генералу Коржакову, Сосковцу и другим. Россия постоянно оказывала давление на Чечню, фактически ввела экономическую блокаду. Названные нами кремлевские преступники требовали огромные суммы денег. Ведь Дудаев хотел добиться переговоров с Ельциным и окончательно решить проблему Чечни (государственное обустройство Чеченской республики, даже по типу Татарстана). В Москве это знали, потому и требовали деньги за встречу с Ельциным, а Джохар Дудаев принципиально отказывался именно за это платить.

Коржаков и Сосковец не хотели мирного исхода дела и назначения встречи, так как в противном случае стало бы известно об уже проплаченных втайне суммах. Им, вместе с их прямым начальством, Чечня нужна была – и нужна сейчас - в качестве бездонной черной дыры, где тогдашним вице-премьером Сосковцом успешно проводились криминальные сделки. Например, когда опломбированные поезда якобы шли за границу, в том числе в Англию, они почему-то все направлялись... через Чечню. Закрытый товарный состав заходил на территорию Чеченской республики, а по документации в нем могло быть все от редкоземельных металлов (платины, золота, алюминия) до различной аппаратуры. В Чечне кто-либо срывал пломбу, - хотя на самом деле вагоны были пустые, и только для затравки туда бросали несколько видеомэгнитофонов или обувь, одежду для прикрытия, чтобы всегда были желающие взломать пломбы. Видео воровали, а в Москве списывали «пропажу», говоря, что украден полный вагон золота.

Точно так же бесконтрольно уходит чеченская нефть. Так разворовывают мазут, различные нефтепродукты.

Хотя все воздушное пространство над бывшим СССР контролирует ПВО России, и любой самолет, взлетающий в воздух, прежде всего запрашивает в Москве коридор, они предоставляли коридоры в Эмираты, Турцию, итальянские Милан, Римини, и так по всему миру. А дозаправка транзитных самолетов производилась... опять же в Чечне. Например, из Армении самолет летел в дальнее зарубежье через Ичкеррию. То же самое

– из Украины. Но возили-то оружие, израильские автоматы узи, мешками - деньги из Прибалтики, когда менялись рубли. Как это осуществлялось?

Ельцин поменял деньги, но в банках СНГ остались старые купюры. По закону эти - скажем, литовские и прочие - банки должны были предъявить деньги, а Россия - принять и выдать валюту нового образца, или обменять рубли на свободно конвертируемую валюту по действовавшему тогда курсу. Этим пользовался государственный криминалитет: собирали мешками деньги в Россию и через через прибалтийские банки сдавали в Госбанк России, получая взамен доллары.

Точно так же мешками через чеченский аэропорт шло оружие, контейнерами шли редкоземельные, драгметаллы, драгоценные камни. Джохар Дудаев так и называл тандэм Сосковца и Коржакова: «партия войны». Именно они первыми подталкивали Ельцина на ввод войск и на развертывание военных действий в Чечне в 1994 году. Это требовалось для сокрытия их многомиллионных и миллиардных хищений, для списания убийств и массы преступлений вокруг процесса. Для заметания следов после исчезновения людей. Все вышесказанное проводилось под их личным контролем.

Эти деньги в Москву им передавало лицо, являющееся доверенным с двух сторон (от них самих и Дудаева). Время от времени Коржаков и Сосковец затевали следующие интриги. Скрытую информацию Чечномырдин передавал своему человеку внутри Кремля, а Коржаков, находившийся в другом блоке и противостоявший Черномырдину, через подслушивающие устройства выгодно сливал эту информацию тому, кто перевозил деньги. Данные он передавал для того, чтобы поднять авторитет перевозчика денег и повисить к нему доверие у чеченского правительства.

Коржаков в это время руководил федеральной службой охраны президента. В случае гибели Дудаева, по закону в Чеченской республике его место должен был занять вице-президент Яндарбиев. Устранение Дудаева было выгодно определенным силам, и также по этой причине нужно было устранить первого президента Ичкерии.

После Дудаева были планомерно уничтожены Яндарбиев, Масхадов, Садуллаев: Путин утвердил, проведя через Госдуму официальный закон, убийства негодных ему оппонентов, которых под надуманным предлогом сегодня можно возвращать из-за границы через Интерпол. Фактически ему дозволено совершать убийства по всему миру (так был отравлен полонием А. Литвиненко). До узаконивания убийств не додумался - и боялся такой неслыханной откровенности - даже Сталин. В частности, за Троцким он охотился под большим секретом, десятилетия отнекиваясь от содеянного.

Как мы сказали, Дудаев заплатил Коржакову и Сосковцу крупную сумму – миллионы долларов - для приостановки военных действий и для начала переговоров в Чечне. Они взяли деньги, но «кинули» Джохара Дудаева, и с еще большим ожесточением продолжили военные действия. В первую войну эти военные операции носили откровенную форму рэкета. Доверенные генералы, близкие Сосковцу и Коржакову – такие, как Шаманов, - окружали какое-нибудь крупное село, как, к примеру, было в Шали. Вертолеты зависали в воздухе, по окраинам села производили несколько ракетных ударов и оружейный обстрел. Хотя военные знали, что никаких боевиков там нет. Солдаты ждали, когда из села выйдут на переговоры представители, - старейшины. Тогда тот же Шаманов открыто называл им сумму откупа. Он предупреждал, что солдаты должны провести зачистку и выявить некоторое обязательное количество стволов оружия. Так вот при уплате этой суммы жителям приходилось отдавать старые охотничьи берданки (у кого они были), а военные бросали в эту кучу патроны и пару штук неучтенных автоматов. И в документах отчитывались, что будто бы проведена зачистка. Тогда сворачивали войска и уходили.

Населению часто нечем было платить, люди не могли собрать желаемую сумму. В таком случае Шаманов, так радушно встреченный американским президентом, специально выжидал несколько дней, чтобы необходимую наличность собрала диаспора Москвы и других городов. Деньги привозили, передавали в Чечню. Войска все это время стояли неподалеку, могли ждать неделю. Вот так и шла война: рэкет на государственном, правительственном уровне.

Таким же образом кинули Дудаева. И потому Басаев, хотя в это время он планировал другой рейд, вынужден был предпринять поход на Буденновск. Все первые переговоры Басаева с Черномырдиным шли в присутствии Сосковца о деньгах, журналисты сняли этот ролик на телевидение. Но деньги оттяпала другая бригада, – Коржаков и Сосковец, а не Черномырдин. И Шамиль Басаев рассказал об этом Черномырдину, тот же доложил в свою очередь Ельцину, и таким образом были остановлены военные действия в Чечне и начаты переговоры.

Затем был взорван в грозненском туннеле генерал Романов, уничтоживший в Самашках массу людей (он и сейчас лежит парализованный в Москве). И это послужило новым поводом для возобновления военных действий. К запланированному подрыву генерала имели отношение ФСБшники, - но не чеченцы.

Басаев пришел именно в Буденновск потому, что там находится вертолетный полк, который наносил ракетные удары по Чечне: как раз вертолетами убили огромные массы мирного населения. Цель похода была - деньги, но захваченных российских военнослужащих Басаев расстреливал, причем непосредственно вертолетчиков, в то же время не тронув никого из простых жителей. Басаев достиг цели, так как в итоге этого похода начались переговоры.

5. Несколько слов о коррумпированных иностранцах.

Маленькая Чечня, ценой кремлевского геноцида и откровенного грабежа, стала рычагом влияния в мире. Имперские интересы Кремля, давно перешедшие российские границы, как известно, простираются и на Украину. Прокремлевские Кучма и Янукович, спекулируя Крымом, держат жителей в напряжении: кто победит – промосковский блок, либо Ющенко с оранжевой революцией. После предпринятого давления на Украину нефте-газовым шантажом (петлей, которую Россия пытается накинуть на все демократические страны Европы), - по нашим данным, группа Дяди-Татаева переместила свои интересы в Киев. Теперь здесь политические и материальные выгоды обещают сверхприбыль. Так что если у Ющенко и его служб встанут вопросы о загадочных убийствах на экономической и политической почве с явным почерком Кремля, то

«оранжевые» легко могут догадаться, кто непосредственно проводит эти кровавые акции.

В общем обзоре хотелось бы сказать пару слов о банковском бизнесе и присутствии в нем иностранцев. Всем известно, и в прессе немало написано о тесных связях Путина с Шираком, Проди, Шредером, Блэром, Бушем, но не все знают - и сами они далеко не догадываются - о реальной степени своей зависимости. Может оказаться так, что те мировые финансовые воротилы, кто был в середине 90-х годов главами Ассоциации швейцарских банков, или министрами финансов Франции, или главами Европейского банка реконструкции и развития, – находятся полностью в руках Кремля и его спецслужб. Иностранцев уже давно стали использовать для открытия финансовых учреждений, работающих в системе «Свифт», для укрепления доверия к этим институтам и банкам, которые на самом деле подконтрольны Кремлю и проводят его тайную финансовую политику. А практически - кремлевскую агрессию и мировую экспансию, цель которой - захват стратегически значимых центров международной экономики и сырья, таких, как атомная энергия, газо- и нефтепродукты... Один из примеров – попытка открытия подобного банка в Тбилиси и в других странах СНГ.

Это старая отработанная система, когда под видом успешных коммерсантов внедряют шпионов в самые важные точки мировой экономики с целью формирования выгодной Кремлю политики и реализации интересов государственной власти. Как не могут заведомо эти коммерсанты быть успешными, когда за ними стоит целый бюджет России и его тайные статьи расходы, такие, как на безопасность и оборону?! Эти деньги прилипают к рукам Путина, Хохолькова, Сулова, Патрушева и других из очерчиваемого нами преступного круга. Срабатывает круговая порука, и наивно надеяться, будто пешка-Медведев хоть в чем-то изменит политику пешки-Путина. В России бессмысленно свергать президентов - оставляя режим и ЧК.

Самое пристальное внимание западным спецслужбам нужно обратить на предпринятые европейские вояжи полковника российских спецслужб Татаева (Худайнатова, Дяди) в 1994 году. Тем более, что они проходили под аккомпанемент целенаправленной накачки российскими спецслужбами античеченской истерии с подбрасыванием версий о якобы

готовящихся чеченцами терактах то в Париже на Эйфелевой башне, то в Бельгии. Татаев-Дядя был во всех этих странах, но решающие взрывы подготовленно прогремели в Лондоне в начале 1995 года. Тогда были многочисленные жертвы – и предпринята подлая, неизменная попытка наталкивания расследования через СМИ на ложный «чеченский след». Но главная цель была достигнута Путиным: премьер-министр Великобритании дал свое добро на вступление России в G-7.

В предыдущих публикациях мы очертили основной род деятельности Дяди как командира подрывного спецотдела – такого отдела кадровых палачей, который осуществлял и осуществляет теракты и убийства неугодных Кремлю во всем мире, - политиков, бизнесменов, рядовых граждан.

Подойдя вплотную к тем, кто стоит над самим Дядей, мы прерываемся и даем время аналитикам спецслужб, противостоящих терроризму и защищающих демократические позиции, выработать программу борьбы с Империей Зла. Напоминаем любителям чтения из ФСБ, что все попытки закрыть рот правде будут провальны: в случае покушения на любого из наших сотрудников и экспертов комиссии, весь свод документов автоматически уйдет в печать.

До поры мы не срываем «железный занавес» с секретов кремлевского двора опубликованием в СМИ имени резидента российских спецслужб, по чьей личной разработке и непосредственным контролем был убит Джохар Дудаев, отравлен полевой командир Хаттаб, - до что говорить, совершены все самые коварные, подлые и жестокие политические убийства настоящего времени. Фигура эта имеет огромное влияние и вес в Кремле и овеяна «легендой прикрытия». Нас не подстегивает азарт спортивного интереса: мы, в отличие от них, не кровожадны. Наша цель – остановить войну в Чеченской республике, прекратить геноцид, а степень виновности каждого, кто за этим стоит, оценит международный Трибунал. На все воля Всевышнего и лишь Его суд.

По поручению стихтинга «Марекса» - президент организации Л.Володимерова, Нидерланды <http://www.russianlife.nl/freembh.htm>

Просим всех, желающих внести дополнения - и опасющихся это сделать публично - присылать свои материалы (без аттачей!) по адресу kritika@xs4all.nl. Сохранность тайны авторства гарантируем.

4. О похищении Атлангериева.

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material4.html>

Л.Володимерова – по поручению организации «Марекса» (Нидерланды).

Лента.ру сообщила новость, которую сложно не прокомментировать, даже отойдя от журналистских забот (как хотелось бы, навсегда). Дело в том, что само происшествие совпало с публикацией <http://www.chechenpress.info/events/2008/03/15/1f.shtml> правозащитной группы «Марекса» малой доли архива о деятельности ФСБ – и нашим предупреждением, что, в случае непосредственной опасности для занимающихся расследованием коллег, материалы будут немедленно и полностью обнародованы. Так что же случилось в Москве?..

На Поварской улице был похищен один из самых известных в Москве чеченских криминальных авторитетов, созданных еще по программе Андропова от КГБ, - Мовлади Атлангериев. Поиск похитителей не дал (и без нашей статьи вряд ли даст) результатов; бандиты не вышли на связь с родственниками Атлангериева.

По данным газеты «Коммерсантъ», поздно вечером 31 января Атлангериев без охраны отправился на деловую встречу в ресторан "Каретный двор". Прочитируем сообщение. «Как только он вышел из машины, на него напали двое мужчин кавказской внешности, после чего затащили его в подъехавший автомобиль и скрылись. Нападение было записано на камеры видеонаблюдения, кроме того, его свидетелем оказался охранник ресторана, однако ни его показания, ни данные видеозаписи не помогли в установлении личностей похитителей и номера машины, на которой увезли Атлангериева. Установить местонахождение авторитета по мобильному телефону также не удалось, так как преступники сразу же избавились от него. Следствие рассматривает несколько версий похищения. По одной из них, Атлангериева могли

похитить представители так называемых новых чеченцев, которые, возможно, претендовали на бизнес соотечественников, работавших в Москве с начала 1990-х годов (как Атлангериев). Согласно другой версии, причиной похищения мог стать личный конфликт с теми же новыми чеченцами в руководстве республики. Как отмечает газета, Атлангериев резко высказывался в отношении руководителей Чечни, и это последним не нравилось.

Помимо прочего, в похищении чеченского авторитета может быть замешан предприниматель Борис Березовский, который в 2007 году обвинял Атлангериева в попытке выполнить заказ спецслужб на его устранение в Лондоне. Отошедший от криминальных дел авторитет стал сотрудничать со спецслужбами и даже был награжден орденом и именным пистолетом за участие в переговорах в Чечне. Еще одной версией похищения, которую выдвинул начальник следственного комитета Дмитрий Довгий, является возможная причастность Атлангериева к убийству журналистки "Новой газеты" Анны Политковской. В организации этого преступления сотрудники следствия подозревают Хож-Ахмеда Нухаева, второго человека в организованной Атлангериевым лазанской преступной группировке».

Кто же такой этот похищенный Мовлади Атлангериев? Сам себя он, как и близкие, называет Руслан, а кличка его - «Итальянец». Как нельзя более точно она характеризует Руслана – его манерный стиль жиголо, а также то, что когда-то сам Арmani приготовил ему штук тринадцать костюмов... Подобные ему люди всегда любят покрасоваться, деньги и власть для них – всё, - и тут как нельзя более кстати вспомнить подробность, характеризующую бывшего друга Руслана, а ныне – наиболее вероятного его похитителя. Хожа Нухаев не всегда был обвешан таким количеством присосавшихся к нему пиявок-родных - зятьев и родственников юной жены (племянницы Татаева). В более ранние времена Москва завистливо удивлялась... кошке с международной выставки, привезенной из Европы Нухаевым для любовницы, которая (кошка, - да и любимая) стоила целое состояние и легко могла быть обменена на неплохую машину. Кошка часто сиживала у Хожи на коленях, согревая, как женщина, белые пятна нарушенной пигментации на его теле, - и он ее гладил... К слову, оба – Руслан и Нухаев - носили роскошные кольца, подобранные с большим вкусом, нынешний миллиардер Хожа – на мизинце тонкое золотое кольцо от

Картье, с крупным бриллиантом чистой воды порядка двух карат. Подобные экзотические вещи всегда любил и Руслан - один из создателей и организаторов так называемой Чеченской Преступной Группировки, ее Лазановского отделения (по названию ресторана «Лазания», находившегося на улице Пятницкой в Москве, где держал чеченский «общак» директор Аракелов и где проходили разбор полетов и подготовка действий членов организации – Нухаева, Атлангериева, покойного Гены Шрама - грузина Лобжанидзе - и других), и куда с докладами регулярно приезжали, как на совещание на Лубянку, Суслов, Коржаков, Хохольков, Барсуков, - руководители ФСБ.

Дружба между Нухаевым и Атлангериевым возникла с начала 70-х годов. Они быстро сошлись во взглядах, их интересовали прежде всего власть, деньги и изворотливый ум, а так как Нухаев учился на юридическом факультете МГУ и имел соответствующие познания, то криминал был всегда поставлен на самом высоком уровне - и беспроигрышен.

Ограбления были очень жестоки и направлены обычно на студентов из арабских стран, чернокожих, - детей арабских шейхов, имевших при себе крупные суммы денег. Не желая жить в тараканьих советских общагах и владея наличной валютой, эти студенты искали в Москве квартиры на съем, а Нухаев получал наводки от КГБ и проводил есанкционированный «досмотр» под видом разбойных нападений. Полученной от иностранцев информацией и частью денег Нухаев с подельниками делились с кураторами КГБ.

Таким образом, - и мы не будем здесь на этом останавливаться подробней, упоминая лишь вскользь самое необходимое, - связи бывших друзей - тесные и давние, а преступная группировка - самая сильная и старая в Москве и даже в России.

Почему же сейчас Нухаев, носящий весьма красноречивую кличку «Гитлер», так разволновался и стал подозревать Атлангериева в утечке информации и, как сообщают «КоммерсантЪ» и Лента.ру, зачислен в вероятные похитители своего кореша?.. Ведь они помогали друг другу в лагерях, заботились на протяжении многих лет, жили душа в душу.

Нухаев привозил девушек, деньги, питание для Руслана в Чернокозово, когда тот отбывал свой срок... Так же и Атлангериев приезжал к Нухаеву с соответствующими дарами в зону в Алды.

Но после последней отсидки друзья разошлись. Разногласия начались из-за денег еще в тюрьме. Хожа хотел стать и всегда чувствовал себя лидером, полез в политику, а Руслана мучила ревность. Шла конкуренция за лидерство – деньги и власть.

Точными данными о преступлениях Хожи владеют только ближайшие люди: родные, ФСБшники, любовницы. Но предадут всегда близкие, не Нухаеву тут обольщаться!

Почему он стал опасаться старых друзей и коллег, устранив журналистов?.. Все дела, компрометировавшие когда-то Нухаева, в том числе оперативно-учетные дела уголовного розыска, были уничтожены еще тогда, когда Яндарбиев помог освободиться Нухаеву, и архив был сожжен под ликование друзей и автоматную стрельбу, под чеченские танцы во дворе грозненской прокуратуры. Таким образом, официально наш Нухаев чист как младенец и не судим. А все, что пишут о нем в Интерполе - лишь блеф и «утка» прикрытия от ФСБ. Так что Нухаев логичен: он правильно ищет утечку - в рядах ФСБ.

Но кому действительно было бы выгодно избавиться от Атлангериева?.. Заинтересованы многие: Кадыров и противоположный ему блок Ямадаева, – так называемые «новые чеченцы», пришедшие к власти; и на самом деле еще в 2007 году Руслан обещал лично Путину убрать Б. Березовского в Лондоне (когда последний ушел в опалу и повел политическую борьбу против Путина)... И все же больше других, мы считаем, мог опасаться Руслана его кореш Нухаев. - Из-за обширной и точной информации, которой владел (дай Бог, и владеет на этом свете) Руслан.

Поскольку без ведома Нухаева не проходило ни одно крупное похищение или убийство самых известных журналистов - Анны Политковской, Александра Литвиненко, Юрия Щекочихина, депутатов и всех, кто столкнулся с тайной Кремлевского двора, включая иностранцев (Пола Хлебникова и других, в том числе англичан), то Нухаеву есть, чего опасаться. И не только ему!

К примеру, когда в 2001 году, будучи в розыске по всем международным соответствующим инстанциям, Нухаев свободно прилетел в Москву, где был встречен в аэропорту председателем Евразийской партии Дугиним, а

также генералом Суловым (обвиненным впоследствии А. Литвиненко в похищениях и убийствах заложников), Нухаева в сопровождении Федеральной службы охраны Президента препроводили... в элитную гостиницу «Президент-Отель» на Якиманке, куда вечером и проследовали кортежи Путина, Суркова, Патрушева и других высоких гостей Хожи Нухаева. Был там, естественно, и его старый друг Руслан Атлангериев.

С легкой руки Элизабет Тэйлор, почетный гражданин Америки Нухаев сейчас суетливо ищет, откуда идет утечка информации, а пропадают или погибают именно те, кто ближе всего к этой тайне. Искать нужно бы... ближе к телу.

Таков профессиональный совет. Не дергать занятых людей по пустякам, не делать лишних движений. Тех терактов и убийств, которые произведены с санкции Хож-Ахмета, хватило на вышку еще в прошлом веке: не зря была пущена «утка» о его гибели, а дела и штаб-квартира еще в середине 90-х были перенесены в Баку. – Все тайное становится явным. А все же старый друг – лучше новых двух, и не следует разбрасываться «своими», впадая в панику.

5. Из беседы Владимира Мальсагова и Ларисы Володимеровой.

Лариса Володимерова: - Владимир, твоя книга «Русская мафия – ФСБ» <http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/malsagovogl.html>, вызвавшая ажиотаж в Сети, переведена на один из европейских языков и ждет презентации. Это событие освещаться будет отдельно. В книге говорится о том, о чем не успел сказать или не знал А. Литвиненко; это по сути логическое продолжение того, за что отдал жизнь Александр. Речь идет в том числе об истинных заказчиках взрывов «близнецов» 11 сентября. Литвиненко писал, что ближайший соратник Бен Ладена из «Аль-Каеды», объявленный Интерполом в розыск за террористическую деятельность, свободно находился в Дагестане на одной из баз ФСБ, где и прошел подготовку, и оттуда был «маршрутирован» в Афганистан. Когда об этом узнали западные страны и заявили России протест, то тогдашний начальник ФСБ Патрушев ответил, что спецслужбы, мол, не смогли установить личность всемирно известного террориста, так как он скрывался под чужими документами. Именно сотрудники дагестанской

ФСБ, развивавшие тогда совместно эту террористическую деятельность, были повышены в званиях и переведены на Лубянку.

Ты приводишь и другие свидетельства по этому делу, представив новые факты

Владимир Мальсагов: - Литвиненко обозначил логическую связь ФСБ – Бен-Ладен – 11 сентября. Те взрывы - типичная провокация ЧК: почерк полностью копирует разработку сталинских времен, когда Рихард Зорге, засланный в Японию, спровоцировал нападение японцев на американский флот, находившийся в Перл-Харборе, откуда началась Вторая мировая война, и тем самым втянул в эту войну Америку. Это почерк Сталина и российских спецслужб. Зорге осуществил подготовку японского удара по США, СССР получил Второй фронт.

Точно так же в 2001 году взрывы 11 сентября втянули Америку в так называемую «международную антитеррористическую операцию», разработанную кремлевскими спецслужбами под руководством Путина, которая привела к войне в Афганистане и подтолкнула к войне в Ираке. Благодаря этому Россия получила огромный скачок цен на нефть и гигантскую прибыль, обеспечив пополнение своих валютных резервов. Пополненный валютой бюджет способствовал финансированию разваленной нищей армии и даже созданию новых систем вооружения. Также благодаря этому – и лондонским терактам - Россия влезла в «большую семерку», ставшую «восьмеркой», хотя уже в то время правозащитники (и ты, Лариса, в десятках статей) призывали Запад одуматься. Благодаря все той же провокации, Россия смогла пролезть в мировые демократические институты, при этом захватив главенствующие позиции во многих отраслях. И все это дало ей возможность наглей вести себя на международной арене, шантажируя и оказывая давление на Европу при помощи «Газпрома», а главное, Кремль психологически запугивал весь мир, навязывая свои условия (что вылилось в агрессию против Грузии и аннексию Поти, - и это только пробный шар кремлевских игроков, если главы ведущих стран вовремя не предотвратят беспредел).

ЛВ: - Ты рассказал в своей книге, которую уже сравнили с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына, что ФСБ использовала Яндарбиева для передачи

секретных материалов о безопасности гражданской авиации США и для подстрекательства Бен Ладена к проведению терактов. Яндарбиев ездил к Бен Ладену с материалами, полученными им от Нухаева, чему есть живые свидетели из людей, близких в те времена к Яндарбиеву, в том числе и среди его родственников.

ВМ: - План по защите и безопасности всей системы американской гражданской авиации о коридорах самолетов и тому подобном Нухаев передал Яндарбиеву, занимая в его правительстве пост вице-преьера, курирующего экономический блок и так называвшуюся ими «внешнюю разведку»: черпая информацию из аналитических отделов ФСБ.

Такие данные о США могла разработать только разведка очень крупной страны, а не пещерный отшельник. Наша общая задача - не допустить перевода стрелок 11 сентября на ЦРУ и Моссад, что пытается сделать Россия. Сейчас в этом направлении продвигается работа российских спецслужб, и на подкуп нужных людей в самой Америке брошены миллиарды. «Непонятно кем» выпускаются безадресные – антисемитские, атеистические, антиамериканские - фильмы, как, к примеру, трехсерийный «Дух времени», в котором утверждается, будто семьи Бушей и Бен Ладенов имеют общие финансовые интересы; издаются «исследования». Ни американцам, ни тем более израильтянам, традиционно занятым ситуацией на Ближнем Востоке, и не дальше своих границ, это не нужно. Но для Лубянки проведение терактов и сокрытие преступлений - способ обогатиться и выжить.

Тем более совершенно несправедливо пытаться усматривать в громких терактах пресловутый «чеченский след». И Буйнакск, и Москва, и Волгодонск, и Нью-Йорк, и «Норд-Ост», и Лондон, и Беслан, и нынешний состав с нефтепродуктами на единственной ж/д, осуществляющей экспорт через Грузию, - дело рук ФСБ.

В книге замечен невольный акцент на моих соотечественников, так как я пишу только то, что сам пережил и знал лично, и то, что мне ближе, обращая взгляд на Кавказ, представляющий и сегодня важнейший плавильный котел. Но Нухаев с компанией - служба режисёров из ФСБ. Переизберут Буша - и будут искать нового козла отпущения; могут вновь

указать на чеченцев. Наша цель - провести расследование досконально и предотвратить этот ясный план ФСБ.

ЛВ: - Мы слишком высоко ценим Моссад и хорошо знаем ментальность израильтян, чтобы подозревать их в задействованности 11 сентября. Теракт разрабатывался не вдруг и на огромные средства.

У меня есть дополнительные данные по терактам 11 сентября, связанные с кругом генералов Ачалова, Лебеда, Рохлина, яркого коммуниста Анпилова, последнего генсека КПСС Шейнина, героя соцтруда академика Гуськова (автора кремлёвского "чёрного ящика"), гендиректоров крупных московских предприятий. Был, к примеру, такой разговор в кабинете у гендиректора объединения "Мосэнергоремонт" Козлова за год до теракта. В 2000-м году собрались Анпилов, только что приехавший из Северной Кореи (ему и Шейнину, как и Сажи Умалатовой, там иногда подкидывал баксы Ким Чен Ир), доктор физики Ишкарин, два депутата Госдумы от фракции КПРФ и ещё несколько человек (все – империалистские державники). Тема разговора была к тому времени уже банальной: как показать фигу зарвавшейся Америке. Анпилов произнес речь, вполне и тогда ему свойственную: США - страна пустая и внутренне деморализованная. Достаточно взорвать несколько небоскрёбов в Нью-Йорке, и паника этот народ уничтожит. Разговор возвращался к взрывам несколько раз. Возможно, простая случайность. А ведь мог Виктор Иванович что-нибудь знать отдаленно? Он ведь пользуется покровительством ГРУ-ФСБ! И планировалась-то операция не впритык к 11 сентября 2001-го года.

И с чего бы это Удугов с Умаровым за год с лишним до 11 сентября в своих проповедях угрожали Америке карами Аллаха? В одном из выступлений Яндарбиев говорил приблизительно так: сегодня безбожная Америка провожает Путина на массовые убийства чеченцев (что истина), а завтра могут взлететь на воздух их небоскрёбы. Полезно порыться в архивах "Кавказцентра" и найти там пророчества Яндарбиева: он их делал прилюдно.

ВМ: - Яндарбиев знал от Нухаева о текущей кропотливой работе русских мафии в городах США, и потому «прорицал». И как это оперативно Путин, обычно "выдерживающий время" в аналогичных ситуациях,

узнаёт о взрывах и в тот же час звонит ошарашенному Бушу? Не говорю уж о том, что твои знакомые азербайджанские беженцы в Нидерландах (твое интервью на You Tube) еще накануне печатали в газете в Германии предупреждение о готовящемся теракте, - но кто им поверил?..

ЛВ: - Трагедия 11 сентября, ввержение Америки в афгано-иракскую западню и превращение США в мирового изгоя обязательно будет расследоваться. В мире нынче мало кто верит, что выживший из ума старикашка из своей афганской пещеры организовывал такие грандиозные акции, которые могли бы и в принципе исходить только из двух центров - США или РФ. Мифическая «Аль-Каеда» давно придумана Штатами и, как козырная карта, разыграна ФСБ.

ВМ: - И здесь места нет антисемитизму: нужно четко сказать, что многие арабы параллельно с Кремлем финансируют идею, будто 11 сентября «провели» евреи (которым меньше всех это выгодно).

Приведу и такое «совпадение». Как писал в «ЛППГ» Александр, за несколько дней до взрыва в Волгодонске прямо на заседании Думы спикер Селезнёв объявил о взрыве в городе. Точно так же за несколько недель до 11 сентября в Москве ожидали со дня на день крупных акций в США. И это тоже случайность?.. Селезнев владел информацией: взрыва ведь еще не было. ФСБ и Кремль всегда работают грубо, утечки идут постоянно, помогая вам, аналитикам. Было бы еще проще – попросить сотрудников рязанского МВД продемонстрировать по телевидению фотографию террористки, по совместительству любовницы Татаева, о которой рассказано в моей книге «Русская мафия – ФСБ», - кадровой сотрудницы спецслужб Татьяны. Это она принимала участие при закладке мешков с гексогеном в жилых домах Рязани во время так называемых «учений». Вот бы удивились соседи, живущие по улице Паустовского в московском Ясеневе, что у них под боком – разыскиваемая террористка!

ЛВ: - Давай вернемся к грузинским событиям: ты упомянул оккупацию Поти. Россия начинает торги: несомненно, что и Ходорковскому отказали <http://lena-maglev.livejournal.com/> в условно-досрочном освобождении, так как это один из рычагов для Медведева-Путина в давлении на международное сообщество. Давно нужно было принять Грузию в

НАТО, и сейчас вообще бы не стоял вопрос о независимости и целостности этой прекрасной страны. Горько – но и полезно было творческой интеллигенции узнать саму себя в «зеркале»: как использован был в кремлевской игре талантливый Гергиев, запятнавший свое имя, но сохранивший очередные льготы для возглавляемого им театра, – так играют и ею. Всегда задаешься вопросом: почему, обласканные небом и славой, наши деятели искусств так легко продаются то за побрякушки от Путина, то, еще хуже, как Алексеева, утверждают с телеэкрана, будто нынешние времена куда демократичней прошедших (это с нашими концлагерями!), или, как всенародный любимец и клоун Губерман, – что «его» тюрьма значительно жестче сегодняшней?..

При всем сочувствии к трагедии осетин, расстрелянных прямой кремлевской наводкой, придется твердо сказать, что ведь это – как в лагере: сломают тебя или нет. Хочешь быть рабом – будь. А не согласен – посмотри, какие примеры, – что отдельные люди, что страны! Я всегда вспоминаю Талхигова, Стомахина и других ПЗК. Страны Балтии, в которые шли мы на танках... Касательно Грузии, всем понятно, что это была провокация русских. Но так же понятно, что США ее переиграли (и я думаю, что спланированно изначально): получили ПРО в Польше и, практически, Грузию – в НАТО...

ВМ: - Я считаю, что полностью вина за эту провокацию и агрессию против суверенной Грузии лежит на России и спланирована ее спецслужбами по указу Кремля. Недаром Медведев награждал в Кремле большое количество сотрудников ГРУ и ФСБ, отличившихся в грузино-российском конфликте. А как они «отличаются» - мы это знаем. Как правило, это зверские убийства мирных жителей переодетыми в солдат, в данном случае грузинской армии, спецслужбистами. Насилие и мародерство. Подобные методы отточены со Второй мировой, когда под видом гестаповцев сотрудники НКВД проводили карательные акции против мирного населения Украины, Белоруссии, а также в Чечне. Америка лишь вынуждена была пойти в ускоренном варианте на ответные меры, которые она должна была бы принять раньше: разместить ПРО, как можно быстрее принять Грузию и Украину в НАТО, а также применить к России полномасштабные экономические санкции по всем направлениям.

Оккупировав Поти, Россия тем самым отрезает Грузию от всего Черного моря, оставляя только Батум. Создав угрозу основному нефтепроводу, идущему из Азербайджана через Грузию в Турцию, Россия понуждает Казахстан, Туркмению, Таджикистан, Азербайджан перекачивать нефть через саму Россию, то есть под ее контролем, ущемляя экономические интересы этих стран.

В ответ на общее негодование мирового сообщества по поводу агрессии России в Грузии и на готовящиеся экономические санкции, Россия, как и всегда, предприняла ответный ход, пригласив президента Сирии - страны, являющейся фактически базой российских спецслужб на Ближнем Востоке. Практически все сотрудники сирийских спецслужб высшего ранга проходили подготовку в учебных лагерях ГРУ и ФСБ. Мне хорошо знаком этнический чеченец, проживающий в Сирии и работающий в ее разведке, который проходил подготовку на одной из баз ГРУ в Крыму (об этой базе пишет В. Суворов). Известный Ильич Рамирес (Ильич – имя, Шакал – его прозвище), обучавшийся в университете Патриса Лумумбы в Москве, был завербован КГБ и совершал террористические акты по всему миру. Основная база «отстоя», где он отдыхал после проведенных терактов и готовился к следующим, находится в Сирии. Сейчас Рамирес отбывает пожизненное заключение во Франции.

Также и Аджалан, глава курдских террористов, так называемой Курдской Рабочей партии, он же «сын» Примакова, руководивший всеми терактами, проводившимися на территории Турции и других стран, скрывался в Сирии и был выдан турецким спецслужбам (по настоянию российских), когда Россия стала заигрывать с Турцией. Сейчас он приговорен к смерти, приговор заменен пожизненным заключением в Турции.

Так вот Башар Асад всегда вызывается в Москву (как раньше - его отец) перед основным витком обострения так называемых «нефтяных войн», о которых писал Литвиненко. Это всевозможные провокации, теракты в Ливане, Израиле, Палестине и вообще на Ближнем Востоке, вызывающие рост цен на энергоносители. Сирию можно охарактеризовать как «киллера Кремля на Ближнем Востоке». Достаточно вспомнить ливанские события - и израильские битвы за Голанские высоты. Как раз

сейчас в Турции участились взрывы, проводимые курдскими террористами, - партией, созданной Примаковым и, как всегда, управляемой из Москвы.

ЛВ: - Еще бы не участились. Ты не мог пропустить заявление русских, что Грузия якобы готовит сейчас теракты по миру. Впрочем, над «советской» телепропагандой никак нельзя не смеяться. Формулировка "принуждение Грузии к миру" - это ж надо такое придумать! И еще мне запомнилось убийственное сообщение, что грузинские солдаты обучались «американским командам», а в качестве примера было отснято приветствие... «Good morning!»... Но давай вернемся к политике рангом помельче.

ВМ: - Недавно на «Чеченпресс», где ты была одним из ведущих аналитиков несколько лет, ваша совместная с Е. Маглеванной статья <http://www.chechenpress.info/events/2008/08/11/1f.shtml> вышла... без наших с тобою фамилий. Там же когда-то печатались три материала из книги, где еще не звучало имени Нухаева; а четвертый – по известной причине не вышел.

ЛВ: - Конечно, на демократическом сайте ЧП за кадром работает интеллигентный, высокопрофессиональный главред, которого не называем и которому мы обязаны почерком сайта, - но задуман-то Интернет-ресурс, как и пишет, против обыкновения небеспричинно, «ГУЛАГ»,... ФСБ. По стечению обстоятельств и как считает читатель, душа сайта по сути, - его «генеральная линия», - это Закаев. Но тут вспомнились, в т.ч. в интерпретации Бабицкого, дифирамбы Ахмеда... Кадырову.

Конечно, Закаев – прекрасный дипломат, прозападный интеллигент, желающий народу добра и никогда всерьез не относившийся к путинской «шестерке». Конечно, Закаев пока что не понял, что – и как – сам он будет использован спонсором; не станем подвергать его искренность сомнениям. Точно то же произошло с безупречным Буковским, которого мальчишки-карьеристы (российские; не говоря о политиках) используют в своих целях. Беда в том, что сегодня, когда голосуешь официально за демократов, вовсе не можешь быть уверенным, что в итоге – не за ФСБ. Не только демсайты, но и правозащитные организации, как «Мемориал»,

работают в пользу Кремля, а за стойками Европарламентов и Международных Судов всюду трудятся ФСБшные церберы, призванные «не пущать». Обывателю слишком сложно просчитать эти шахматные ходы, и даже умнейшие головы в политике, о которых мы вспомнили, покупаются (подчас – радостно) на этот фантик.

Не все средства, однако же, хороши, и ошибочно думать, что независимость Чечении, за которую каждый из наших коллег буквально готов отдать жизнь, достижима и грязными способами, и что если Кадыров приведет нас к светлому будущему и объявит свободной Чечню, то его грехи нам простятся. Ахмед мне друг, но истина дороже. Единственное, что можно пожелать «демократам», так это поверить очевидцу, то есть Мальсагову, и прислушаться к книге: ведь суть ее слишком серьезна!

«Кадыров нашел для Закаева место в грозненском драмтеатре», заявил "Интерфаксу" Кадыров после переговоров Хамбиева с «Гамлетом». По словам Хамбиева, тот обещал дать окончательный ответ в сентябре. Об этом же радостно сообщала бегущая строка на ТВ. Сам Ахмед пока что обмолвился, что это «блеф».

Но вот его интервью, и против этого уже ничего не напишут даже друзья: «Я считаю, те процессы, которые сегодня идут в Чечне, кардинально отличаются от предыдущих лет, скажем, 2000, 2001, 2002, 2003-й, когда гражданское население Чечни подвергалось жестким и жесточайшим зачисткам, пыткам и насилию. Сегодняшние процессы, когда практически ситуацию контролируют сами чеченцы... это ушло как бы в прошлое».

Вот об этих «чеченцах» мы сегодня и поговорим. О них написана книга. Презентация которой, Владимир, состоится в дни неуклонного перевыполнения плана Чернокозова, где ты сам сидел.

ВМ: - По утверждению Закаева, он и его соратники "не воюют против Рамзана Кадырова, они воюют против оккупационных войск". Закаев сейчас опозорился и дискредитировал дело, примкнув открыто к Кадырову. Это бросило тень и на Березовского, которого и так давно во всем обвиняют, хотя, копнув документы, видишь, что практически все

эти деяния совершил не он, а, скажем, Путин. У Бориса теперь уже нет инструментария в форме незапятнанного правительства в изгнании, отдельных честных политиков. Тот же Закаев только что был министром интел от Меджлис Шура, а это ультра-религиозная направленность. Ахмед поменял позицию. Касательно провозглашенной им в интервью радио «Свобода» деколонизации - в ряды сопротивленцев, по словам даже Ямадаева, буквально на днях ушло только девочек человек двадцать, т.е. наблюдается пополнение рядов. Это сами кадировцы так проводят «деколонизацию» Чечни, что Сопротивление неуклонно растет.

Березовскому хотелось бы сказать, что его можно легко обелить. Сейчас грозовую тень не него бросают умный, но необразованный бандит из Лубянской Преступной Группировки Хожа, а теперь и Ахмед, так наивно поддержавший Кадырова, а потому уже всё, на мой взгляд, потерявший, вместе с лицом. Положение Березовского спасли бы интеллектуалы.

ЛВ: - Хочу вернуть тебя к книге, к Нухаеву и Яндарбиеву. В предисловие внесены вставки, давай процитируем полностью:

«Жестко выделю: только пытающийся извлечь свой подлый интерес искаженно истолкует описанные в этой книге подтверждения пресловутого «чеченского следа», на самом деле несуществующего и выдуманного в аналитических структурах ФСБ. Во время написания книги спецслужбы еще не приступали к полномасштабному развертыванию программы дезинформации, призванной перевести стрелки ответственности за все громкие мировые теракты (и прежде всего теракты 11 сентября в США) на ЦРУ и Моссад, как очевидно сейчас. У сотрудников российских спецслужб в принципе не может быть национальной принадлежности, а есть корпоративный интерес и личная подлость. Так нет национальности у бандитов и террористов, о чем не раз заявлял и глава этих структур В.В. Путин. Поэтому оценивать действия Нухаева, Татаева, Лазовского, Васильева и прочих в свете национальности означает уводить ответственность от Кремля, который является главным и единственным организатором громких терактов.

...Идет война, и самым главным для всех чеченцев остаются свобода и независимость Чечени от российской колонизации. Я стоял и стою на позициях истинной демократии. Пример последнего вторжения России в Грузию показал всему миру прямую угрозу экспансии, реально нависшей практически над любым государством».

Как разграбил Нухаев Чечню?

ВМ: - 6 августа 1996 года русские были позорно выбиты из Чечни, но еще с апреля, после Дудаева, к президентству пришел Яндарбиев. На этом посту он находился около полугода до выборов Масхадова и формирования нового Кабинета министров, а Нухаев в это время заведовал всем экономическим блоком, был первым вице-премьером. Как говорил историк, о мертвом политике и полководце нельзя «молчать»: политик - не просто покойник, а бывлой вершитель судеб человеческих, ответственный за последствия. Моя приверженность демократии и идеалам Конституции заставляет пристально изучать прошлые ошибки и предупреждать о них современников: чтоб не повторилось. Многие политики имеют моральные тормоза, некую грань, и для Яндарбиева также существовали понятия Бог, нация, а для Хожи, кроме власти и денег, ничего не имеет значения.

У нас нет сейчас на руках протокола Хасав-Юртовского мирного соглашения, точнее, его экономической части, и я не могу назвать точную цифру, но свидетели говорят, что несколько миллиардов долларов поступило тогда на восстановление Чечни. Подумайте об этом факте. Полностью выручка за сырую нефть, а также все деньги, предназначавшиеся на восстановление республики, - все это в течение полугода своего хозяйствования Нухаев загонял на подставные счета за границей (легко назвать страны). Госслужащие и пенсионеры не увидели ни копейки, не было построено ни одного здания на бюджетные деньги, и это вам подтвердит любой житель Чечни.

У Нухаева с Яндарбиевым в конце правления начались сильные разногласия. Зелимхан возмущался беспредельными кражами вице-

премьера и перекачкой чеченской нефти на контролируемые Хожей терминалы. В это время Нухаев тесно контактировал с Волошиным, который по настоянию Хожи организовал устранение Яндарбиева сотрудниками ГРУ, и причиной была не только информация о хищениях - но и о терактах 11 сентября.

Хожа и Зелимхан ругались на людях чуть не до драки, в том числе и в Катаре, чему есть масса свидетелей, что позволило одному из сотрудников азербайджанских спецслужб заявить в СМИ, что убийство Яндарбиева организовано Нухаевым. Однако осуществили убийство талантливо, послав двоих и засветив их, тем самым отведя вину от Нухаева и Волошина.

Бывший Хожин подельник, Атлангериев, сдал ФСБ одного из полевых командиров – Турпал-Али Атгериева, занимавшего важные посты в правительстве Масхадова, доводясь ему родственником, а также вместе с Салманом Радуевым участвовавшего в Кизлярском походе, за что и был объявлен в федеральный розыск России. Вызвав его в Москву и дав гарантии безопасности, Атлангериев выдал Атгериева в руки спецслужб, и его умертвили в тюрьме, как Радуева, Лечу Исмаилова и других. За это Руслан получил от Патрушева награду – именной пистолет.

Хожа сделал хитрей: войдя в доверие к Гелаеву, он его прикормил, подкупил, исправно платил ему (эти суммы известны). Но впоследствии, когда Гелаев вышел из-под контроля и Нухаева, и ФСБ, и стал неуправляем, Хожа завлек его в ловушку. Об этом знают чеченцы, но никто еще не писал. Все это время распускались слухи, будто Хожа – соратник Гелаева и участник похода на территории Грузии. Убийство Гелаева дало возможность Нухаеву скрыться из виду на какое-то время, объявив себя мертвым. Все эти данные есть в расширенной версии книги.

ЛВ: - В ней четко показано, как ФСБшники вешают вину на нацию, подменяя понятия. У сотрудников российских спецслужб нет национальности, это твои слова. То, что в крупнейших терактах замешаны русские, чеченцы или евреи, лишь обычное совпадение. Да, был план: подсажем тупому российскому генералу, и кинем Америку. Как потопить США? – Давай, мол, придумаем, что они сами взорвали дома.

Невнимательные критики упрекнули тебя в недостаточности доказательности. Какие еще нужны факты? Ты сам свидетель, ты – факт, заплативший за это свободой. Ты готов свидетельствовать в суде, и есть современники, присылающие материалы, далеко не все пока что опубликованные, - эти люди подтвердят свои показания.

Мы сознательно не вносили дополнений в первую версию книги: рукопись сохранена, это взгляд «оттуда», из той «десятки», проведенной тобой в лагерях. Отвечу и тем, кто упрекает автора в умении приготовить «ширево»: Владимир много лет не прикасался к спиртному и к наркотикам, хотя и курит «Мальборо», что не может быть криминалом. Попробовал бы кто-то из вас провести столько лет за решеткой и при этом не закурить!

Пользуясь случаем, мы оба горячо благодарим Вальтера Литвиненко за дополнения к книге. Ее выход будет иметь особое значение для борьбы с подлинными террористами, а также для Грузии, так как «Русская мафия – ФСБ» объясняет в деталях весь механизм кремлевской кухни и покрытия российской шпионской сетью всего мирового пространства.

Книга также поможет разобраться, почему исчезают в Страсбургском суде жалобы ПЗК, в том числе Трепашкина или Талхигова, случай которого и вообще вопиющ: четыре года адвокат Насонов, службист, лгал своему подзащитному и другим адвокатам, будто сдал его дело в Страсбург! Сдать-то он мог, - но дело оттуда забрали, а невинный Талхигов сидит.

Твое восприятие событий, Владимир, пессимистичней моего, но я считаю историческим сдвигом выступление Саакашвили, стоящего рядом с Райс на трибуне: сколько лет мы ждали, что мир осудит режим КГБ! Теперь нельзя отмахнуться от произнесенного, Грузия неминуемо войдет в НАТО, останется целостной, мир перестанет в итоге пластаться перед Россией - за нефть, и демсилы России (которые, впрочем, пронизаны агентурой) получат поддержку Запада и усилят работу. Еще долго русские будут убивать из-за угла и перетягивать одеяло. Но следующий этап после Грузии - это Чечения.

ВМ: - Кремль, используя экономические рычаги, усиливает свое давление на политический эстеблишмент многих европейских стран, устраивая менеджеров vip-класса на службу в российские экономические супермонополии, как Шредера в «Газпром»; подобное предложение поступало подмаравшему себя на политическом Олимпе Берлускони. Так же и Нухаев Хож-Ахмет заполучил к себе на службу экономического топ-менеджера мирового уровня – Жака Аттали, бывшего управляющего «Европейского Банка Реконструкции и Развития» и советника президента Франции, находящегося на короткой ноге с большинством политических лидеров стран мира. С помощью Аттали Нухаев, а точнее – Кремль через свою ФСБ, лоббирует ряд проектов в пользу России. Вот это и есть «рука Москвы» в действии.

ЛВ: - Мы спорим, разговор бесконечен. Но однозначно мы присутствуем при переломном моменте. Вот и брезжит надежда увидеть свой дом.

Некоторые ссылки на публикации приведенных в книге статей:

<http://www.chechenpress.info/events/2008/03/15/1f.shtml>

<http://www.chechenpress.info/events/2008/03/20/1f.shtml>

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material.html>

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material2.html>

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru/myweb2/material3.html>

<http://www.alexanderlitvinenko.narod.ru:80/myweb2/material4.html>

<http://www.anticomprotat.ru/patrushev/volodimer01.html>

Приложение. <http://www.ingushetia.org/article/343.html>

Уважаемые соавторы!

Правозащитная организация «Марекса» (Нидерланды) готовит к открытию сайт вайнахов **Compromat.vay** (**Компромат.вай**). Сайт формируется из ваших многочисленных материалов, и мы просим всех, болеющих душой за свою родину, продолжать присылать свидетельства (**netvoynе@gmail.com** , письмом без приложений).

Сайт представляет собой свободную библиотеку, дополняющую Википедию и другие официальные Интернет-ресурсы, и призван по мере сил передать довоенную атмосферу Чечении и Ингушетии, убитого города Грозного. Не обойдется без подробностей и юмора, но основное внимание акцентировано на компромате на врагов независимости Чечни: агентов спецслужб, расхитителей народного добра и средств, опущенных на восстановление республики.

Благодаря выдающейся книге «Мафия ФСБ», архивам читателей и чеченской народной памяти, материалы коснутся ваших знакомых. В. Мальсагов вспоминает, как Политковская со взвинченной болью бросила ему в Москве упрек: «Что же вы, чеченцы, за народ такой? Вроде смелые и мужественные люди, при личной встрече рассказываете такую откровенную правду, что волосы шевелятся, и по этим рассказам столько преступников к ответственности привлечь и приструнить можно. А дела коснется – в сторону уходите и всякие причины оправдания себе находите. Ну ты же сам не подпишешься под своими материалами?» - «Здесь я, конечно, не подпишусь, я ж не самоубийца. А будет возможность за границу выехать – там скажу все».

Мы потому фиксируем данные об основных ФСБшных преступниках, так или иначе связанных с Чечней и дискредитирующих ее народ, что считаем нужным показать не только русскоязычным читателям, но и западным политикам, что, подавая сегодня руку представителям Кремля и Лубянки, они имеют дело точно с такими же палачами, расхитителями народных богатств и фашистами - и даже прямыми командирами тех, о ком рассказано в этих параграфах.

Много горечи вызывает непонимание единомышленниками: как это, отстаивая независимость Чечни, мы посмели сказать правду об окружении Дудаева или о том, откуда деньги берут демократы?.. Почему, глубоко уважая В. Буковского, уже однажды используемого Ельциным во время вторых выборов в 1996 году с обещанием сделать его премьер-министром и сообщая послужить свободе России, мы с брезгливостью воспринимаем карьеризм окружившей Буковского молодежи? Почему по-своему расцениваем хороший фильм Маши Новиковой о Каспарове? Осуждаем такого симпатичного Закаева, публично пошедшего на сближение с презираемым им же Кадыровым, - какую бы научную базу

актер для себя ни подводил, - в то же самое время, когда тысячи чеченцев, живущих мечтой о возвращении домой, не считают для себя возможным «немножко продаться», якобы «после - помочь родине».

Слегка беременной быть нельзя, и вставший на путь сотрудничества с ФСБ всегда будет предателем. Правда – одна, а стратегия и тактика соглашательства, проституции и коррупции никогда не позволят считать годными любые средства для достижения общей высокой цели. Зачем Лубянка создает западные очаги демократии, контролирует «марши несогласных», объединяет и финансирует эмигрантов, согреваемых такой чистой идеей – служить родине, где бы ни оказались?.. Как случилось, что едва ли не символом демократии в самой России стали бывший помощник Путина Касьянов и официально фашиствовавший десятилетиями Лимонов?

Касательно истинной российской оппозиции – она всегда была и будет существовать исключительно в лице отдельных великих фигур, к которым не имеют отношения «движения» в виде примазывавшихся и отстаивающих свои личные цели. К сожалению, демократами на поверку оказываются как раз те, кто уже отдал за нас свою бесценную жизнь: сколько вопросов хотелось бы задать им сейчас – и услышать ответ!

Главные претензии к официально орудующей оппозиции – те, что она, не строя иллюзий, лжет народу, но не себе, и фактически нельзя припомнить вдохновителя оппозиции (кроме Буковского и для кого-то - Новодворской), который хоть когда-то выступал бы в защиту оккупированной Чечни. Нет, абсолютно все претенденты на власть даже не планируют независимости колонизированных республик и отказа от нефти.

Корень недоверия к нам лежит на поверхности: как вообще мы имеем право обладать более проверенными источниками, чем сами «демократы»? – Но вот так складывается жизнь. Кто-то заплатил за эти данные годами тюрем и пыток, кто-то – потерей родных. Сегодня нам приходится буквально бороться за доказательность и продвижение истины, которая завтра будет восприниматься проще пареной репы.

В России не исчезнут крайне радикальные организации экстремистского толка до тех пор, пока в империи остаются спецслужбы в их нынешнем виде. Даже если бы в стране было спокойствие, то они сами создавали бы, как это делают и сейчас, и раньше, через свою агентурную сеть всевозможные ваххабитские центры, Имараты, чтобы вызвать кровопролития подобно нальчикскому, беслановскому, «норд-остовскому» и другим. Иначе видна была бы их собственная никчемность. Чтобы оправдать свое существование и огромные средства, выделяемые на них из бюджета, спецслужбы создают различные подпольные группировки, начиная с фабрик по изготовлению черной икры якобы для того, чтобы проследить путь контрабанды, а под видом этого наживаясь; можно вспомнить и множество других организаций на Северном Кавказе, в которых были задействованы бандгруппировка «Горец», возглавляемая подполковником ФСБ Мовлади Байсаровым, и своими же ликвидированная в Москве; ИПОН Бараева; КГБшная группировка Халифа-Адама Дениева, совершившая, под видом бойцов Сопротивления, ряд убийств и терактов в Чечне и сопровождавшая свою резню съемкой на видео; ГРУшные «Восток» и «Запад» под командованием Ямадаева и Какиева, и т.д.

В ходе становления независимости Чечни, наряду с чистыми силами революции поднялась и грязная накипь приспособленцев и провокаторов. Используя народные чаяния, вооружившись демагогией, многие из них и сейчас продолжают пожинать дивиденды на беде своей родины, извращая историю к собственной выгоде. Но еще живо немало свидетелей, не согласных с этим смириться и готовых предоставить архивы.

Администрация сайта.

*Некоторые имена, названия, даты могут варьироваться в написании или уточняться.

1. Круг Татаева. (Упомянуты: Магомед Атаев, Сайда Татаев, Эмиш Гучигов, Иса Нос, Махмуд Эсамбаев).

Атайчик.

Атайчик (Атаев Магомед, примерно 1958-9 года рождения, жил в Октябрьском районе г. Грозного возле площади Минутка, недалеко от

Сайды Татаева, с которым они были соседями также по школе). Сын директора Чечено-Ингушского Заготскота - теневого воротилы советских времен, жадного подпольного миллионера, прототипа эдакого Корейки. Отец кормил взятками обком, МВД, сам постукивал в КГБ, потому занимал уверенные позиции. Все это и немеряное количество отцовских денег, передаваемых через мать, придавало Атайчику редкий апломб. Высокого роста, смуглый лицом brunet с широким носом и крупными крыльями ноздрей, Атайчик не прочитал за свою жизнь ни одной книжки, и все его интересы крутились исключительно вокруг денег, женщин и выпивки.

Учеба: 1976 год, Атайчик выходит на занятия в университет. У него в кармане как минимум ежедневная тысяча рублей («Жигули» стоили около 6 000 по госцене, а зарплата врача составляла 120 рублей; 220 был потолок официальной зарплаты в СССР). На экономический факультет Чечено-Ингушского университета им. Л.Н. Толстого Атайчик был устроен за деньги отцом, но все лекции прослушивались усердным студентом в «Волгах» за карточной игрой в секу. Сексуальная жизнь: чрезмерно озабочен, как практически и вся команда Татаева (так как, не блистая ни умом, ни внешними данными, эти юноши не могли нормально привлечь девушку и реализовать свои сексуальные потребности). Как правило, встречался с дамами, которых интересовало лишь его финансовое состояние. Наиболее постоянным герл-френдом юности Атайчика была потерявшая, по ее рассказам, невинность от совокупления с отчимом девушка, после этого прошедшая по рукам через широкий круг состоятельных мужиков. По вышеназванным причинам и разорительности для отца Атайчика, его родители угрожали ей «переломать ноги». Порастряшего с возлюбленной папину казну, Атайчика в конце концов решено было папой убить.

Отец хотел нанять киллеров и, слыша о криминальных легендах вокруг имени Эмиша Гучигова, встретился с последним и предложил ему крупную сумму за убийство собственного сына. Во время второй встречи отец вручил Эмишу фотографию Атайчика, адрес его подруги и оговорил точную сумму. Через некоторое время Атайчик пропал. Удовлетворенный отец выплатил Эмишу крупные деньги за совершенную сделку и, чтобы отвести от себя подозрения, подал заявление в розыск на сына.

Разыскивать Атайчика принялись даже близкие родственники, не посвященные в тайну. Через неделю-другую до отца, однако, дошло известие, будто кто-то видел его сына живым в грозненском ресторане «Марзо», служившем притоном для крупных карточных игроков (известным игроком был и сам директор – Иса Нос, переведенный сюда из дирекции филармонии, где раньше находился зеленый стол-катран, и поставленный на эту должность Махмудом Эсамбаевым, также не чуждым азарта).

Вскоре отец самолично увидел сына, пьяного вдрабадан, в компании девиц и приятелей. Отец вызвал «на стрелку» Эмиша, предъявляя большие претензии. Эмиш вытащил из кармана пиджака маленький диктофон с записью «заказа» Атайчика и указанной суммой: «Если ты будешь болтать, я пушу это в эфир, и все узнают, как отец заказал своего сына! После этого тебе не место в Чечне».

Настоящее: Атайчика часто можно увидеть в компании с Сайдой Татаевым в ресторанах Москвы или в МДМ-банке.

2. Эмиш Гучигов.

(Упомянуты: Гучигов, Саид Алиев, Бабули и его родственники).

Карточный игрок, совершавший криминальные аферы большого масштаба. Внешний вид: очень привлекателен, носил генеральские сапоги из хромовой кожи высшего качества – так называемые комсоставские, вечно начищенные до блеска – хоть брейся в них. За отворот сапога всегда была заправлена белая тряпочка, которой хозяин моментально подчищал любую пылинку. В сапоги были вдеты сшитые по спецзаказу галифе из лучшей в то время шерсти. Белая батистовая рубашка, черный галстук на золотой булавке с бриллиантом, кожаный черный френч. Описанное выше представляло собой моду воров в законе, своеобразную униформу – по полной воровской фене. Все это венчала чеченская национальная папаха, что говорило о принадлежности, которой Эмиш законно очень гордился.

Руки были расписаны зоновской татуировкой. При якобы доброжелательной улыбке Эмиш пронзительно сверлил вас ледяными со

стальным блеском глазами, никогда не ослаблявшими волчью настороженность.

Жизнь проводил за игрой в карты, но никогда не играл в так называемой высшей лиге с самыми крупными и богатыми картежниками, как Саид Лиса по фамилии Алиев и другими. Эмиш играл только наверняка, в основном с сельскими парнями, привезшими с шабашки большие деньги и решившими покурить. Об Эмише ходили легенды, многие из которых он создавал себе сам, и всегда находились желающие с ним познакомиться.

Около грозненского рынка был один из майданов – тайных карточных домов (играть в азартные игры законом было запрещено). Этот притон держал горский еврей Бабули, за что имел 10% выигрыша, и там часто играл Эмиш. Бабули продавал в притоне водку, вино, сигареты, еду из ресторана. При желании можно было договориться о женщине. Эмиш обычно усаживался на почетном месте, за которым уже висел его кожаный пиджак, как генеральская форма, на услужливо принесенной Бабули вешалке.

У Бабули в Кизляре жил двоюродный брат, один из самых богатых в то время людей в советской России, работавший директором всех заготовбаз. В Кизлярском районе находились все откормочные прикаспийские пастбища, куда весь скот спускали на зимовку с Кавказских гор. По весне начиналась стрижка, вот за эту шерсть и шла война, и ежегодно убивали по несколько заготовителей с крупными суммами подотчетных денег на закупку шерсти. Здесь крутились миллионы рублей.

Брат Бабули из-за бешенных денег и приносимой ими власти слыл самодуром, и если кто-то его обгонял на машине на дороге, даже если сам брат ехал со скоростью 30 километров в час, - то обидчика увольняли с работы. Фигура этого миллионера, точнее, его деньги давно интересовали представителей криминального мира, но его всегда сопровождала охрана из ментов, им нанимаемых. Его дом-дворец охраняли милиционеры и КГБ. Потому-то и устремили взгляд не на него самого, а на его сынка, редкостного глупца. Сынка наконец-то украли. Бандиты прислали упреждающую записку: если отец обратится в милицию, то они его сына убьют. Нужно было действовать

неофициальными методами, и отец обратился к Бабули, зная о его связях с чеченцами и, в частности, наслушавшись об Эмише. За возвращение сына были обещаны крупные деньги.

Похитители снова прислали записку: если на рассвете такого-то числа отец не отдаст деньги до 4 утра, когда проходит поезд Минводы – Астрахань, то он найдет голову сына на железнодорожном полотне. Была названа символическая сумма: 121 тысяча рублей. Это были деньги огромные, но символизировали они в данном случае статью уголовного кодекса Российской Федерации 121 – мужеложество. Бандиты имели в виду, что сын будет сначала «опущен», а затем положен под поезд.

Отец обещал Эмишу отдать почти втрое меньше, тем более, что Эмиш не мог знать о запрошенных ворами условиях. Азартный Эмиш согласился и организовал бригаду из тройки бандитов-таксистов. Передача денег по требованию похитителей должна была произойти в вагончике КДП (контрольно-дорожный пункт, где отмечались водители маршрутных автобусов и проводилась проверка, а на самом деле перед вагончиком обычно выбрасывалась водителем взятка в спичечном коробке). Эмиш приехал туда задолго, понимая психологию криминалитета и будучи одним из них, - на опережение. Его бригада залегла в кукурузе у моста через речку Таловка и, несмотря на ночной туман, холод и обилие комаров в Притерской равнине, они терпеливо ждали рассвета, сжимая пистолеты в руках. Была тишина, изредка начали потрескивать цикады и проезжать по трассе машины. Чуть стало светать, вот-вот должен был пройти поезд.

Тут с поля, издали, освещаемый лишь не совсем растаявшей луной, появился крестьянин-аварец, погонявший ишака, - натуральный бедолага-колхозник. Проходя мимо вагончика, он вдруг начал оглядываться, присматриваясь к кустам и очевидно ожидая условных знаков - как потом выяснилось, от похитителей. Уверившись, что все спокойно, погонщик ишака резко запрыгнул в вагон, где его встретили подручные Эмиша. Погонщик схватил приготовленную там сумку с деньгами, где на самом деле была «кукла», и тут выскочившие из засады молодчики начали его бить оружием. Все это сопровождалось русским матом с чеченским акцентом. Погонщик понял, что с ним имеют дело отнюдь не менты: те хотя бы его не убили. Вскоре он дал раскладку, что

сын находится в палатке в Галовском лесу подле Кизляра, где его охраняют.

В момент экзекуции неожиданно произошла накладка: вдруг в вагончик влетели настоящие милиционеры в форме, и подручные Эмиша стали выбрасывать запрещенное тогда законом оружие и искать пути отступления. Все были арестованы и закованы в наручники; но единственное условие Эмиша при заключении сделки как раз было тем, что за любые возможные проблемы с правоохранительными органами папаша-миллионер возьмет ответственность на себя. Так что впоследствии вышло, по наградам и сообщениям газет, что будто бы хорошо спланированную операцию по спасению заложника провели доблестные сотрудники уголовного розыска Кизлярского УВД, а похищением руководил армянин – вор в законе – и его команда. Дали им по два-три года ареста, так как в советское время статьи за похищение людей не было, а вымогательство предусматривало только маленький срок.

Эмиш получил свои деньги. Папаша-миллионер сам сообщил ментам об операции Гучигова, так как боялся, что тот, уточнив всю картину и уже отбив сына, запросит большую сумму. Он не рассчитал одного: его сына-таки опустили. А машина «Жигули» третьей модели, в которой его похищали и увозили в багажнике, по суду, как орудие преступления, была конфискована и выставлена на продажу через комиссионный магазин. Папаша, используя связи, тут же выкупил ее как реликвию и подарил своему племяннику, в то время работавшему у него заготовителем. Эта машина еще сыграла впоследствии свою роль и в личной судьбе рассказчика, к чему мы вернемся...

Эмиш умер своей смертью после Первой чеченской войны в возрасте шестидесяти с лишним лет.

3. Махмуд Эсамбаев.

(Упомянуты: Эсамбаев и его любовники; Мамахан Мальсагов, Тимур Муталиев, Хаджибекар Боков и его дочь, Хасан Хаджиев и номенклатура).

Герой соцтруда, депутат Верховного Совета СССР и обладатель многих правительственных наград, выдающийся чеченский танцор (см. энциклопедию). Как и многие творческие коллеги, имел оттенки голубизны. Приведем лишь пару примеров.

В зоне Алды в общаковой палате собралась самая авторитетная в лагере чеченцы, преимущественно арестованные за преступления, совершенные в Москве, где они учились или вели криминальный бизнес. После еды, за дефицитным бразильским кофе «Пеле» зашел разговор, что и среди вайнахов, к сожалению, довольно известные личности отдадут иной раз голубизной.

Махно (Мамихан Мальсагов), очень известный в Турции бизнесмен, купивший пол-Стамбула и взимающий даже и в наши дни дань с московского бизнеса, рассказал об инструкторе Грозненского горкома КПСС Тимуре Муталиеве, брат которого, выстраивавший коммунистическую карьеру, женился на дочери председателя Верховного Совета ЧИАССР Хаджибекара Бокова.

Тимур был направлен в Высшую партийную школу Москвы, где попутно успешно занимался спекуляцией, так как имел связи с ведущими спекулянтками Чечено-Ингушетии, закупавшими крупные партии импортного товара. Также Тимур был связан в Москве с иностранными аспирантами, проживавшими с ним в общежитии (главным образом бизнес велся с японцами). У КГБ Тимур был доверенным лицом, т.к. был сам стукачом, и его легко было держать на крючке, прежде всего - как гомосексуалиста.

Своим людям давали поблажки. Прибыльней всего был бизнес на люрексовых женских платках, даже несколько штук которых проходили через обручальное кольцо и не занимали места при перевозке. В Японии они стоили центы, в то время как в СССР оптовая стоимость на один платок доходила до 35 рублей. Тимур скупал валюту на рубли спекулянтков, затем передавал ее знакомому японцу, часто летавшему на родину и привозившему небольшие блоки по тысяче платков. Навар был огромный.

Как-то раз московская бригада, покутив по ресторанам, решила провести время с девицами и поехала на так называемый Угол – место возле гостиницы Интурист, где в то время стояли путаны. В тот день не повезло, всех подруг разобрали, и Тимур пригласил приятелей с намеком, что у него есть девицы по вызову. Приехав к нему домой, выпили, но подружки не появлялись, и всех клонило ко сну.

Из присутствовавших в зоне при рассказе Махно был и второй участник событий. Они обменивались шутками, кивая друг на друга, кто же именно из них разделит постель с Тимуром, так как в квартире оказалось лишь два спальных места. По рассказу Махно, Тимур лез с домогательствами к спящему крепко захмелевшему приятелю: «Зачем тебе женщины? Мы и так проведем время прекрасно, я подарю тебе сказочную ночь».

Моментально отрезвев, приятель оттолкнул Тимура и перебежал к Махно. Поутру Тимур попытался неловко все сгладить, свалив на то, что, мол, привиделось нечто во сне. Однако впоследствии он жил с одним молдаванином, познакомившись с ним в Москве, где среди чеченских ребят давно шли определенные слухи о репутации Тимура и передавались вести об этом домой. Родственники Муталиева были возмущены и сообщали, что объявят кровную месть распространителям сплетен.

Тимур, как-то придя в ресторан к тому же Махно и чеченцам, обронил, что к нему приехали женщины за крупными партиями товара. И, пока сидели в ресторане, Махно, сделав вид, будто вышел звонить, поймал такси и поехал к Тимуру домой. Зная, где лежит ключ, он открыл дверь и провел капитальный досмотр. Искал он упорно, но ничего не нашел. Время было ограничено, и злой Махно зашел в уборную по нужде. Там стояли ведро для бумаг и бутылка по мусульманским обычаям. Но зачем же тогда бумаги?.. Ногой брезгливо толкнув ведро, Махно обнаружил огромную упаковку с деньгами. В ней было порядка восьмидесяти с лишним тысяч долларов. Забрав ее, он вернулся и невозмутимо рассказывал веселую историю за столом в ресторане до тех пор, пока Тимур не удалился.

В дальнейшем, обнаружив пропажу денег и хорошо зная криминальный почерк Махно, Тимур приехал к нему на разборку и стал требовать деньги. Махно парировал: «Если будешь шуметь, я на весь мир пуцу, что ты педераст».

Теперь это давно уж не тайна, и в Чечне он не появляется.

...Голубая тема в беседе набрала обороты, а среди присутствовавших в палате находился племянник Махмуда Эсамбаева. Во время беседы в комнату часто заходил еще один до этого позиционировавший себя племянником Эсамбаева, Хасан Хаджиев по кличке Кинжал (так как имел соответствующих размеров нос). Все знали, что Хасана курировал Эсамбаев и всегда помогал ему в заключении.

За несколько лет перед этим Хасан был арестован за попытку изнасилования и приговорен к минимальному наказанию усиленного режима по ходатайству Эсамбаева. Придя уже в Наур, в поселок Чернокозово, Хасан буквально считанные дни был на конвейере тяжелой работы: в зону явился Махмуд Эсамбаев со всей делегацией, включавшей представителя ГУИТУ МВД СССР, генерала, а также замминистра МВД ЧИАССР и ряда обкомовских работников высокого ранга. Перед этой комиссией администрация зоны ходила на цирлах, а хозяин крутился шестеркой. Всех испуганных эзков загнали в отряды и закрыли в локалки (минизоны), откуда затем вывели уже организованным строем на место летней эстрады.

Перед сжавшимися заключенными Махмуд стал толкать речи в своем амплуа, держа подмышкой с одной стороны московского генерала, с другой – замминистра, и спрашивая эзков: «Скажите мне, они вас обижают?! Обращайтесь ко мне, и я им устрою! Вы их боитесь? А они боятся меня!» - и грозил указательным пальцем перед носом у генерала.

Махмуд уже не танцевал, а просто болтал, но кто-то из его учеников восполнил этот пробел. Стоя на сцене, Махмуд вскоре спросил про Хасана. Все стали метаться по зоне, и наконец нашли Кинжала в рабочей зоне в измазанной солидолом и кузбаслаком спецовке. Его срочно переодели и явили пред светлые очи Махмуда, еще сами не понимая, для чего же Хасан вдруг понадобился... Махмуд просто сказал: «Вот это

очень хороший парень», - хотя никакого родства быть между ними не могло: Хасан родом из Шатоя, Эсамбаев – из Атагов.

Теперь Хасан занял место замминистра подмышкой Махмуда, а с другой стороны под крылом оставался генерал из Москвы. Шутливо и наставительно разговаривая, Махмуд двинулся через всю зону к выходу в окружении строя пресмыкающейся администрации. После этого положение Хасана изменилось коренным образом, к нему стали относиться как к золотому яичку – не дай Бог разобьется, и снимут погоны... Он был зачислен кем-то вроде пожарника, ему дали бендегу (привилегированное жилье – Адм.) до первого срока на химию, и при первой же возможности его вытолкнули из зоны. Так что, отбыв год с месяцем вместо трех с лишним лет, он был выведен на стройки народного хозяйства.

Выйдя на свободу, Хасан увлекся квартирными кражами и прослыл успешным домушником, к тому же подсев на наркотики (он и окончил свою жизнь, по веревке спускаясь с крыши девятиэтажного дома в чью-то квартиру, но веревка оборвалась...). Его снова арестовали, уже за кражи. Хасана ждал строгий режим. Но тут его осудили - и еще с меньшим сроком, вопреки всем советским законам, вернули в Алды, на общий режим. Все были поражены. Вот так он и оказался санитаром больнички, и теперь забегал в палату к Коту во время беседы о гомиках.

По рассказам Хасана все уже знали, что он - близкий родственник Эсамбаева, и Махмуд его курировал. Но тут учившиеся в Москве ребята стали рассказывать, как они заезжали к Махмуду домой в его отсутствие, когда хотелось покушать. Все дела там вела так называемая Марья Ивановна – педераст, служивший домохозяйкой. Зная слабость домохозяйки, обычно действовали по отработанной схеме: с собой брали гостя-чеченца, «конкретного горца кавказского типа», и являлись туда вместе с ним. Писклявым голосом Марья Ивановна отвечал, что Махмуда нет дома. Махно или кто-то другой говорил: «Землячок приехал, видишь? Он у нас с гор спустился, кроме кобылиц и ослиц ничего не видал. Видишь, нос у него какой? И там – до колена. Устроит по полной программе! Изнывает, готов накинуться». Марья Ивановна гостеприимно расплывался в улыбке, предчувствуя сладостную утеху, и приглашал всех

в квартиру. Стол, как в сказке, сам собой накрывался продуктами из закрытых распределителей. Здесь был весь валютторг...

Обычно «гостя» не посвящали даже в курс дела, и когда Марья Ивановна к нему лез, тот искренне грозился его убить, как простой деревенский парень. Землячки со смехом останавливали его и, уже сытые, ложились спать. Поутру квартира оказывалась пуста: голый стол – и ни крошки. Обиженный в лучших чувствах, Марья Ивановна выгонял всех даже без чая. Так, веселые, шли на занятия.

...В той беседе припомнили и одну историю, произошедшую в Сочи и рассказываемую слишком многими: голый Валерий Леонтьев мчался ночью по коридору гостиницы от голого Махмуда в папаше, кричавшего: «Ит иш съо ву шунъ. Оставьте его, он мой!».

Хасан, забегая, слушал все эти байки, а затем под окнами больнички с удрученным видом затопал туда-сюда, и тогда Кот к нему вышел. «Ты говорил, он твой родственник? Авторитетный человек... А ведь он голубой, ты же слышал?». И тут Хасан поведал свою историю об их «родственных» отношениях.

Будучи призванным в армию, Хасан попал служить в один из подмосковных городков. Мои ровесники помнят страсть Махмуда к поездкам и выступлениям в воинских частях, подымающим дух солдат. Проводить политвоспитание входило и в его депутатские полномочия. Он чаще рассказывал забавные истории, большей частью им выдуманные, чем танцевал. В конце бесед он всегда просил остаться земляков и, собрав в узком кругу соотечественников, интересовался их нуждами.

То же было и в воинской части Хасана. Но Махмуду приглянулся его нос, и он забрал Хасана домой, заставив начальство откомандировать его в свое распоряжение, так что два года армейской службы Хасан провел в московской квартире Махмуда, даже не зная, как одеваются в военную форму, и какого цвета погоны. Общение с Марьей Ивановной компенсировало это невежество... Махмуд не забывал своих питомцев, потому и курировал Хасана вплоть до трагической кончины последнего.

Даже присутствовавший в общаковой палате настоящий родственник Эсамбаева, выслушав все это с грустью, не отрицал сей истины: слишком много Эсамбаев сделал для своего народа, хотя без личной выгоды он никогда не ударил палец о палец, и даже один депутатский бланк с его подписью стоил полторы-две тысячи рублей.

4. Хадисов Хасан.

(Упомянуты: Хадисов и родственники, Саламбек Хаджиев, Автарханов, Докка Завгаев, Дудаев, Тапа Элембаев, Лема Алаев, Хамид Дакаев).

Хадисов Хасан, бывший замдиректора завода железобетонных конструкций, занимал множество должностей, но все они были связаны с реализацией леса. Имел крепкие связи в Красноярском крае, и в советское время лесная биржа на Ангаре практически работала на него. Лес воровал кубокилометрами. Каждой отрасли в то время выделялись опеределенные квоты, спускаемые из Главков Москвы, на получение дефицитных стройматериалов – металлоконструкций, труб, оцинкованной жести и т.д., но особенно – леса, пиломатериалов. Хасан, пользуясь этими связями, мог свободно давать взятки и делиться с кем угодно, и выбивал лес сверх лимита на любые регионы по просьбе директоров стройпредприятий, а то и региональных министерств строительства. На этом Хадисов делал огромные деньги, так как все эти сверхквоты проходили по-черному, за нал. Кубометр кругляка хвойных пород в 1975 году стоил примерно от 70 рублей (именно строительный лес).

Хадисов был культурным пьяницей, ежедневно кутившим в ресторанах Северного Кавказа (старался не светиться в Грозном). Его брат, главный врач кожвендиспансера, имел также денежную должность и лечил номенклатурных партработников бесплатно, в то же время собирая на всех них компромат. Это позволяло ему в республике жить свободно, не бояться брать взятки и в приказном тоне разговаривать с ментами вплоть до полковников. Таким образом у братьев Хадисовых в республике все было схвачено, и в силу этого они были там широко известны. Но по чисто человеческим качествам они оба не пользовались авторитетом и вызывали неприязнь. Хасан, несмотря на богатство, всегда норовил выпить и погулять на халяву. Так, приезжая в Орджоникидзе (нынешний

Владикавказ) и кутя в шикарнейших ресторанах, он, когда подходило время к оплате заказа, заметив кого-либо из молодых чеченцев, по старшинству подзывал к себе жестом и, согласно чеченским обычаям расспросив о здоровье родителей и о делах, читал наставление, прекрасно зная, что, попав в такую ситуацию, молодые пусть даже займут - но заплатят вместо Хасана в знак уважения. Тем более, что о родителях тот расспрашивал нарочито как о своих близких людях.

Внешность: Хасан был высок ростом, темноволос, косил на один глаз. На примере его личности мы и покажем одну из сторон чеченского менталитета.

Много пересудов ходило о том, где и как Хасан потерял глаз. Сам он пускал слухи, что это случилось в кровавых драках во время ссылки в Казахстане. На самом деле произошло это так. Действительно, еще в ссылке, молодой Хасан был приглашен своим близким другом в гости. Кушая жижиг-галныш и попивая коньяк, он оживленно беседовал, как обычно, о женщинах. На стол согласно этикету подавала сестра хозяина, молодая незамужняя девушка. Следя, чтобы на столе всего было в досталь, она молча выходила и возвращалась.

Хасан положил на нее глаз, оценивая телосложение. Войдя в раж, он обратился к хозяину в полушутливом тоне с комплиментом его сестре. Друг спросил через стол, подзывая к нему наклониться: «Хасан, а что, тебе сильно нравится ее фигура?..». Хасан отвечал восторженно и утвердительно. Тогда хозяин схватил его за загривок и воткнул ему вилку в глаз: «Теперь тебе больше не захочется оценивать ее прелести!».

По чеченскому менталитету, если ты пришел в гости к другу, то его сестра автоматически становится твоей сестрой, и ты должен ее именно так воспринимать. А его мать становится твоей матерью, и ты обязан оказывать ей почтение. В противном случае будет считаться, что через дружеские отношения ты проникаешь в дом из-за корысти, втираясь в доверие к близким. А если ты сначала познакомился с другом, а потом с его сестрой, то не возьмешь ее замуж во избежание дальнейших размолвок, чтобы из-за семейных неурядиц не потерять дружбу. В ином случае брат всегда должен будет отреагировать на жалобы своей сестры,

а она может просто по-женски отомстить мужу через брата под выдуманным предлогом.

Хасан был пророссийски настроен и с ностальгией вспоминал прошедшие времена, когда деньги, как он сам говорил, «считал кубометрами». Во времена перестройки уже не было прежней прибыли, и за лес взялись более молодые да ловкие частные предприниматели, в том числе в Красноярске. С приходом Дудаева и провозглашением независимости Чечни Хасан ушел в оппозицию в расчете на то, что при наступлении Кремлевской власти его заслуги учтутся, и он получит жирный кусок, как и в былые времена. Долго он так надеялся, критикуя новую власть, и, даже несмотря на свою крайнюю скупость, на свои деньги приобретал бычков, пускал на мясо и раздавал митингующей оппозиции, собиравшейся напротив его окон у театра. Таким образом он и сам принимал посильное участие в оппозиции, хотя и не лез на трибуну.

Когда началась первая чеченская война, Хасан получил ранение от разрыва российской мины, что рванула во дворе «барского дома». Он с радостью встретил приход прокремлевского правительства сначала во главе с Саламбеком Хаджиевым и Автархановым, а затем - назначенным на пост главы республики бывшим секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС Доккой Гапуровичем Завгаевым. Перечисляя свои былые страдания и заслуги перед вновь назначенным пророссийским правителем, Хасан рассчитывал если не на министерский портфель, то никак не меньше чем на пост начальника Главка или директора строительства, что и обсуждал во дворе с соседями-собутыльниками – главным балетмейстером Чечено-Ингушетии и директором народного ансамбля песни и пляски «Вайнах» Тапой Элембаевым, директором Ачхой-Мартановского ПМК Лемой Алаевым (неплохим человеком, ныне покойным), директором магазина автотоваров при техстанции в Черноречье, вечно подкалывавшим его другом – Хамидом Дакаевым.

Добившись аудиенции у Докки Гапуровича, припомнив ему старые знакомства и выплату дани, которую он отдавал Докке как первому секретарю, Хасан, подчеркнув свои нынешние заслуги перед Кремлем и спецслужбами, запросил пост по-товарищески. С уважением выслушав, Докка парировал: «С тебя триста тысяч долларов за желаемый тобой

пост: я ж должен и в Москве делиться за такие места. Я в Москве за них деньги отстегиваю». Хасан с негодованием покинул кабинет: кто-кто, а уж он-то «имел право» на бесплатный портфель. После этого он не называл Докку Гапуровича иначе как Доккой Купнуровичем, чествуя его за мздоимство и непомерную алчность.

5. Саламбек Хаджиев.

(Упомянуты: Саламбек Хаджиев, Хасу Магомадов, Муслим Гайербеков и его дочь Светлана, Дятлов, Горбачев, ГКЧП, Крючков, Пуго, Собчак, Попов, Темишев, Дудаев, ОКЧН, Умар Автарханов, Гантемиров, «ЭКОТЕК», «Силуэт», Минкаил Гуцериев, Славнефть, Руснефть, Тимур Гайербеков).

Саламбек Хаджиев – агент Комитета Госбезопасности еще с советских времен, работал под агентурной кличкой Мушкетер. Родом из Шали, где есть район, называющийся Съули-Къутр, «Дагестанский Хутор», и там преимущественно живут очеченившиеся аварцы. Отец Хаджиева был муллой; среди живущих там аварцев в основном и были либо чабаны, либо - кто похитрей, изучив арабский язык, становился религиозным деятелем и жил за счет этого. В опасные времена они легко «перекрашивались», вспоминая свое дагестанское происхождение. Так и во время выселения почти все они поменяли национальность, записавшись аварцами, и не были высланы в Казахстан, что дало им возможность пользоваться вынужденно брошенным скотом и хозяйством, приватизировав чужое добро и безнаказанно мародерствуя.

Кое-кто из них за это поплатился, особенно от рук знаменитого абрека Хасу Магомадова, который с 30-х по 1976 год боролся с советской властью в горах Чечни. А остальные, когда чеченцы вернулись из высылки, стали перед ними заискивать, используя все те же религиозные моменты, так как многие уже хорошо читали Коран, вызывая уважение чеченцев.

Закончив Грозненский Нефтяной институт имени Миллионщикова, Хаджиев ударился в научную деятельность, вступив в ряды КПСС, завербовавшись в КГБ и защитив кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Постепенно Хаджиев возглавил Северо-Кавказский научно-исследовательский институт, НИПИ-Нефть, который проводил большую

изыскательскую работу, связанную с нефтепродуктами. Они первыми начали разработку синтетических каучуков, полистерола, присадок на бензин (повышение октанового числа) и т.д., и эти открытия пользовались большим спросом за границей. Всю валюту Москва забирала к себе, а при Горбачеве часть денег уже могла идти в институт, используя для развития научной и производственной баз, для поощрения сотрудников, т.е. применяясь по усмотрению самого Саламбака Хаджиева.

Таким образом институт стал одним из самых богатых в СССР. Саламбек закупал итальянскую женскую обувь, импортные всевозможные вещи, представлявшие огромный дефицит, только что появившуюся на рынках Запада видео- и аудио-аппаратуру, российские автомобили. Все это распределялось «передовикам производства» по решению трудового коллектива. Председателем совета был Саламбек. Весь дефицит расходился за его личной подписью, и «стахановкой» могла оказаться никому не известная пожилая чеченка-уборщица, премированная всеми видами техники, парой автомобилей, квартирой (так как на свои деньги институт приобретал жилье для передовиков), и через подставных лиц все это продавалось за наличные в тридорога тем, кто был нужен Хаджиеву.

Еще в молодости (но уже добившись главных регалий), Хаджиев продумал свою карьеру, чтобы укрепиться в ЧИАССР. Ему нужна была выгодная партия, и потому он устремил взгляд на Светлану, старшую дочку председателя Совета министров ЧИАССР Муслима Гайербекова. Отец невесты сначала был против неродовитого дагестанского зятя, но тот предпринял усилия. Последней каплей, убедившей отца, был доверительный разговор с замом председателя КГБ ЧИАССР, а в ту пору уже ставшим Секретарем обкома КПСС по надзору за административными органами, то есть за КГБ и МВД, полковником Дятловым, практически все решавшим в республике. Он и порекомендовал Хаджиева в качестве зятя, и Гайербеков не посмел отказаться.

Хотя Светлана не блистала умом, ей сразу были присвоены кандидатская, а затем докторская степень и должность в мужнином институте. В Горбачевское время Хаджиев добивается в Москве разрешения на

использование валюты, принадлежащей его институту и хранящейся на счетах Внешэкономбанка СССР, для развития спутниковой связи – закупку антенн, параболических спутников и т.д., чтобы иметь свою медиа-связь – телевидение, телефоны и прочее. Валюта была им получена, и в результате махинаций Хаджиев более полумиллиона дойчмарок положил к себе в карман.

ОБХСС возбудил на него уголовное дело, велось расследование по фактам хищения валютных средств в особо крупных размерах, что в ту пору по существующей еще статье 93-й Прим. предусматривало наказание от 8 лет до расстрела. И опять всемогущий КГБ и личные кураторы Хаджиева помогли ему выбраться, дело было забрано из МВД в КГБ якобы для дальнейшего рассмотрения, и там положено в сейф. Таким образом у КГБ появился еще один крючок на Хаджиева, державший его в зависимости.

Когда он был директором института, учреждение имело широкие научные контакты за границей, поэтому ведущие специалисты посылались в командировки для продвижения советской науки. Но выезжать могли только те, кому добро давал сам Хаджиев, потому что в КГБ давали характеристику только его протеже, а в те годы никто без подобной характеристики выехать просто не мог. Так что любой выезжающий должен был быть лоялен перед Хаджиевым лично и платить ему определенную мзду, а, вернувшись из командировки, наиболее дефицитными товарами делился с Хаджиевым по его предварительному заказу.

При перестройке Хаджиев избирается депутатом в Верховный Совет СССР, а затем назначается Горбачевым министром нефтяной и газовой промышленности СССР. Это дало ему также возможность напрямую работать со всеми промыслами, заводами и назначать повсюду свою команду, но во время прихода ГКЧП Хаджиев «дешевнул». Будучи старым агентом КГБ и не учитывая своеобразие текущего момента, он поставил на Крючкова – на свой родной КГБ. ГКЧП, как известно, не удался, и все ГКЧПисты были привлечены к ответственности, хоть в дальнейшем и амнистированы. Они потеряли свои посты, а министр МВД Пуго и вообще застрелился.

Вернувшийся с Фороса Горбачев был удивлен, что до этого преданный и поющий ему дифирамбы Хаджиев, якобы представлявший когорту новоявленных демократов, как Собчак, Гавриил Попов и другие, его предал и встал на сторону ГКЧП. «От кого-кого, товарищ Хаджиев, но от Вас я подобного не ожидал», - сказал ему Горбачев.

Хаджиев долго оправдывался и пытался убедить всех у себя дома в Грозном, что это была провокация, так как в Грозный пришли силы, выступившие против ГКЧП (Темишев, Дудаев, то есть победивший ОКЧН). Потеряв посты, Хаджиев ударился в предпринимательский нефтяной бизнес, используя прежние связи. КГБ не забывает своих героев и стукачей, держа их в загашнике, – так и карту Хаджиева Кремль пытался разыграть, создав в Чечне оппозицию с помощью своей агентурной сети, и во главе поставив Хаджиева. На это были брошены громадные, миллионные средства - деньги, оружие, а базой для оппозиции был выбран Надтеречный район, откуда был родом первый Секретарь обкома Завгаев. Исторически в Надтеречном районе жили пророссийски настроенные соглашатели, а главой Хаджиевской оппозиции и его штаба был поставлен старый агент КГБ под агентурной кличкой Кино – полковник МВД за штатами Умар Автарханов.

Он был полковником МВД, служа до этого в Сухуми, а в Очамчири стал начальником следственного изолятора – СИЗО, в котором он по указанию из Москвы спровоцировал бунт и побег заключенных. Это было время распада СССР, и Москва уже готовила дестабилизацию Грузии, так как чувствовала, что та будет претендовать на свою независимость от России, и начала первые провокации со взрывов общественного мнения в Абхазии, отторгая ее от остальной части Грузии и устанавливая там свой плацдарм.

Выполнив задание, Кино был лишен регалий, но не посажен, и вместе со своим братом, в то время служившим в Угрозыске Абхазии, и которого знал любой грузинский криминальный элемент с побережья, так как он трудился там по карманникам и наркоманам, слывя первым взяточником, - вернулся в Чечню. Брат устроился работать контролером внутренней службы лагеря Чернокозово 36\2, а Кино, поддержанный КГБ и своим земляком – первым секретарем Доккой Завгаевым, - был направлен в производственное объединение «Силуэт», занимавшееся выпуском

ширпотреба. Как правило, там шла неучтенная продукция в огромных размерах, принося барыши, и каждый начальник многочисленных цехов по республике отдавал генеральному директору объединения ежемесячную подать в виде многотысячных сумм, в зависимости от величины вверенного ему цеха. Генеральной частью этих денег передавалась министру МВД ЧИАССР и начальнику ОБХСС за непрепятствование теневой деятельности. Другая часть вручалась Докке Купюровичу (тогда еще Гапуровичу) Завгаеву, ну а третья часть оставалась самому гендиректору «Силуэта».

Кино же отказывался платить законную мзду, принятую у теневиков, как бы на него ни давили, надеясь на прикрытие со стороны КГБ и на поддержку обкома.

Оппозицию Москва усилила Гантемировым, бывшим мэром Грозного, сержантом Урус-Мартановского КПЗ милиции, - насильником малолетних и старым агентом КГБ, который возглавил в оппозиции военную часть, став министром Обороны.

Он предпринял несколько попыток провокаций по захвату города, потерпевших поражение, но жертвы среди мирного населения все равно были. 26 ноября 1994 года перед началом войны была проведена генеральная провокация с попыткой захвата Грозного, и в случае победы планировалось поставить Хаджиева во главе республики. Завербованные спецслужбами, военнослужащие министерства обороны России - танкисты знаменитой Кантемировской дивизии – вошли на танках, помеченных белой краской, в Грозный в целях захватить Президентский дворец и власть.

Москвой было принято неправильное решение по ложным доносам и прогнозам оппозиции, гласившим, что дудаевцы слишком трусливы и слабы, и их никто из народа не поддержит, а при появлении пары-тройки танков все разбегутся. Но вышло наоборот. Как только первый танк приблизился к президентскому дворцу, он был подбит из-за угла молодым ополченцем, скорей всего впервые взявшим в руки гранатомет, и загорелся, по словам Дудаева, как спичечный коробок. Когда танки стали гореть, военнослужащие начали сдаваться в плен, видя, что и пехота их не поддерживает. План захвата позорно провалился.

Выехавшие срочно в Москву Кино, Мушкетов, Гантемиров оправдывались в Кремле и просили о начале полномасштабной войны на их родине, при этом заявляя, что сами возглавят воинские соединения и первыми пойдут против собственного народа.

С началом войны Саламбек Хаджиев с Автархановым и бывшим губернатором Краснодарского края Егоровым возглавляли штаб по захвату Чеченской республики и планированию продвижения войск. Постепенно Россия оккупировала Чечню, но рейтинг доверия Москвы к Хаджиеву со товарищи уже упал: Кремль видел, что фактически весь народ стал стеной против захватчика, а поддерживающих Хаджиева – единицы, разве что его родственники.

Поэтому было решено провести в Москве ротацию с подбором нового лидера. Тем более, что Завгаев, давно сидевший в Москве и сам рুবившийся за первое кресло в Чечне, выступая с одной стороны за Хаджиева, с другой всячески дискредитировал действия его группы перед Кремлем, указывая на их ошибки и восхваляя собственные достоинства. Он и получил пост главы оккупированной Чечни.

Хаджиев не у дел опять не остался. Ему было выделено придворным кремлевским Альфа-банком крупное финансирование на создание нефтяной компании «ЭКОТЕК», заправочные станции которой окружили Москву по всей кольцевой дороге. Также Хаджиеву был отдан на откуп нефтяной бизнес в Карелии – комплексы заправок с ресторанами быстрого питания. Позже заправки по кольцевой дороге он продал Минкаилу Гуцериеву, на то время командовавшему Славнефтью, а затем образовавшему Руснефть, - примерно за 30 млн долларов. На эти и другие средства Хаджиевым был открыт банк в центре Москвы на Шаболовке.

Кино (Автарханов) также получил свое, чин генерала и должность заместителя начальника всей налоговой полиции России, то есть кормушку не меньшую. Гантемиров же оставался мэром и при Завгаеве, но выступил оппонентом и повел с ним борьбу за финансовые потоки и, не поделившись с Москвой миллионами, которые греб из тех денег, что якобы шли на восстановление республики, Гантемиров был обвинен в мошенничестве и хищениях средств в особо крупных размерах, арестован

и переправлен в Бутырскую тюрьму. Там, как бывшему менту, ему для начала разбили голову обычные зэки, а потом он был изолирован в специальную ментовскую камеру, где и просидел, ожидая своей персональной амнистии, которую получил во время новой российско-чеченской войны. Тогда он был направлен в Чечню.

Настоящее: кроме бизнеса в Карелии, Хаджиев расширил свою деятельность на Украине, поставляя туда нефтепродукты. Фактически сам он управляет банком, а брата своей жены, бывшего преподавателя Нефтяного института Тимура Гайербекова поставил заниматься отделом в «ЭКОТЕКЕ» по развитию и реализации нефтепродуктов. Семейный бизнес процветает, всего награбленного не перечислишь.

6. Биографическая справка и шуточные дополнения о Махно. **Чеченская предприимчивость. Мамихан Мальсагов.**

(Упомянуты Мамихан Мальсагов, «Южный Порт», торговый комплекс «Вайнах», Леча Лысый, Муса Таларов, Чеченская ОПГ, Хоза Сулейманов, Нухаев, Атлангериев, Абу-Муслим («Мальш»), Руслан Кантаев, Кюри Гунашев, Мустафа «Шалажинский», главный префект Стамбула).

Во время учебы в 3-й школе по улице Комсомольской города Грозного, Мамихан всегда был засыпан насмешками по поводу отсутствия способностей: его так и прозвали, «деревянный Махно». Он мог спекулировать и хорошо делал деньги с детства на чем угодно. Обладая живым умом по поводу сделок, он попадал в смешные истории в отношении учебы. Как один из примеров, - под Новый год на уроке класс писал сочинение: кто как проведет праздники и каникулы? Махно, не долго думая, весь текст, слово в слово, списал с тетради впереди сидящей девочки-танцовщицы. Когда пришло время проверки и объявлялись оценки, учительница сказала: «А это сочинение заслуживает вашего особого внимания, - посмотрите, что наш любимый Мамиханчик написал, кем он хочет стать на Новый год!». И она зачитала сочинение Махно: «На Новый год я решила принять участие в самодеятельности и станцевать танец Снегурочки с Лелем. Мама обещала мне сшить голубое платье, украшенное снежинками. Когда я влюблюсь в Леля, то я расту. Я уже долго репетировала эту балетную партию во Дворце пионеров, и это будет моим сюрпризом на Новый год всем моим соученикам».

Класс не сдерживал слезы от смеха, и с тех пор Мамихана особенно смелые (в том числе будущий кожноеролог Буня) называли «Ну ты, Снегурочка!».

В советское время среднее образование было обязательным, и Мамихану дали закончить школу. Родители купили ему место в московском Автодорожном институте на Ленинградке, так как детской мечтой всех грозненских пацанов были машины. Вот в это время и реализовался настоящий криминальный талант Махно на лету срубать деньги.

Его бригады наперсточников стояли во всех контролируемых им аэропортах Москвы, он получал огромные барыши, и постоянно можно было слышать поговорку: «Кручу-верчу, никому не плачу!». Кидняки автомашин в Южном порту, крышевание, всевозможные аферы и спекуляции, игорный бизнес на счету Махно, а Таганковская группировка и сегодня ходит под Мамиханом.

По неуточняемой информации, весь трэфик кокаина, идущий в Европу через Турцию, находится под контролем Махно. В свое время, в конце 80-х, уже будучи дважды судимым за кражи магнитофонов из автомашин, он и сам подсел на наркотики, но затем от них отошел. Тогда же, удалившись из Москвы, он ежедневно снимал на грозненском почтамте переводы тысячных сумм, посылавшиеся ему московскими братками, не забывшими лидера.

В то время в Москве шла чеченская экспансия. Были также открыты ресторан и торговый центр «Вайнах» - торговое представительство Чечено-Ингушетии в Москве. Заведовал им чеченец, официантками работали в основном свои женщины. Само собой, туда стали приезжать земляки – обсудить новости и покушать. Московский 6-й отдел по борьбе с организованной преступностью имел свой интерес к этому комплексу, вел слежку и съемку, время от времени осуществляя налеты с повальными обысками, досмотром машин и проверкой документов.

Как-то раз там собрался весь цвет так называемой МУРовцами чеченской преступной группировки, среди прочих были Леча Лысый, Муса Таларов,

Махно и другие. Менты ворвались неожиданно и блокировали все выходы. Всех снимали на камеру.

В машине Махно находилось оружие. Пока менты всех обыскивали, шаря в карманах, то Леча лысый, любивший выставлять себя будто бы главарем чеченской мафии, показательно раскинул руки, привлекая к себе внимание: «Снимайте меня и уезжайте отсюда». Все вели себя непринужденно, посмеиваясь над ментами: тогда, во времена Горбачева, еще не вошли в обычай беспредельные избиения.

Обстановкой воспользовался Махно: чеченцы – значит обязательно преступники?!. Демонстрируя всем свой невозмутимый вид, Махно стал пританцовывать на месте лезгинку, подпевая себе в виде аккомпанемента на чеченском языке. Текст припева он сочинял на ходу, и не мог быть понят ментами. Песня, рассчитанная на официантку-чеченку, была такой (в переводе): «А там в машине у меня лежит герз – ствол с патронами, забери незаметно из машины, та-та-та, я тебя отблагодарю, ты сама знаешь, ля-ля-ля. В накладе не останешься, цветочек мой», и он выдал коленце, в танце раскинув руку: ему удалось незаметно передать одной из чеченок ключи от машины. Менты ничего не поняли: что это ты растанцевался, Махно? Ох, скоро не до танцев тебе будет!

Заметив, что официантка все поняла и ретируется, Махно отделался шутками.

(Отсылаем вьедливого читателя к книге В. Мальсагова «Мафия ФСБ», чтобы не повторяться, и приводим на сайте лишь выдержки).

Чеченская ОПГ отличалась от других преступных группировок прежде всего диапазоном распространения интересов, зависевших от экономической выгоды. В советское время первый, самый крупный рынок по продаже автомобилей в Москве находился в Южном Порту, и там проходило оформление машин в частное владение.

Так как дефицит всегда характеризовал социалистическую экономику СССР, машин было не достать и они стоили дорого, - то на этой основе строились криминальные схемы. К примеру, автомобиль «Жигули» стоил в середине – конце 70-х пять-шесть тысяч рублей, а реальная стоимость

доходила до пятнадцати тысяч. Но в то же время в стране существовала статья 156 – «Спекуляция», преследовавшая всякую предпринимательскую деятельность и предусматривавшая срок лишения свободы до семи лет. Официально приобрести по госцене машины мог ограниченный контингент граждан – шахтеры, передовики производства, академики, лауреаты Государственных премий. А чтобы рядовому «совку» дожидаться получения машины по очереди, нужно было прожить две жизни.

Каждый лелеял мечту – дожидаться машины. А те, кто ее имел, никогда бы не продали по госцене, и хотели подзаработать, то есть шли на спекуляцию, куда загоняла их алчность. Таким образом социально-экономические условия советского государства толкали на преступление большинство населения, и одни преступники вынужденно наказывали других. Через знакомых продавцы автомашин искали покупателей в Южном Порту - и тут строилась криминальная схема.

Взять в свои руки этот бизнес сначала попытались представители армянского, грузинского, московского криминалитета, но поскольку чеченская организованность всегда была решительней, бесстрашней и выше, то Чеченская ОПГ и захватила не только этот бизнес, но и весь Южный Порт со всеми ее сотрудниками, охранявшими милиционерами и т.д., начиная от простых автомехаников – до оценщиков в комиссионных магазинах и директоров.

(В то же время, как таковой «Чеченской ОПГ» никогда и не существовало: есть чеченский менталитет, согласно которому каждый чеченец, узнав, что другой попал в беду или нуждается в помощи, приходит на выручку. А более хитрый (как Хоза Сулейманов, Нухаев, Атлангериев) используют эти качества в своих интересах, ввязываясь в конфликт и втягивая в разборки своих земляков).

При покупке-продаже машины «по-черному» обоим участникам сделки было выгодно сбить стоимость товара для оценщика. Для того, чтобы он проставил в документах сумму ниже реальной, покупатель отстегивал ему проценты, то есть задолго до начала оформления начинала работать налаженная схема, и все ее многочисленные участники – охранявшая

Южный Порт милиция, кассиры, и т.д. – были в курсе деталей предстоящей аферы и радовались в предвкушении своей доли.

Продавец автомашины обычно приезжал на рынок в сопровождении жены или друга, ожидавших в салоне машины окончания сделки, и в тот момент, когда продавец и покупатель договаривались о цене, обоих устраивавшей, били по рукам, а жена или друг уже получали условленную сумму «для страховки», и оставалось только оформить «счет-справку» в магазине, подтверждающую приобретение машины для ГАИ и переход в личную собственность, - вот в этот момент напарник «покупателя», получивший «маяк» (условный сигнал), выхватывал сумочку с деньгами и исчезал («бежать» было не обязательно, так как милиция была куплена и прикрывала сделку, а пострадавший никогда бы не заявил об участии в спекуляции).

Цель «покупателя» заключалась в подгонке условий для спокойного отъема денег. В этих операциях отличились многие дельцы, впоследствии ставшие известными лидерами Чеченской ОПГ, такие, как Хоза («Воробей») Сулейманов, Леча («Лысый») Актулаев, Мамихан Мальсагов («Махно»), Абу-Муслим («Мальш»), Руслан Кантаев, Кюри Гунашев, Мустафа «Шалажинский», Нухаев с Русланом Атлангериевым, - а также представители правительства ЧИАССР, кое-кто из которых впоследствии, при Дудаеве, занял высокие посты.

Настоящее: Мамихан Мальсагов живет в Турции, где пользуется большим уважением, и даже главный префект – начальник полиции Стамбула – при встрече почтительно целует ему руку. Махно имеет большой выезд из Бентли, Роллс-Ройсов, 600-х мерседесов, - машин VIP-класса, и шикарную яхту, где и проводит встречи нужных гостей, укуривая их гашишем до посинения. В Москве числится в розыске также из-за убийства своего друга и соседа «Мусола» (Руслана А.), что не мешает ему изредка туда наведываться и под вооруженной охраной навещать земляков.

7. Братья Мараевы.

(Упоминаются: братья Мараевы, Нухаев, Яраги Мамодаев, Дудаевы, Илья и Саша (Ян) Якубовы, полковник КГБ Дятлов, Зорин, Бовин, Примаков, Салаудин Уциев, Ахмед Оздоев, Иса (Олег) Эгалуев, таты).

Мараевы родом из тэйпа Ченхой, как и Мамодаев, с которым Хусейн Мараев возглавлял первый «Совмин» Дудаева – КОУНХ, Комитет по оперативному управлению народным хозяйством. Было начало президентства Джохара Дудаева, и власть в Чечне захватила так называемая Ченхоевская мафия. Представители этого тэйпа возглавляли все денежные посты, контролировали реализацию нефтепродуктов, на чем сколотили огромные деньги. Нефть уходила по отработанным схемам на подставные фирмы, средства переводились в офшорные зоны на счета Хусейна Мараева и Яраги Мамодаева, фирмы пропадали. Так, на эти же деньги Мараевы скупили гостиничный и мебельный бизнес в Турции (фактически прогорев на последнем) и, перекинув капитал в Азербайджан, внедрили в нефть этой республики, сотрудничая с Нухаевым. В Азербайджане также был открыт московский, контролируемый ими, банк.

Все Мараевы – дети очень бедных родителей, когда-то жили в полуподвальном помещении разваливающегося дома в Грозном возле рынка. Старший брат, Лэrsa, устроился работать зубным техником, что в советское время приносило достаточный заработок. Но в начале 70-х годов он изнасиловал юную девушку, и на него было возбуждено уголовное дело. В изнасилованиях впоследствии отличились почти все братья, что характеризует их нравственность.

Лэrsa бы сел за решетку, но отец, не имея денег, повсюду бегал, изыскивая любую возможность отмазать сына. Рядом с ними проживала семья горских евреев – две глухонемые пожилые женщины. Их брат Илья Якубов имел, пожалуй, самый большой вес и власть среди горских евреев на всем Северном Кавказе, да и в СССР. Так как он был штатным сотрудником КГБ, как и все издатели газет (а он работал редактором издательства «Грозненский рабочий», где печатались все газеты Чечено-Ингушетии и некоторых других республик, а затем его перевели генеральным директором регионального отделения «Известий» по Северному Кавказу в Минеральных Водах), - этот горский еврей переговорил с Дятловым, в то время замначальника КГБ ЧИАССР и фактически имевшим контроль в Чечне. Забегая вперед, скажем, что затем сына Дятлова Гену споили в попытке решить проблемы с «органами» при родственной помощи; Гена пить – пил, но результату

никак не способствовал. На сей раз при помощи Дятлова-старшего дело Лэрсы было забрано в КГБ и закрыто. Мараевы поклялись, что будут помогать этому горскому еврею (точней, работать на Якубова), а в КГБ они дали подписку о сотрудничестве.

Об Илье Якубове стоит сказать подробней. В пору оголтелого антисемитизма в СССР, евреям было невозможно поступить в ВУЗы, связанные с оборонкой или работой за границей. Якубов с Зориным посоветовались и придумали хитрый ход: вообще отделить горских евреев от основного еврейства, обозначив национальность «татами». А так как горские евреи фарсиязычные, то их можно было формально обособить в отдельную нацию, и с тех пор в советских паспортах их пятая графа обозначалась словом «тат» и давала лазейки в коммунистической иерархии СССР.

У Якубова с женой своих детей не было, и они усыновили родного племянника – Сашу по кличке Ян, так как его отец, вор-карманник по кличке Мишка Малый, не вылезал из заключения. Ян в конце 60-х – начале 70-х держал себя нагло, пользуясь возможностями и деньгами отчима. Парень был маленького росточка, с большими отвислыми, вечно мокрыми губами, черноволос и прихрамывал на одну ногу, так как упал со второго этажа балкона своей квартиры, пытаясь открыть ее, когда родителей не было дома.

У Якубовых в то время гостили все московские корреспонденты – сотрудники КГБ: тот же Зорин, Бовин, Примаков и прочие. Пили коньяк высшего качества и кутили на самых лучших закрытых курортах Северного Кавказа, как могла позволить себе исключительно номенклатура.

Илюша сам не курил, но всегда в зубах держал незажженную папиросу, для пушего веса. Голова его обычно была наклонена как-то набок, и наглой походкой Якубов высокомерно вышагивал, взирая на окружающих, как бы никого из них не замечая.

Из-за его сына Яника происходили частые инциденты. Яник, чтобы улажить старших и заручиться их поддержкой, воровал из дома импортные сигареты и коньяк, швейцарский шоколад и весь

разнообразный дефицит, угощая им ребят, которые были взрослей и пользовались авторитетом в районе. В их числе значились Салаудин Уциев (он потом стал директором одного из крупнейших агропромышленных объединений в ЧИАССР), Ахмед Оздоев (впоследствии начальник большого строительного объединения на севере) и их компания. Илюша, заметив пропажу импортных угощений, наседали на сына Яника, требуя правды. Ян, трусливый сам по натуре, сразу же начинал лгать и кричал: мол, меня били, заставили, мне прохода не дают, мучают, обзывая «жидовской рожей»! Но показывал Яник не на старших ребят, а на ровесников и вообще посторонних. Илюша тут же шел разбираться даже со сверстниками сына. Держа в зубах папиросу и скосив голову, он наступал на лже-обидчика своего сына, - наступал в прямом смысле, давя ноги и стараясь запачкать обувь и брюки, и сквозь зубы цедя: «Подлец! Хам!». Театральным жестом он пытался вlepить пощечину по воздуху. Действовал он очень медленно, и рука не доходила до цели: пацан убежал.

Илюша также изрядно плевался, причем норовил это сделать в лицо оппоненту, перемежая ругательства. Один из пацанят, на опережение, плюнул в Илюшу, и с тех пор Якубов уж больше не рисковал. Кроме того, другой парень в подобной ситуации, получив оплеуху, дал ему сдачи, расквасив нос до крови, и обескураженный Якубов, нагнувшись от боли, кричал шоферу, который в конце концов и отвез его в обкомовскую поликлинику.

Яник, живя у родителей и подворовывая деньги, часто пользовался отсутствием отца, когда тот ездил в командировки. В центре города оставалась пустая, великолепно обставленная и заваленная дареными коньяками квартира, пользовавшаяся популярностью у девчонок и у ребят богатых родителей, перед которыми Ян пресмыкался. Во время попок-гулянок Яник плотно подсел на наркотики. Дома теперь собирался притон, все кололись, а когда отец пытался устроить разборки, то это не помогало, и тогда он стал приводить туда глухонемых бабок – следить за жильем. Тетки часто находили в чайнике кипятящиеся шприцы и их разбивали, просто не слыша угроз Яна, и тогда он начал над ними издеваться: глухонемые чувствовали колебания воздуха и на них реагировали, и Яник специально топал по полу, заставляя их прибегать понапрасну. Илюша брался отчитывать сына и теперь слышал в ответ:

«Заткнись, жидовская морда, ты мне не отец!». «Я тебя вырастил, кем ты стал?!» - парировал отчим...

Илья неоднократно устраивал пасынка на заготовительную денежную должность и в другие места, но тот просаживал подотчетные государственные деньги на наркотики, а Илюше приходилось все покрывать. Кизлярский родственник-миллионер подарил Яну машину и взял к себе на работу, но опять безуспешно. И тогда Илья, так как помог Л. Мараеву, обязал братьев последнего опекать Яника, что те отныне и делали...

Все братья Мараевы вышли в люди благодаря спорту, хотя высот достиг только один из младших – Хусейн, став мастером спорта международного класса по дзюдо и, выиграв множество международных соревнований, став чемпионом Европы. Другой брат Мараевых стал ментом (младшим лейтенантом милиции), чтобы хоть что-то из себя представлять и жениться на дочке министра просвещения Умарова. Когда Хусейн возглавил КОУНХ и фактически рулил с Ямадаевым в республике, то младшего лейтенанта... поставили замминистром внутренних дел.

Хусейн также засветился в попытке группового изнасилования, домогаясь на квартире у своего друга, тренера и наставника Исы Эгалуева девушки, но она выпрыгнула с четвертого этажа и сломала себе бедро, получила сотрясение мозга - и выжила. На Хусейна возбудили уголовное дело. И опять помог КГБ в лице Дятлова, в то время бывшего уже секретарем обкома КПСС ЧИАССР по надзору за административными органами, то есть за органами КГБ и МВД. В ход пустили и деньги, примерно 20 тысяч было выплачено следователю и девушке.

Как дзюдоисту, Хусейну дали диплом университета, хотя он там бывал раза три за все годы учебы, как и другие спортсмены. Когда началось интенсивное покорение Москвы чеченцами в 80-е годы, Хусейн также принял участие в оргпреступности, отметился в Южном Порту, как и многие, занимаясь кидняками автомобилей, а во времена кооперации принуждая коммерсантов платить дань за охрану и прочее.

С приходом Дудаева к президентству, Хусейн рванул из Москвы в Чечню, где прошло закрытое Ченхоевское совещание и решено было пробираться во власть. На старшего брата Дудаева, Бекмурзу, было оказано давление, и он рекомендовал Джохару привлечь Яраги Мамодаева и Хусейна Мараева к управлению республикой. Они так успешно для своего кармана поуправляли народным богатством, что в результате на их заграничных счетах появились круглые суммы.

После того, как у Ченхоевцев Мараевых произошла стычка с религиозным тэйпом Арсановых, поддерживаемых не только в Чечне, но и в Ингушетии, и погиб один из самых уважаемых его членов, - Мараевым и Мамодаевым стало небезопасно находиться на родине. Тем более, Хусейн публично бравировал мерседесом, прошитым пулями неизвестного, говоря, что в него стреляли, но он чудом остался жив. Хотя, при ближайшем рассмотрении, в таком изрешеченном пулями мерседесе выжить было нельзя. На удивление, многие пули были выпущены изнутри, из салона автомобиля, судя по их выходу: характерным розочкам на металле кузова.

Мараевы уехали в Турцию, Мамодаев поначалу – в Москву.

8. Спекуляции в особо крупных размерах; партийный бордель.

(Упомянуты: Тамара Салгериева и ее родственники, генералы Семенов и Рэм, первый зам МВД ЧИАССР Гусинин, А. Абдулвадуов и Р. Габисов, Абдул-Кахир и Абдул-Кадыр Арсановы, Кадзоева и ее сын Борис, Сатуева, Эмиш Гучигов, Завгаев, Брынцалов, Ельцин, Березовский, Мамед Муталибов, наркобарыга Илона, Батыр Дахкильгов, Амирхан Ш., Шабазгирей, Даудов, Щелоков, ювелир Алиев, подполковник Аристов, Абдул Эрзанукаев, Коля Балбошин, Басаев, Кобзон, министр Куликов, Ася Сулейманова, Масхадов, Р. Кадыров).

Как пример, назовем лишь несколько имен участников событий. Тамара Салгериева была одной из самых защищенных спекулянтток Чечни (ныне проживает в Турции, Карачаево-Черкессии, Чечне и Москве на Рублевке у зятя). Ее муж Х., бывший майором милиции Заводского РОВД Грозного, затем получивший повышение и звание подполковника и ставший начальником РОВД Шатоевского района, прекрасно знал, что

его тучная, похожая на жабу жена не гнушается любыми деньгами и ложится со всеми, с кем можно, покупая юных любовников.

Тамара, прикрываемая должностью мужа, спекулировала бриллиантовыми изделиями и импортной мебелью. Смекалка, однако, уберегла ее от одной из готовившихся интриг двоих ее сожителей, собиравшихся «кинуть» Тамару на перепродаже автомашины... Свою дочь Тамара вовремя выдала замуж за генерала Семенова (см. книгу «Мафия ФСБ»). Командующий сухопутными войсками России, Семенов позже стал президентом Карачаево-Черкессии.

В свое время Тамара Салгериева получала прибыль с борделей, которые при горбачевском правлении держала на персональной даче-дворце бывшего первого зама МВД ЧИАССР Гусинина, рядом с Аргунским ЛТП среди прудов с форелью и соответствующей красоты пейзажа. Все партийные бонзы и менты высшей категории были ее клиентами: то есть те, от кого зависела республика, сами попали в зависимость от Тамары и якобы стоявшего в стороне Абдул-Кахира Арсанова, а точнее, от их порно-видеосъемок.

Абдул-Кахир, будучи начальником медотдела МВД ЧИАССР и находясь в звании полковника, приватизировал этот гостиничный комплекс, превратив его в ВИП-бордель. Фармацевт по образованию, изначально Арсанов работал в аптеке, затем перешел в аптекоуправление, а вскоре стал его начальником по ЧИАССР. Так формировался его начальный капитал. Хотя по официальным данным в Советском Союзе наркомании не было, Абдул-Кахир прекрасно знал реальную стоимость наркосодержащих препаратов и потребность в них у населения.

Вся семья Арсановых, переехав из Ачхой-Мартана, проживала в Грозном на улице Первомайской напротив Первой горбольницы, где часто, около станции скорой помощи, находившейся напротив их дома, крутились наркозависимые, упрашивавшие врачей продать хотя бы одну-две ампулы морфина, омнопона, промедола и т.д. Зная это, старший Арсанов списывал наркотики за истечением срока годности. Да и другими путями, через младшего брата Кадыра, в то время еще учившегося в Горском сельхозинституте Орджоникидзе, он наладил реализацию, сначала - по месту учебы брата.

Оснований для списания наркотиков у старшего было множество. Так, однажды специально была повреждена водопроводная труба в комнате-хранилище наркотических средств и устроен искусственный потоп; подмочив несколько больших упаковок, Абдул-Кахир, как начальник аптекоуправления, сразу создал комиссию, где был председателем, и, хотя один из членов комиссии всегда был откомандирован от МВД, они были в доле. Акт составили – и списали десятки тысяч пачек наркотических средств.

Использовался и такой путь: через онкодиспансер, куда поступало большое количество обезболивающих, в сговоре со старшей медсестрой составлялись списки на мертвые души, – уже умерших людей, которым выписывались наркотики, как живым.

Этот бизнес в дальнейшем был перенесен в Грозный, и прямо из дома Арсановых на Первомайской, куда входил только один доверенный, был налажен массовый сбыт наркотиков. На углу, рядом с домом, находилась парикмахерская, и в комнате ожидания, где стояли на столах шашки и шахматы, томилась, страдая от абстиненции, наркозависимые «пациенты». Курьер собирал с них деньги, удалялся к Арсановым и, возвратившись, выдавал дозы клиентам, которые тут же в парикмахерской проводили самолечение.

Наркобизнес в Чечне налажен был на высшем уровне: замминистра здравоохранения

Кадзоева вкупе с Арсановым списывали наркотики и через своих доверенных лиц их реализовывали. Так, Кадзоева пользовалась услугами своей родственницы, школьной учительницы, также Кадзоевой, а по мужу - Сатуевой (она была к тому времени вдовой), которая жила в одном дворе с Эмишем Гучиговым и продавала наркотики через своего сына Бориса (впоследствии убитого).

Борис, тогда студент университета, был стукачом; продавая наркотики, он тут же подставлял купивших их рядовых наркоманов, но преимущественно тех, кто происходил из обеспеченных семей.

Борис работал на Мамеда Муталибова. Один раз у Бориса получился прокол. Решив подставить сокурсника из очень обеспеченной семьи, он как бы невзначай попросил его подержать пузырек с таблетками, в то время как парень даже не знал, что это такое. Борис якобы по нужде зашел в университет, и в этот момент вышедшие из стоявших неподалеку автомобилей сотрудники уголовного розыска во главе с Мамедом Муталибовым задержали этого парня и отвезли в Ленинский РОВД, где и зарегистрировали изъятие наркотиков, объяснив студенту, чем все это для него кончится и вымогая крупную сумму денег.

Студент обещал собрать нужную сумму, вышел и разыскал Бориса. Произошел подробный разговор о передаче наркотиков, и Борис нагло сказал: «Ты же меня не сдашь, что это я передал тебе наркотики? Советую тебе самому заплатить сейчас всю сумму, так как у меня денег нет». Эта беседа была записана студентом на предусмотрительно положенный в портфель диктофон, разговор был тут же прокручен для Бориса - и отнесен в РОВД. «Твое дерьмо, ты сам его и чисти», пояснил умный студент.

Тогда Боре пришлось упрашивать уже своих компаньонов по бизнесу, чтобы они остановили дело и не вели расследование против сокурсника, иначе его самого ожидал бы срок куда более существенный, чем светил этому парню. Борису пришлось заплатить своим компаньонам.

(Приводим отрывок из книги «Мафия ФСБ»). Мамед Муталибов, бывший начальник Отдела по борьбе с оборотом наркотиков в Ленинском РОВД города Грозного, был первым взяточником и весьма интересной личностью. На него работала половина грозненских наркоманов и наркодиллеров, продававших также и его наркотики. Когда в Грозный приезжала известная наркобарыга Илона, в советское время снабжавшая все Черноморское побережье Кавказа наркотиками, скупавшая краденые бриллианты, золото, антикварные ценные вещи, - то ее в аэропорту встречал Мамед и возил к другим крупным барыгам ЧИАССР, таким, как Батыр Дахкильгов, Амирхан Ш., Шабазгирей, а также к барыгам Назрани.

Там Илона выбирала для закупки морфин-сырец и другие наркотики, пряча их в целлофановом пакете в тогда модную высокую прическу, куда

женщины для крепости и лучшей сохранности сложного строения часто вставляли поллитровые и даже литровые стеклянные банки, - и под охраной Мамеда возвращалась к себе в Сухуми, Поты, Батуми. А Мамед имел свою долю.

В МВД он был на хорошем счету потому, что, по существовавшей в то время системе процентности раскрытия преступлений, являлся одним из первых, и потому, что его сестра была замужем за заместителем министра внутренних дел Даудовым. Сажая случайных наркоманов, едва ли не впервые решившихся покурить анашу, Муталибов, с помощью подставлявших их агентов, повышал отчетность. Если же кто-то из наркоманов был из состоятельной семьи или сам имел деньги, то за таким Мамед мог следить целыми сутками: захватывал, и получал свою взятку. В этом он также превзошел всех коллег. А отобранные наркотики он пускал в продажу, реализовывая через барыг, работавших на него.

Так осуществлялся «круговорот наркотиков в природе»: изымая у одних барыг и беря взятки, Мамед отдавал наркоту для продажи другим барыгам, около которых ставил свои засады и захватывал приобретших дозу простых потребителей, реквизируя наркотики вновь - и опять беря взятки. Сам он не пил, не курил; единственной его любовью и целью были деньги – и машины. Купив сначала одни-другие «Жигули», он приобрел ГАЗ-24, затем ГАЗ-24-10: как только выходила новая отечественная модель, он ее брал, а в то время это пристально отслеживал ОБХСС. Обычно машины покупались по доверенности на других лиц, но Мамед увязывал это со своими коллегами.

Когда Брежнев еще был у власти, но КГБ с Андроповым во главе занимал все более главенствующие позиции, оттесняя Щелокова с его МВД, и фактически началась война за власть между КГБ и МВД и перекинулась на регионы, - тогда сотрудниками КГБ ЧИАССР была проведена следующая операция. Один ювелир, Алиев, состоявший в близких дружеских отношениях с начальствующим составом Ленинского РОВД и другими сотрудниками милиции ЧИАССР, построил с ними такую схему. Договариваясь к кем-то (например, стоматологами) о покупке золота, он, как ювелир, подставлял их, «сдавая» ментам, которые конфисковывали золото и брали крупные взятки. Так случилось и со стоматологом из 4-й

больницы Заводского района Грозного, хорошим человеком по имени Константин, получившим срок и отправленным в лагерь Алды.

КГБ узнал об этих операциях – и провел свою встречную акцию, захватив человек шесть сотрудников МВД, в том числе подполковника Аристова, «пустив» его как главаря. А когда на них собирали характеристики и другие следственные материалы, то Муталибов выступил, оказав солидарность и не дав показаний против своих сослуживцев. А так как он числился чуть ли не первым взяточником, и КГБ имел об этом всю информацию, то отказ от дачи свидетельств послужил поводом для его увольнения из органов МВД.

Мамед унывал не долго. Он нашел свою стезю в криминальных «кидняках» машин в Южном Порту в Москве, - куда и перебрался. Там он также преуспевал, сколотив со своим школьным другом Абдулом Эрзанукаевым, который стал лидером группировки, бригаду по кидняку автомашин. Абдул, прежде осужденный по малолетству за удар ножом с целью грабежа в парке Кирова города Грозного, затем участвовал вместе со ставшим ментом Мамедом в оперативных рейдах по поимке наркоманов. Они часто ездили на Абдуловской машине, с ними в команде был хоть и не мент, но школьный друг – наркоман, специализировавшийся на рулетке по распространению билетов ДОСААФ с целью мошенничества, - Коля Балбошин по кличке «Ж...а». Он также крутил руки наркоманам, которых Мамед арестовывал. А полученные деньги делили между собой.

К тому же Абдул с выгодой женился на следовательше Ленинского РОВД, значительно старше его. Сложилась домашняя «мафия». Одни давали наколки, другие выслеживали и ловили, а третьи сами вели уголовные дела - и их закрывали за взятки.

А с «открытием» Южного Порты бригада перенесла свою деятельность в Москву, где преуспела, и с началом кооперации стала загонять новоиспеченных бизнесменов под свою «крышу», обкладывая их данью. Как результат, Мамед строит огромный дом, а у Абдула появится едва ли не самый большой дом в городе Грозном по улице Жуковского, в поселке Калинина. В этом доме впоследствии будет располагаться штаб Басаева, с которым они были в близких отношениях, и там остановится после

Первой войны приехавший выступить и ведший переговоры о нефти с Шамилем Басаевым Иосиф Кобзон. От Басаева он получит в подарок именную пистолет иностранного производства. Певец пошутит и примет подарок с такими словами: «Вот Куликов (тогда министр внутренних дел России, - *В.М.*) говорит, что Басаев вооружает террористов, я приеду в Москву, зарегистрирую официально пистолет и ему покажу со словами, – я тоже стал теперь террористом?».

Скопив капитал, Мамед заключил фиктивный брак с немкой и выехал за границу. Перебравшись в Испанию, купил огромный особняк, куда и перевез свою настоящую чеченскую семью, и организовал бизнес, открыв выгодную страусиную ферму, продавая (чужими руками) мясо и яйца, а из кожи делая обувь и сумки. Оставшиеся в России перегоняли на его счета заработанную валюту, которую он там прокручивал.

Жена Мамеда – Ася Сулейманова, - которую, по его словам, он безумно и преданно любил, - к несчастью, разбилась и погибла в автокатастрофе. Но Мамед не долго горевал, и забыть утрату ему помогла родная племянница собственной жены – сестра ее старшего брата, что среди чеченцев считается позором и чуть ли не кровосмешением.

Родители новой жены были в панике, обнаружив пропажу дочери, ее отец метал громы и молнии, клянясь отомстить похитителю, но потом замял дело – прежде всего потому, что семья существует за счет Муталибова и зависит от его капитала. А Мамед, в оправдание кощунственного поступка, сказал: «Понимаете, я так любил Асю, и она так обставила наше гнездышко на свой вкус, вложив всю свою душу, что если б другая женщина пришла в дом – это было б предательством по отношению к Асе. И поэтому я выбрал племянницу, которая отнеслась бы ко всему созданному тетей с любовью и бережливо!».

Так как Мамед – дагестанец, он попытался объяснить действия и с той стороны, что у дагестанцев не возбраняется брать в жены довольно близких родственниц, даже двоюродных сестер.

После окончания Первой чеченской войны и выборов Президента, Мамед попытался подлезть к Басаеву, заказав за границей рекламные проспекты с изображением Шамиля Басаева, видео-ролики и т.д. Но выборы в президенты Масхадова не дали осуществиться планам М. Муталибова.

Ныне Мамед, сделав хороший «подъездной» подарок Рамзану Кадырову, научившись совершать намаз и даже выучив арабский алфавит, что позволило ему «читать» Коран, получил от Рамзана «добро» на пост муфтия Чеченской Республики. – Таковы наши «праведники». Польсевшие и убеленные сединами, они чинно, как подобает умудренным опытом и набожным старцам, достойно прожившим жизнь, наставляют молодежь и в одночасье «превращаются» в символ той моральной чистоты, о которой сами никогда не имели понятия.

...Замминистра Тамара Кадзоева в конце концов стала сама наркозависимой. С этой должности она была переведена на работу главврача обкомовской спецполиклиники Грозного.

Полностью замазанные в сбыте наркотиков, Арсановы высоко поднимаются в должностях. Абдул-Кахир становится начальником медотдела МВД, и все зоновские больнички отныне находятся в его подчинении, что дает ему возможность обогащаться, представляя к активировке заключенных, здоровье которых на самом деле не давало оснований для опасений. Без подписи Арсанова ни один зэк не мог быть активирован, то есть выпущен на свободу по медицинским основаниям.

Подросший братец из Орджоникидзе, Абдул-Кадыр сначала на деньги от наркотиков купил должность директора вагона-ресторана в поезде Грозный – Москва, что приносило доходы и позволяло спекулировать, а затем приобрел место директора в открывшемся тогда новом и самом крупном ресторане (комплексе) Грозного «Океан». А третий их брат был устроен директором магазина Спорттовары на проспекте Революции.

Абдул-Кахир при Завгаеве был назначен последним министром страховой медицины, но долго там не продержался, как и сам Завгаев, а деньги - сорвал. Его база и домовладения находились в Кисловодске, но у него были фармацевтические фирмы также в Москве. Он пытался конкурировать с Брынцаловым. В отсутствие хозяина на его квартиру в Кисловодске было совершено вооруженное нападение, так как думали, что он находится дома. Оказавшемуся в квартире его дальнему родственнику разбили голову пистолетом, пытали. Это вынудило Абдул-Кахира перебраться из Кисловодска в Эмираты.

...Возвратимся к Салгериевым: женившись на Фатиме, генерал Семенов получил огромные перспективы для махинаций. Тогда еще командовавший сухопутными войсками России, генерал привлек тещу Тамару и товарищей своей жены, учившихся с ней в школе и живших в одном дворе А. Абдуладудова и Р. Габисова, и создал преступную группу по продаже боевых вертолетов под видом металлолома от сбитых в Чечне машин. То есть они продали новые вертолеты по цене веса металлолома, по документации сделки, а разницу разделили между собой. Безопасность сделки осуществлял генерал КГБ Рэм, живший в Ясенево на улице Тарусской в Москве.

Эта изложенная история и послужила поводом для отставки генерала Семенова из министерства обороны России по приказу президента Ельцина. Семенов полез в президенты Карачаево-Черкессии и получил этот пост, в чем помог ему Березовский, бывший секретарем Совбеза России. А БАБ позже получил оттуда депутатство из Карачаево-Черкессии в Госдуму России. Но это, естественно, мелочь...

9. Как все начиналось... Только нежелающий видеть – не видит. (Упомянуты: Ельцин, Примаков, Степашин, Арби Бараев, Мовлади Удугов, братья Хачалаевы, Гаджи Махачев, Шамиль Басаев, Бен Ладен, Аль Закреви, Путин, Хаттаб, Масхадов, Кадыровы, Закаев).

Проиграв Первую войну и вынужденно подписав Хасав-Юртовское соглашение, Россия с этим не смирилась, находясь в экономической яме и в преддверии дефолта 1998 года, и всячески подготавливала новую провокацию на Северном Кавказе. Сначала это делалось на уровне спецслужб, а затем, с пополнением казны нефтедолларами, при Путинском правлении произошло открытое вторжение оккупантов на территорию Чечни.

После дефолта Ельцин назначил Примакова премьер-министром в качестве примиряющей фигуры, т.к. его поддерживали и коммунисты. Примаков всю жизнь занимался Ближним Востоком, арабскими странами, создавая террористические движения, такие, как Курдская рабочая партия, Хамас и другие, и провоцируя так называемые нефтяные войны, в результате которых повышались цены на энергоносители с выгодой для Кремля.

В это же время в нищем Дагестане активизируется движение, проповедующее чистый ислам. Не оказывая почтение местным муллам, назначенным сверху и являвшимся как правило агентами КГБ, жители сел обратились к религии по шариату, как это принято в Саудовской Аравии и в традиционных мусульманских странах.

В даргинских горных районных центрах Кара-Махи и Чабан-Махи образуются чисто исламские мини-государства, где надо всем царит шариат. Они совершенно не зависимы от официальной власти, и все жители этих районов живут согласно исламу. В магазинах не продаются алкоголь и табак. Закрываются филиалы ростовщических банков. Выставляется пограничная и внутренняя самоохрана, и за это время в районах не совершается ни одного преступления.

Обособившись от официальной власти республики и не признавая ее, жители сел в то же время не выступают против нее и не совершают никаких подрывных действий. Разве что только налог был установлен в 10%, как положено по мусульманским обычаям, и больше этой десятины жители не отдавали наверх. Не применяются взятки, что бесит столицу – Махачкалу, и власти волнуются, что хороший пример становится все более заразительным и расходится по Дагестану. Это продолжается довольно долго, и в данный период неоднократно осуществляются провокации со стороны официоза, пытающегося довести дело до кровопролития.

В то время Степашин, начальник ФСБ, посещает Дагестан и встречается с наиболее авторитетными представителями этих районов, но не осуждает предвзято их жизненный выбор, а наоборот, советует разобраться с республиканской властью, видя проблему в коррупции. Разногласия между официозом и жителями раздувались по плану Примакова. Когда недовольство не получающих взяток властей достигло определенного накала, а жители районов спокойно молились и продолжали жить согласно исламу, была предпринята крупная милицейская акция. Жители уже неоднократно перекрывали дорогу, не пропуская машины, и все сильней нагнеталось противостояние, пока в конце концов власти не подогнали большие отряды ментов, и районы не были окружены и блокированы.

Параллельно в Чечне по заданию из Москвы создаются вооруженные группировки лжевахабистского толка, занимающиеся организованными похищениями людей, требованием выкупа, убийствами и всем тем, что подрывало репутацию Чечни и было угодно Кремлю. Ваххабизм по плану Лубянки окрашивается в террористические тона, чтобы можно было поставить знак равенства между понятиями «мусульманин – последователь учения Ваххаба» – и террорист.

Исламский полк особого назначения, ИПОН, под командованием Арби Бараева совершил практически все похищения журналистов, иностранцев, представителей Москвы по приказу Лубянки. Бараев якобы радел за чистоту нравственности. Если в машине находились молодые мужчина и женщина, то автомобиль запросто могли оцепить вооруженные люди Бараева, требуя доказательств того, что перед ними муж и жена. Если документов не было, то с них требовали крупную сумму денег. Шла охота на гомосексуалистов. Но отнюдь не забота о морали волновала Бараева, а исключительно деньги. Подняв те же флаги чистого ислама, что в Дагестане, под их прикрытием ИПОН по сути дела дискредитировал религию и страну. Его деятельность одобрялась пропагандой Мовлади Удугова, подгонявшего теоретическую базу под их беспредел. В Чечню и Дагестан были направлены проповедники, изучившие ислам ваххабистского толка в институтах Лубянки, они создавали всевозможные школы, обучая читать по-арабски Коран, объясняя абсолютно по-своему, одобряя убийства и похищения с целью выкупа тех, кого они «считали» вероотступниками или врагами ислама.

Покорение помнит: в Дагестане с конца Первой чеченской войны 1994-6 годов начинался религиозный подъем. Братья Хачалаевы во главе с Надиршахом, депутатом Госдумы России, который создал исламскую партию России, поддержали народные чаяния - освободиться от коррупции официоза (народ был обложен поборами на всех уровнях до того, что буквально стонал), и захватили здание Верховного Совета Дагестана. В этом их изначально поддерживал и принимал участие в действиях старый провокатор, известный «взломщик волосатых сейфов» Гаджи Махачев, также занимавший высокий пост. Бегая в камуфляжной форме и подстрекая к захвату здания, он поднимал народ, а когда оно было захвачено, то уже со стороны власти Махачев выступил в

цивильных одеждах, уговаривая Хачалаевых покинуть дворец и перейти на сторону официоза.

В Дагестане шло брожение и, так как в основном это была мусульманская республика, то здесь и разыгрывалась мусульманская карта. Хачалаев несколько раз обращался к Шамилю Басаеву, утверждая, как это и было на деле, что народ не может более терпеть погрязшую во взятках официальную власть и готов присоединиться к Чечне и, пойдя по ее пути, провозгласить независимость. Речь шла о том, что если только Басаев подойдет к Дагестану, то население его поддержит и выступит против Кремля и им поставленных марионеток. Но нужно учитывать специфику Дагестана, где проживает более тридцати различных народностей, говорящих более чем на ста языках (2687,8 тысяч человек общаются на языках четырех основных языковых групп). Само собой, что среди них имеются антагонизм и разобщение, сложившиеся испокон веков. В Дагестане живут две доминирующие нации: аварцы и даргинцы. Затем, помельче – лакцы, кумыки, лезгины и другие. Первые всегда находятся у власти: либо аварец, либо даргинец возглавляет республику.

После штурма здания российским спецназом, Хачалаев со своими сторонниками сдался, а Госдума очень быстро решила вопрос о его депутатской неприкосновенности, и он был на недолгое время арестован. Хачалаевых было несколько братьев, и они, особенно Надиришах, были лидерами лакского народа и пользовались большим авторитетом и, так или иначе, все братья были убиты.

Надиришах, титулованный каратист, всегда имел контакты с авторитетными чеченцами, в том числе с Басаевым, и принял участие в так называемом «чеченском воздухе» – авизо, что ему принесло первоначальный, довольно внушительный капитал. Надиришах был невысокого роста лакец, мужественного вида и с правильными чертами лица. Пружинящая походка выдавала в нем хорошо тренированного человека, а окладистая борода – приверженца мусульманской веры. Всегда строгая одежда преимущественно черных тонов только в непринужденной обстановке сменялась джинсами или хорошим спортивным костюмом. У Надиришаха был большой эскорт из нескольких шестисотых мерседесов, джипов хаммер, тойот ландкрузер и т.д. Несколько хаммеров, чисто военных джипов с подкачивающимися, в

случае попадания пули, колесами подарил он Басаеву. Надиршаха сопровождала вооруженная охрана преимущественно из родственников, которых он провёл в менты для собственных нужд.

Один из братьев Хачалаевых погиб из-за денег в стычке именно с чеченцами.

Дагестан, имея национальный колорит, на Северном Кавказе всегда привлекал особое внимание спецслужб Кремля. На территории республики были и базы для обучения боевиков Аль-Каеды, которые впоследствии забрасывались в Афганистан и далее. Так, правая рука Бен Ладена, Аль Закреви также прошел здесь спецподготовку перед маршрутированием в Афган, куда был перенаправлен. Вскоре после этого произошли теракты 11 сентября.

...По просьбе делегатов от населения районов Чабан-Махи и Кара-Махи и по заверениям Хачалаева, Басаев с Хаттабом предпринимает поход на Дагестан с захватом селений и выдавливанием ментов. Как раз в преддверии этого Мовлади Удугов по своему телевидению ведет зомбирующую пропаганду об образовании Дагестано-Чеченского объединения и рождения государства, живущего по законам шариата. Делегации обеих республик выбирают Басаева своим имамом. Под давлением Удугова совершается явный перегиб в сторону принятия законов шариата вопреки светской власти. Масхадов уступает радикальному исламизму и соглашается на уступки, преобразуя светские госструктуры в институты мусульманского госустройства. Нынешний ярый «демократ» и друг Кадырова Ахмед Закаев получает портфель в «маджлисусь шуре», заменившей Совмин, и также горячо поддерживает новые веяния, чьи волны идут от Лубянки. - Это старая игра ЧК в хорошего-плохого следователя, и на ее пике воедино сливаются ультрарелигиозный исламист Удугов и западный демократ Закаев: их цель и заказчики исторически создаются в Кремле.

Вооружившись этой провокацией, Путин, будучи премьер-министром, бросил в Дагестан практически все роды российских войск и окружил самоопределившиеся районы, сровняв их с землей. Во время боевых действий, когда легко могли быть блокированы и взяты в кольцо отряды Басаева и Хаттаба, предусмотрительно были сняты с границы между

Дагестаном и Чечней блокпосты и отведены оттуда российские силы. Несмотря на то, что все виды артиллерии и установки «Град» перепаживали землю районов, не оставляя ничего живого, а барражирующая авиация бомбила развалины, чтобы все стереть подчистую, и вертолеты гонялись даже за одним человеком, случайно кого-то заведя, будто за зайцем, - Хаттаб и Басаев спокойно вывели свои соединения практически без потерь, возвратившись в Чечню.

В это время Россия громогласно заявляла, празднуя победу, что провела блестящую операцию «по выдавливанию боевиков из Дагестана». Если бы дальнейшей целью было не разрастание войны и не перенос военных действий в Чечню, то оккупантам ничего не стоило уничтожить Хаттаба с Басаевым в голых дагестанских горах, где даже мышь видна на просторах: дагестанские горы тем и отличаются от чеченских, что там практически нет растительности.

Безусловно, Басаев и подчинившийся ему Хаттаб были самыми выдающимися тактиками и стратегами Чеченского Сопротивления. Искусство воевать у Басаева было врожденным, и все самые яркие операции на Северном Кавказе были разработаны им и проведены под его руководством. Тем не менее, популистские заявления о взятии на себя ответственности за те теракты, к которым он не имел отношения («Норд-Ост», Беслан, взрывы в московском метро, убийство Ахмад-Хаджи Кадырова, - когда все это было проведено исключительно спецслужбами России), подмочило его репутацию. Басаев вынужден был брать на себя чужое в угоду радикальным мусульманским спонсорам, для вооружения своих бойцов, героически сражавшихся с оккупантами.

К слову, Рамзану Кадырову проще было объявить кровником Шамиля Басаева, чем своего хозяина Владимира Путина, хотя Кадырова-старшего отправили на тот свет именно после того, как он перед телекамерами указывал Путину, чтоб чеченскую нефть отдали в распоряжение лично ему, дабы он сам, Ахмад-Хаджи, мог бы ее реализовывать, платя налог в госказну. Но такие богатство и власть Россия не отдает добровольно.

10. Армянское радио на чеченский манер.

(Упомянуты: Сулов, Опряткин, Гайербеков, Боков, Инаркаевы, Вахаев, Ермолов, Гитлер).

В начале 70-х Армения и весь дружный Советский Союз праздновали знаменательную дату: юбилей Еревана. По истории получалось, что это старейший город на территории СССР, еще со времен Урарту. Празднования проходили с невиданной помпой по сценарию из Кремля, и делегации всех республик организованно выезжали с подарками. В то же время правительство не давало западным армянам безвозмездно вложить свои средства в пир во время чумы, хотя те, как всегда, порывались.

В празднованиях должна была принять участие и делегация Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики, состоявшая из министров и секретарей обкома. Долго думали: с чем же им ехать в Армению? К обсуждению были привлечены ведущие ученые Чечено-Ингушетии, преимущественно историки. Чем армян удивить? Как подчеркнуть великую дружбу народов?

В Грозном проживала большая армянская диаспора, и посреди города расположился элитный район ее частных домовладений, называвшийся Бароновкой (в честь бывшего барона, построившего в Ялте «Ласточкино гнездо»). Стали думать: кто из армян наиболее знаменит и внес крупный вклад в историю Чечни?.. Никого не вспомнили выше докторов наук. Но один историк шепнул: «В Грозный немцы не сунулись, в Чечне они дошли только до Терека, а это порядка ста километров от города. На Сунжинском хребте располагались оборонительные линии ПВО (хотя фашисты старались не бомбить промысла: берегли чеченскую нефть – Адм. сайта). Так вот там были найдены человеческие останки!».

Останки там действительно вполне могли оказаться, но скорей всего – заключенных, которых Сулов, в то время первый секретарь Ставропольского края, вывел из тюрем своего региона под конвоем... Часть заключенных была расстреляна на хребте, так как существовал строгий приказ – не сдавать их врагу и при малейшей угрозе ликвидировать.

Ухватились за эту идею: «А почему бы нам не привезти в Армению останки неизвестного армянина, который доблестно защищал город Грозный от фашистских захватчиков?».

Останки с помпой упаковали в гроб, отдали в воздух салют, выстрелив трижды, как положено, и повезли в Армению хоронить, захватив также «достопримечательности» Чечено-Ингушетии: лучшие коньяки заводов, многолетней выдержки – лет по пятьдесят, – так называемый обкомовский спецзаказ, а также колбасы с Аргунского мясокомбината, изделия мастеров народных промыслов, которые подготовили кинжалы черного серебра, инкрустированные золотом, шикарные блюда с чеканкой, домотканые ковры, и прочее. По приказу обкома партии было собрано все, на что горазда республика.

И поехали они в Ереван. Передали. Захоронили. Провели положенный срок – и вернулась комиссия в Грозный. Как и принято, армянская сторона выказала ответные знаки благодарности всем гостям, и чеченской делегации также. Были переданы коробки розового цвета, перевязанные шелковыми лентами с бантиками. Министры везли их домой, подарки были продуманы по-армянски и вручались по рейтингу – соответствующего размера для каждого из делегатов. Самая большая коробка предназначалась первому секретарю обкома партии ЧИАССР Опряткину. Она была размером с хороший импортный телевизор. Поменьше, как в сказке о Машеньке и трех медведях, – председателю Совмина ЧИАССР Гайербекову. Председатель Верховного Совета ЧИАССР Боков получил подарок примерно того же размера. Затем шла плеяда министров, величина коробок которых зависела от их личной значимости на армянский нетрезвый взгляд. Так, министру бытового обслуживания Инаркаеву, у которого дома можно было лицезреть все эти дары перед раздачей, досталась довольно внушительная... А министр здравоохранения получил почему-то поменьше; что-то дали, совсем смешное на вид, и министру культуры...

Сын Инаркаева Зелимхан, тогда еще школьник, в доме отца которого хранились коробки до вручения адресатам, не пересилил любопытства. Одну коробку он приоткрыл и вытащил из нее блок сигарет, состоявший из пяти наборных пачек, а не из десяти, как обычно. Армянские сигареты всегда ценились, Зелимхан показал их и в школе, куда пришел он заметно поддатый, предварительно уже хлебнув с полрюмки подарочного коньяка: не мог же он устоять перед видом хрустального графина. По

такому поводу занятия были отменены учениками, и команда их пятерых юных повес направилась в дом Инаркаева.

Рассказывает очевидец: «Все коробки выстроились согласно размеру. В этом же подъезде жил дядя Зелимхана, тоже министр, Вахаев. Из его коробки Зелим достал сигареты, и мы выпили по рюмки коньяку из Вахаевского графина и принялись обсуждать социалистическое неравноправие: все должны быть равны, так почему же первому секретарю предназначена такая большая коробка?!

Разговор перешел к останкам неизвестного армянина. А как узнали, что он армянин? Или кости были соленые, как у крещеных?..

И решили мы всех уравнивать. Отжимая углы запломбированных коробок, мы из крупных выбрали на свой детский вкус излишки подарков - и у нас был большой школьный пир. А лишнее серебро мы отнесли в ювелирный магазин, где у нас, дураков, перекупщицы его отхватили с руками. Вот такая была уравниловка».

Но самый главный из ответных армянских подарков был воспринят чеченцами как издевка. В центре города между двумя проспектами, ко всем известному центральному Аракеловскому гастроному армянские строители привезли и там воздвигли питьевой фонтанчик с надписью: «Грозному – от Еревана». И все бы ничего, но фонтанчик был сделан такой вышины, что любой желавший напиться должен был встать непременно, что называется, раком. Хуже всех было женщинам. Пересудов по этому поводу гуляло достаточно. Однажды ночью какой-то джигит, не выдержав армянского глумления и намеков, подъехал на грузовике, накинул стальной трос и стал всю газовать, стараясь вырвать фонтан из земли. Трос врезался в камень, но фонтан не сдвигался. Подоспевший наряд милиции отконвоировал удальца в райотдел.

Фонтан били и ломом, и даже пытались взорвать, но только надпись со временем забили, не загасив струю дружбы братских народов.

В одном квартале от фонтанчика находился и памятник Ермолову, проведшему первый широкий геноцид в Чечне, и бюст регулярно

взрывали. Все тогда знали: если в городе взрыв – то это скидывают Ермолова.

На заводе «Красный молот» отлили штук двадцать бюстов: не успевали один взрывать, как через несколько часов стоял новый. А затем, чтобы было не подобраться, там поставили круглосуточный пост милиции, охранявший честь генерала. Затем уже по решению властей были замазаны частично его фашистские изречения... Полезно их привести – в назидание потомкам и для того, чтобы каждый представил, каково было чеченцам жить под оккупантами, ежедневно читая на чугунной стене перед памятником: «Я не успокоюсь, пока хоть один чеченец останется живой... Нет подлее народа под солнцем... Где бы я ни был, я помню, что я россиянин». Это было, как если б на Красной площади увековечили Гитлера.

Памятник был обнесен колючей проволокой с сигнализацией, но его продолжали взрывать.

11. Оппозиция.

(Упомянуты: Маша Новикова, Каспаров, Буковский, Лимонов, Иванов, Шендерович, Поткин, Жириновский, Литвиненко, Политковская, Вячеслав Измайлов, Светлана Ганнушкина, Орлов, Темишев, Дудаев, Масхадов, Закаев, Тутаков, Бешаев, Саралапов, Идигов, Елена Боннэр, Валерия Новодворская, Боровой, Елена Маглеванная, Сергей Юшенков, Ленин-Сталин-Путин-Медведев, Кадыров).

Под конец 2008-го года Маша Новикова демонстрировала в Амстердаме свой фильм о Каспарове. «Герой» был на премьере, и можно было фиксировать все его реакции на происходящее. Рядом с ним перешептывались его молодая жена и антипатичный политик Денис, всячески рекламируемый Каспаровым. О последнем интеллигенция всегда была высокого мнения: шахматы – и близкая дружба с Буковским (по словам Владимира). После фильма все изменилось. Зачем режиссеру понадобилось делать антипиар? – спросили мы Машу. Из тысяч лиц отупевшего быдла, на экране – лишь два интеллигентных: Шендеровича и еще какого-то писателя... Сам Каспаров – в окружении Лимонова, пробегающего Иванова и палачей – выглядит чудовищным продуктом страны и эпохи. Мы же никогда, и четверть века назад, не сомневались,

что писатель Лимонов – фашист?.. Сколько депрессии выходило на эту тему! А, узнав в тюрьме про катастрофу 11 сентября, когда еще так долго под завалами мучились раненые, Лимонов сказал, что его эта новость о взрывах «привела в ликование». Отец Лимонова был офицером НКВД. Кто знал Эдичку в юности, утверждал, что он был трусливым маменькиным сынком. Психически неустойчив, трижды пытался покончить собой. Одураченные им нацболы, рискуя жизнью, шли против власти, - наверняка среди этих детей есть самоотверженные, бескорыстные, но все это теряет смысл при таком руководстве.

Лидеры «Марша несогласных», как правило, являются старыми агентами спецслужб – Поткин, Лимонов и прочие. Их движения - своего рода тоталитарные секты, представляющие собой партию одного человека, подобно ЛДПР - партии старого кадрового сотрудника спецслужб Жириновского. Они с их движениями и созданы Лубянкой с целью выполнить роль предохранительного клапана на кипящем котле народного недовольства, потихоньку стравливая (спуская пары) и разворачивая массовый гнев в нужном Кремлю направлении.

За день до годовщины гибели Литвиненко, Каспаров не вспомнил на сцене и Александра, в чем ему возразили. Ответил: «Мои ребята в Москве проводят акции, а сам я как-то не подумал, забыл, что ли...».

Чечню в фильме Новиковой вспоминают единожды – да и то отрицательно. Станный фильм: вызывает стойкое отвращение к России и ее жителям. Обо всем этом мы спросили режиссера, ответила она подробно, и вот отрывки:

«Ну почему же я не отвечаю? Я сознательно не делала ни рекламы, ни антирекламы. Потому что мне хотелось чтобы люди увидели, как мне кажется, реальную картину современной оппозиции в России. Не знаю, что уж вас там так оттолкнуло от русского народа, я например, когда снимала демонстрации, была в восторге от этих мужественных людей, и съемки фильма, а также и общение со многими персонажами, помогли мне "реабилитировать" для моего сознания мою страну, к которой у меня болезненное отношение с 2000 года, когда я впервые попала на чеченскую войну, столкнулась с потерявшими всяческий человеческий образ спецназовцами, с офицерами

ФСБ, пытавшимися внушать мне слово Кремля, а потом, возвратясь в Россию, столкнувшись с одурченным, оглупевшим русским народом, жестоким по отношению к чеченскому народу, высокомерным и в общем-то просто глупым. Поэтому, познакомившись в 2003 году с Анной Политковской, я узнала в ней свою тоску по общению, свое одиночество, которое уже тогда у меня укоренилось, бывая в России. Знакомство тогда же с Вячеславом Измайловым, а позже со Светланой Ганнушкиной вселили в меня надежду, что в России еще остались прекрасные люди. Есть люди, которые, посмотрев, захотели помочь оппозиции, есть, значит, и люди как вы, которые захотели обвинить оппозицию в пособничестве Кремлю... Зачем? чтобы оставить себе единственное место честного, бескомпромиссного борца? Я надеюсь, вы этого не хотите. Давайте попробуем быть добрее друг к другу. Ну хотя бы попробуем...».

Мы ответили, в частности, Новиковой: «Горячо Вас поддерживаем. И еще нескольких человек - тоже. Просто мы больше знаем, так получилось. Секретной информации у нас больше и людей рядом, ею владеющих. Про Ганнушкину и Орлова, например, Володимеровой говорил и писал Саша Литвиненко строго обратное, архив сохранен».

Об отношении к оппозиции, в том числе чеченской, спросили и теоретика чеченской революции Мусу Темишева. - «Чеченское политическое поле состоит из трёх сегментов: 1. религиозный, 2. промосковский, 3. демократический. Первые два сегмента заполнены действующими лицами и кланами. Третий - демократический - был пуст до 2005 года. Политики, которые живут на Западе и пользуются демократическими словесами (Закаев, Тутаков, Бешаев, Саралапов, Идигов и все остальные), по сути всегда подыгрывали и подыгрывать продолжают по сей день религиозной вооружённой оппозиции. Закаев с Саралаповым, так те вообще состояли в "маджлискуль шуре" до прошлого года. Идигов - прямой участник разрушения чеченской демократической государственности в 1993 году: поддержал своего родственника Дудаева. Все остальные политперсоналии, косящие под демократов, ни разу не осудили антиконституционные действия Дудаева, а затем и Масхадова, когда последний под нажимом маджлискульцев в феврале 1999 года объявил в Чечне шариатское правление.

О российской оппозиции - престарелый гей Лимонов кругом обижен жизнью и посему мстит государству и миру за свою несостоятельность и провоцирует одуроченную молодёжь на бесполезные смуты. Реальную российскую оппозицию составляют отдельные люди с непререкаемым авторитетом. Это, прежде всего, Елена Боннэр, Владимир Буковский, Валерия Новодворская, бизнесмен Боровой, журналистка Елена Маглеванная. В этом ряду были покойные Анна Политковская, Сергей Юшенков, Александр Литвиненко. Широкая оппозиция в России невозможна по определению. Почему - это вопрос отдельного исследования. В России возможны спонтанные бунты а ля Пугачёв или погромы еврейские, чеченские, грузинские и т. п.». (Конец цитаты).

Почему же так называемое чеченское демократическое крыло во главе с А. Закаевым подыгрывает религиозной вооруженной оппозиции? Как бы ни позиционировали они себя на Западе, пользуясь демократической фразеологией и играми цивилизованного общества, - по сути это лишь показуха, чтоб удержаться на сцене. Только люди с винтовкой представляют реальную власть в Чечне: они воюют, борются, погибают. А «демократы» лишь стригут дивиденды.

Народ в России сегодня, как и всегда, - управляемая стихийная сила, чудовищная помесь феодализма с гламуром, и ничего нового не повторить за Чаадаевым. Мальчишки-карьеристы обратной ориентации пока что не научились скрывать амбиции и способность идти по трупам, в том числе своих лидеров. Игра скучна и открыта, - какие ж тут шахматы... Но оппозиция обязательно придет к власти, так как разворованная Россия разваливается, нефть кончается, страна вот-вот перестанет представлять былой интерес для кремлевской верхушки, переведшей колоссальные состояния на западные счета и купив в Баден-Баденах замки. Но и эта оппозиция уже насквозь пронизана ФСБшниками. Еще до создания движений и различных организаций в план закладывалось присутствие ФСБ, - как старый пример, на этом строится вся российская дипслужба на западе, работа всех «культурных центров», русских церквей и школ, призванных организовывать пятую колонну, переписывать эмигрантов, отслеживать новости и держать всех под колпаком точно так же, как и всегда - всех русских за рубежом. Оппозиция потому и придерживает давно полученные ею данные,

например, о том же «Норд-Осте», что не может одной рукой обнимать кадрывых-путиных, а другой – поставлять на них компромат.

План Ленина-Сталина-Путина-Медведева о развале Европы и порабощении мира (план ЧК – ОГПУ - НКВД – МГБ – КГБ – ФСК – ФСБ) не исчезал никуда: он воплощается планомерно, чему способствует поддержание нестабильности на Ближнем Востоке, международных терактов и т.д. Русская нефтяная рулетка опробирована многократно и в конце концов выстрелит по своим. Прикладная геополитика прикрывает землетрясениями, наводнениями, разгоном туч над Москвой и Питером не только олимпиады и саммиты, но и лишает жизни миллионов ни в чем не повинных граждан разных стран, создавая руками ученых Лубянки искусственные стихийные бедствия. Былой Коминтерн раскинул свою шпионскую сеть по всему свету, из многих стран, как из Австрии и Германии, никуда и не уходя после Второй мировой, и в наши дни тончайшей паутиной Лубянки пронизаны значимые позиции совершенно всей западной жизни. Так, сразу в нескольких ведущих странах Европы спецслужбы проводят полную реорганизацию структур безо всякой надежды очистить свои ряды от провокаторов, работающих на Кремль.

То, что террористическая агрессия Кремля направлена против мира, Запад недооценивает, но знает прекрасно, и о роли крупных политиков в умолчании происходящего говорить нужно отдельно. Как писал выдающийся политолог В. Суворов, и «в Нюрнберге судьям «международного трибунала» не хватило желания (и профессиональной честности) найти настоящих виновников войны». То же самое происходит сейчас, только нынешнее замалчивание совершенно очевидно самим главам государств. Куда как просто было бы объявить режим, по совокупности преступлений, вне закона. Не посылать гуманитарную помощь, не проплачивать правительственный российский терроризм, заморозить западные счета бизнесменам, тем самым перекрыв кислород и Кремлю. Заключение российских концлагерей, получившие, как правило ни за что, по 10-15 лет, арестовывались с целью никогда не дать им вернуться на волю. План Лубянки пока удался: почти некому рассказать ни о географии самых страшных концлагерей, ни о пытках на Северном Полюсе.

Это знает и оппозиция. В лучшем случае, ее роль сведется к тому, что одни заключенные будут заменены на других, - и все же главная наша надежда, что ворота лагерей хоть временно распахнутся, а накал пыток, биологические опыты, испытание психотропного оружия, изъятие внутренних органов до очередного вынужденного (!) осуждения мировыми державами на юридическом уровне, снизится. Игра стоит свеч.

Ближайшее будущее вырисовывается отчетливо. Оппозицию от Ходорковского еще несколько лет тому назад интересовало, как можно выдвинуть вперед Касьянова (недавно – путинского помощника!) и навести мосты, скажем, с Сечиным, - а тут подвернулся Медведев. Безусловно, молодые оппозиционеры попытаются провести бескровный... – не поворачивается язык сказать «переворот», так как этот путь соглашательства априори позорен: вступить в ельцинский компромисс с властью (как не вспомнить статью МБХ о компромиссах!). Путина, а точнее сегодня - Медведева, не убьют, но за это будет объявлена рокировка: он, «такой дальновидный юрист», сам назначит преемником того же... Кара-Мурзу (Касьянова, прочих). Вот почему договариваются как с Кремлем, так с Кадыровым, не гнушаясь ничем. Любопытный расклад. А ведь после этого все равно им руки не подашь...

Отрадно, что между Медведевым-Путиным обозначились разногласия. Первый ставит на ГРУ и назначил генерала из этого ведомства президентом в Ингушетии, собирается – и в Дагестане. Сольет Кадырова и попытается заменить его также ГРУшником, но у Рамзана армия в 8 тысяч человек, и это влечет за собой взрыв военных действий на всем Кавказе. Экономика России летит в трубу, опережая весь мир, и Путин осознает, что тут в большой мере вина и его "вертикали власти", сделавшей экономику чекистско-мафиозной, полностью сырьевой и не гибкой. Кремль сделает все, чтобы раздуть пожар войны, спровоцировав теракты, обозначив нового виновника всех бед, и в воздухе чувствуется запах Третьей мировой. Не обязательно развиваться самим, прорываясь в цивилизацию. Много проще – скинуть соседа с дистанции, поставить подножку Европе.

Ни в коем случае не препятствуя, за неимением лучшего (так как будущие талантливые революционеры еще далеки от руля, а проверенные и честные давно уже апатичны), возвышению единственно

заметной сегодня на горизонте, профСБшной оппозиции, мы отчетливо сознаём, что ее приход не принесет существенных изменений ни россиянам, ни чеченцам и ингушам, и что только объединение республик Кавказа и посредничество стран НАТО приведет Чечню к независимости и Кавказ – к миру. Традиционно рабскую Россию ждут распад и голод, а у воинственной Чечни, как и у Грузии, есть серьезный шанс преобразиться и выжить.